
АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ
АНДРЕЙ
ЛИВАДНЫЙ
ПРОРЫВ

Annotation

Много лет назад, в результате катастрофы, вызванной неудачным научным экспериментом, на территории России возникли огромные зоны отчуждения. От Внешнего мира их отделили почти непроницаемые энергетические Барьеры. За Барьерами не осталось ничего живого, зато процветают и бурно развиваются кошмарные порождения Техноса. И лишь мощная Барьерная армия противостоит натиску техногенных монстров. Но всегда находятся люди, готовые ради наживы вынести из-за Барьеров какую-нибудь смертоносную пакость. Один из таких людей – Станислав Радич, талантливый ученый, международный террорист и ставленник преступных корпораций. С какой целью Радич проникает за периметр одного из Барьеров, неизвестно, но ясно одно – ничего хорошего человечеству он оттуда не принесет. Если его, конечно, не остановит майор Барьерной армии Иван Щершнев…

Андрей Ливадный Прорыв

От автора 15 сентября 2051 года

Дата, разделившая историю нашей цивилизации на «до» и «после» величайшей техногенной катастрофы.

Несомненный прорыв в науке, первые испытания установки, формирующей гиперпространственные тоннели, обернулись для миллионов людей непредсказуемыми последствиями.

Результат испытаний привел к неуправляемому развитию процесса: образовалось пять устойчивых, не разрушающихся со временем пространственных червоточин.

На поверхности Земли образовались отчужденные пространства, изолированные Барьерами, внутри периметра которых погибло все живое, но неожиданный импульс в развитии получила техносфера.

Первые люди, проникшие через Барьеры, увидели пространства, подвергшиеся действию сил, не укладывающихся в рамки известных современной науке физических законов, столкнулись с порождениями стремительной кибернетической эволюции.

Пять отчужденных пространств стали не только точками проникновения в иные измерения, но и кладезем технологий, опережающих все самые смелые предположения о технике будущего. Микромашины, ставшие основой всех эволюционных изменений, приспособились к новым условиям: в результате вспышечного развития их колонии научились захватывать и «модифицировать» любой доступный носитель, будь то старая техника или человек.

Единственным фактором, ограничивающим их экспансию, являлся новый источник энергии, вкрапленный в кору нашей планеты первой пульсацией Узла (так ученые назвали червоточины, соединившиеся во внепространственную структуру).

После многих лет исследований стало понятно: излучение вещества, названного «скоргиум», является единственным источником питания для «изделий техноса». Любой изменившийся механизм или устройство, транспортированные во Внешний Мир, за периметр Барьеров, теряли функциональность, превращались в муляжи – сформировавшие их колонии микромашин переходили в состояние стазиса, и это обстоятельство стало единственным рубежом защиты нашей цивилизации от безудержной экспансии саморазвивающейся техносферы отчужденных пространств.

Однако за годы, прошедшие с момента катастрофы, за границы

Барьеров проникли не только охотники за артефактами – в отчужденных пространствах образовались устойчивые группировки людей, инфицированных микромашинами. Они сумели выжить, остановить изменения, создать из микромашин полезные вживленные устройства, но понимали: им уже никогда не вернуться назад во Внешний Мир.

Скоргиум и технологии устройств, зародившиеся в глубинах аномальных пространств, среди энергетических полей и металлической растительности, привлекли пристальное внимание корпораций Внешнего Мира.

К рубежу 2055 года стало понятно: тот, кто сможет добыть редкоземельный элемент и транспортировать его за границы Барьеров, без преувеличения обретет власть над миром, но необратимо изменит нашу планету.

В стремлении достичь вкраплений скоргиума (элемент мог существовать в стабильном состоянии только на большой глубине, при определенной температуре и давлении) пропали многие, но трагический опыт никого не убеждал: специальные группы, подготовленные ведущими корпорациями Земли, не прекращали попыток добыть и транспортировать скоргиум за границы Барьеров, а многочисленные обитатели отчужденных пространств по разным причинам не желали вставать на их пути.

Мир балансировал на грани. В исследовательских центрах за границами Барьеров к этому времени скопились миллионы образцов измененных микромашинами устройств, не представлявших опасности без адекватного источника энергии, но все могло измениться в любой момент.

Охотники за технологиями не понимали: стоит дать порождениям кибернетической эволюции хотя бы один шанс, и они вырвутся на просторы планеты, необратимо изменят Землю, превратят ее в мрачное царство техносферы, где человеку уже не будет места.

Пролог

Дождь стеной.

Непогода сузила мир, оставив восприятию лишь толику реальности: стены близлежащих домов, покрытые щедрыми россыпями выщерблин от пуль, пространство перекрестка, разорванное по центру глубокой воронкой, погнутые трубы городских коммуникаций, вывороченные взрывом из-под земли, да пара обгоревших легковых машин, ржавеющих у подъезда искаженного пульсацией двухэтажного кирпичного здания.

Дождь усилился. Порывистый ветер, сминая осеннюю хмарь, то налетал шквалом, то внезапно утихал, и в такие минуты было слышно, как упругие струи хлещут по гулким, ржавым корпусам машин, шелестят в зарослях металлокустарника, проросшего на ниве покореженных труб.

Сталкер со стоном пошевелился. Под рукой твердыми катышками ощущалась щедрая россыпь остывших автоматных гильз. Он попытался привстать, но лишь разбудил задремавшую боль, разбередил раны, и кровь, смешиваясь с дождем, вновь начала стекать по выщербленным ступеням розовыми ручейками.

Им овладело чувство глобального, всеобъемлющего одиночества.

Стена дождя смыкалась все плотнее. Помутившийся взгляд бессильно цеплялся за очертания предметов, пытаясь удержать искру сознания. Беспамятство равносильно смерти. Он скрипнул зубами. Голова кружилась, мир погружался в багровые полутона боли, только побитый ржавчиной корпус баснословно дорогого концепт-кара промышленной группы «Рос-Авто» все еще оставался в фокусе восприятия.

Откуда он тут взялся? Взгляд сталкера скользнул по стенам близлежащих зданий. За мятущейся пеленой дождя виднелся темный провал выбитой витрины, глубже, в сумраке руин растеклось холодное сияние, источаемое дикой колонией скоргов, в тусклом неживом свете угадывались очертания десятков автомобилей. Одни из них еще сохранили мутный глянец заводской покраски, другие превратились в ржавую труху.

«Бывший автосалон…» – промелькнула блеклая мысль.

Метаболический имплант, загнанный в форс-режим, понемногу делал свое черное дело – боль постепенно отступала, возвращалась связность мышления, но становилось ли от этого легче?

Он чувствовал, как жизнь медленно, по капле покидает израненное тело. Шансов нет. Ближайшее энергополе в полукилометре, «сердце

зверя»[1] полностью разряжено, а без энергии ослабевший от потери крови организм не справится с ранами. Метаболический имплант гнал микромашины по кровеносной системе, серебристые струпья зарубцовывали разорванную пулями плоть, но это лишь затягивало агонию.

И все же сталкер боролся до последнего. Концентрация воли привела к активации расширителя сознания, и перед мысленным взором за пеленой непогоды призрачными контурами вспыхнули энергетические матрицы: несколько механических тварей копошились в руинах, трое сталкеров шли своей дорогой, сейчас до них было метров пятьдесят, не больше, нужно лишь привстать, совершить усилие, шевельнуть потрескавшимися губами и…

Возможно, они услышат предсмертный зов, подойдут ближе, остановятся, кто-то из них, считывая данные с имплантированных сканеров, наверняка качнет головой: нет, не жилец… Остальные ничего ему не ответят, даже автомат не подберут – кому нужен морально и технически устаревший «калашников», практически бесполезный в схватке с исчадиями техносферы?

Постоят и уйдут дальше своей дорогой.

Глобальное одиночество.

Почему некоторые истины начинаешь понимать лишь на тонкой грани между жизнью и смертью?

Где-то неподалеку есть и другие люди, но ты все равно всегда один. Здесь, в отчужденных пространствах, каждый сталкер самодостаточен, он – сам себе цивилизация, у него есть все, чтобы эффективно выживать в нечеловеческих условиях, а большего и не нужно… до поры…

Многие скажут: так сложились судьбы. Оказавшись в мире, где безраздельно властвует технос, человек быстро и необратимо меняется, тонкий налет «цивилизованности» сползает с него, как змеиная кожа, все условности остаются за Барьером[2], а тут, в каждый миг осознанного существования, есть ты и есть порождения техносферы, которым вообще невдомек, что в субъективном мире людей существуют какие-то там законы или моральные ценности…

На тонкой зыбкой грани между жизнью и смертью, когда лишь работа метаболического импланта, пережигающего последние ресурсы организма, поддерживает искру сознания, вдруг остро начинаешь понимать: борьба, которую вел, постепенно уничтожила нечто уникальное, превратив былые порывы души в циничную смесь холодного расчета, дерзких амбиций, презрения к любым проявлениям слабости.

Сообщество сталкеров… Он слабо усмехнулся в ответ навалившемуся одиночеству. Крутые парни, презирающие опасность, одиночки по жизни, бесстрашные, но замкнутые в себе, редко протягивающие руку помощи себе подобному, полные амбиций, нашпигованные имплантами – сейчас все это вдруг показалось фарсом. Еще пару часов назад он был таким же – сильным, энергичным, самоуверенным, а теперь, когда его вселенная вот-вот угаснет, истает на губах последним вздохом, что он мог вспомнить, оглядываясь назад?

Какой-то особо удачный выстрел? Число уничтоженных исчадий техноса? Количество денег, полученных за техноартефакты?

Да, конечно. Но почему так пусто внутри? Почему не согревает душу приведенный мысленный счет побед? Почему невозможно вспомнить ни одного человеческого лица, все грезятся какие-то смутные, безликие силуэты?

Он оскалился, скулы обтянуло кожей. «Я выживал… проходил мимо других, и вот сегодня настал мой черед, так что же теперь?

Нечего вспомнить? Некого позвать, так, чтобы откликнулся сразу, наверняка, без лишних разговоров?

Да, некого. И точка».

Оказывается, упрощенный смысл жизни, когда все сведено к проблеме сиюминутного выживания, не оставляет места для поступков, о которых можно было бы вспомнить сейчас, за секунду до наступления абсолютного всепоглощающего мрака.

Дождь стеной.

Катышки автоматных гильз под слабеющими пальцами.

…Три фигуры внезапно свернули в сторону руин двухэтажного здания.

Сталкер не звал их, но угасающее сознание уже не контролировало импланты – видимо, чип мью-фона, по-своему интерпретируя предсмертную активность мозга, транслировал в сеть какие-то сигналы.

Три массивные фигуры в тяжелой, оснащенной сервоусилителями броне, покрытой слоем активного пластика, защищающего от скоргов[3], появились в поле зрения. Дымчатые забрала их боевых шлемов были подняты, позволяя рассмотреть незнакомые лица.

– Не жилец… – произнес один из них.

– Отсканируй конфигурацию его имплантов, – холодно, без сочувствия приказал второй. Третий участия в разговоре не принимал, он контролировал окружающую обстановку.

Неприятное ощущение щекотливого покалывания, пробежавшее по местам соединения имплантов с нервной системой, на миг заглушило боль.

– Мнемотехник? – поинтересовался первый.

– Да, – скупо и односложно ответил второй.

– Нам подойдет?

– По конфигурации имплантов я бы не сказал, что он мастер. Скорее ремесленник.

– Все равно – забираем. – Первый принял решение. – На начальном этапе нам мастера ни к чему. А этот подойдет.

– Как скажешь. – Второй не стал спорить, присел, собираясь сделать инъекцию.

Сталкер не ожидал такой развязки. Он видел лица, но не узнавал их. Одинаковая экипировка незнакомцев говорила, что они пришлые. Он попытался привстать, но в следующий миг ощутил, как сознание гаснет, погружаясь в блаженное тепло и…

…С чавканьем открылась каплевидная крышка, в глаза ударил свет, чьи-то руки сноровисто, деловито принялись отлеплять датчики от обнаженного тела.

Резко пахло чем-то медицинским.

На белоснежной стене, в поле расплывчатого зрения выделяется эмблема: земной шар, окруженный нитями орбит.

«Лаборатория военно-космических сил», – услужливо подсказала память.

– Ну, – голос капитана Завьялова (в армии все имеют звания, даже научный персонал) прорывался издалека, с трудом проникал в рассудок, – как себя чувствуете?

– Порядок. – Он ухватился за борта похожего на саркофаг спецкомплекса, сел.

Дождь стеной. Чужие мысли запутались в голове.

Поднятое забрало гермошлема. Лицо, вырванное из прошлого…

– Капитан?

Завьялов обернулся.

– Минуту терпения. Сейчас станет легче. Я вижу, вы стойко перенесли раздвоение личности.

– Неужели через подключение к мью-фонной сети можно вот так запросто читать мысли?

Профессор отрицательно покачал головой.

– Нам редко удается получить и дешифровать связные, последовательные мысленные образы, сгенерированные в сеть

расширителем сознания, – признался он. – Вообще-то большинство сталкеров, за исключением некоторых мнемотехников, даже не подозревают, что их импланты транслируют в сеть данные, снятые на подсознательном уровне. М-связь, как вы знаете, разрабатывалась для реализации мысленного интерфейса управления машинами, так что с технической точки зрения в приеме «мыслеобразов» нет ничего необычного.

– Но катастрофа и мутация наномашинных комплексов изменили и сами чипы, и мью-фонную сеть!

– Да, верно. Не следует забывать – чипы М-связи адаптивны. Работая в контакте с человеческим мозгом, они используют разработанные еще до катастрофы алгоритмы распознавания и передачи мысленных образов.

– А общее информационное поле техноса?

– Оно пока недоступно для понимания, – развел руками Завьялов.

– Ясно. Я уже могу встать?

– Да.

– Один вопрос, капитан. Что-то известно о судьбе сталкера? Он выжил?

– Не знаю, – пожал плечами Завьялов. – Нам даже имя его неизвестно. Трудно сказать, что произошло впоследствии.

– А как же уникальный маркер мью-фона? Разве его невозможно отследить?

– Теоретически. На практике все очень сложно. Агрессивная среда отчужденных пространств не позволяет использовать стационарные комплексы слежения. Пульсации уничтожают оборудование, скорги преодолевают защиту и захватывают наши устройства, энергополя создают помехи, в общем, проблем хватает.

– Но эту запись как-то получили?

Завьялов медлил с ответом, и майор, потянувшись за одеждой, заметил:

– У меня сплошной допуск.

– Да, я знаю. Но к чему вам технические подробности?

– Хочу понять, почему мне не показали видеоверсию? Зачем такие сложности? – Он кивком указал на спецкомплекс.

– Специфика М-связи. Чип сам по себе – обыкновенное приемопередающее устройство. Когда мью-фон имплантирован человеку, источником формирования сигнала служит мозг. По периметру Барьеров установлены специальные станции. В зоны отчуждения проложены кабели. Таким образом, мы соединяемся с сетью сталкеров. Информация

записывается в модули искусственной нейросети. – Он демонстративно извлек из гнезда длинную планку с нейрочипами. – Но данные с такого носителя способен дешифровать только человеческий рассудок. Этим сеть сталкеров и отличается от информационного поля техноса. Они разделились, произошла техническая мутация.

– Но точки соприкосновения остались? Иначе каким образом мнемотехники воздействуют на эволюционировавшие машины?

– Естественно, ведь М-связь и разрабатывалась для управления машинами через интерфейс мысленных команд, – вновь напомнил Завьялов. – Но проблема в том, что наномашинные комплексы разных специализаций перемешались между собой, создали совершенно новые агломерации и в конечном итоге эволюционировали. Мнемотехникам приходится подбирать индивидуальный ключ к каждому «изделию», а ситуация чаще всего отводит на это секунды, не более. – Завьялов, похоже, начал развивать свою любимую тему, его речь стала взволнованной и немного сбивчивой. – Бытует мнение, что любой сталкер способен управлять техносом, но это не так. Современные чипы позволяют оперировать сотнями командных последовательностей, но этого мало. Нужно обладать устойчивой психикой, чтобы установить контакт с эволюционировавшей машиной, железной волей, чтобы удержать концентрацию мысленных усилий, обладать развитым логическим мышлением для мгновенной идентификации структуры управляющей колонии наномашин и, наконец, воздействовать на скоргов, используя элементарные команды, единственно верные из миллионов доступных сочетаний, иначе результат будет неадекватен первоначальному замыслу. Поверьте, перечисленным сочетанием качеств обладают единицы…

– Спасибо, капитан. В общих чертах ситуация мне понятна, а углубляться в изучение проблемы сейчас нет времени. Последний вопрос: оказавшись там, используя чип мью-фона, я смогу определить местонахождение сталкера?

– Да, если он включен в сеть. Но большинство сталкеров предпочитают подключаться к сети эпизодически, по мере возникновения необходимости.

– Других вариантов нет?

– Чип мью-фона можно зафиксировать при помощи датчиков БСК[4], но при этом объект должен находиться в зоне эффективного сканирования, то есть на удалении в сто, максимум сто пятьдесят метров. – Завьялов заинтересованно взглянул на майора. – А вы действительно собираетесь в

отчужденные пространства? Без специальной подготовки?

– Еще не знаю, – уклончиво ответил майор.

– Не рискуйте зря. По крайней мере подумайте, прежде чем принимать решение. Военных сталкеров готовят годами, и то при первом боевом выходе половина из них погибает. Необходимы длительные тренировки по специальным методикам, иначе психика попросту не выдержит.

– Не выдержит чего?

– Киборгизации восприятия, – лаконично ответил Завьялов. – И никакой «прежний опыт» там не поможет, – пристально взглянув на майора, неожиданно добавил он. – Я вижу, вы уверены в себе. Но за Барьером начинается иной мир, иная среда обитания, где завышенная самооценка убивает новичков быстрее, чем пуля.

– Я учту.

Дверь за майором закрылась.

Глава 1

Главное управление спецопераций

– Да не мельтеши, Федор Андреевич! Сядь уже! – Полковник Фирсов прекратил расхаживать по кабинету, остановился подле длинного Т-образного стола, отодвинул одно из кресел и сел, глядя на голографическую карту Евразии. Мутные купола Барьеров[5], отсекающие аномальные пространства от Внешнего Мира, выглядели на ней как вздувшиеся, готовые вот-вот лопнуть нарывы.

Так оно, по сути, и есть. Гравитационные аномалии год за годом сдерживают эволюционировавший технос в границах зон отчуждения, они же гасят чудовищную энергию пульсаций, но сколько еще продлится существующее положение вещей, предсказать невозможно. Может быть, вечно, а может, следующая пульсация взорвет цивилизованный мир еще одной катастрофой?

– О чем задумался?

Фирсов перевел взгляд на генерала Новикова.

– Вы не понимаете специфики аномальных пространств! – с несвойственной резкостью произнес он. – Операцию следует поручить военным сталкерам!

– Я им не верю! – отрезал генерал. – Люди без принципов. – Он поморщился. – Да и люди ли они теперь, полковник? Ты за кого-то лично поручиться можешь? Что у них в голове после имплантации происходит? Кем они себя считают?

Фирсов насупился.

– Павел Денисович, зачем меня вызвали в качестве консультанта, если…

– Не ершись! – резко одернул его генерал. – Лично к тебе пока претензий нет. Но непонятно, что за бардак тут у вас творится? Техноартефакты по всему миру расползаются, курьеры с грузами через Барьер снуют, сталкеров становится все больше, так что же мне прикажешь думать? Как относиться к коалиционным силам, если периметр зон отчуждения – что проходной двор?

Замечание генерала задело Фирсова за живое. Он злился, но возразить ничего не мог, только изо всех сил старался сдержать растущее раздражение. Фигура Новикова на фоне окна выглядела темной безликой глыбой, словно олицетворяла некую силу, решившую, что пора вмешаться,

навести порядок.

«Много вас тут побывало, – продолжал неприязненно размышлять полковник. – Нашелся начальник. Об аномальных пространствах понятия не имеет, а все туда же – командовать. Сейчас наломает дров, а мне потом расхлебывай…»

Дверь кабинета бесшумно открылась, на пороге показался незнакомый майор.

– Разрешите войти?

– Заходи, присаживайся, – в голосе генерала проскользнули нотки тревожного ожидания. – Знакомься, полковник Фирсов, начальник отдела специальных операций Барьерной армии. Он консультирует нас.

– Майор Шершнев, – представился вновь прибывший.

– Запись просмотрел?

– Так точно.

– Что скажешь?

– Это он.

– Уверен?

– Вне сомнений.

Новиков насупился. Новость его явно не порадовала.

– О ком идет речь? – Фирсова откровенно злила складывающаяся ситуация. Не очень-то приятно чувствовать себя пятым колесом в телеге, да еще и движущейся в непонятном направлении.

– Минуту терпения. – Генерал Новиков коснулся сенсора, активируя голографический монитор.

В сфере объемного воспроизведения появилось изображение мужчины лет тридцати. Сухопарый, подтянутый, Фирсов внимательно рассматривал незнакомца, – лицо узкое, смугловатое, нос острый, губы тонкие, глаза карие, но их взгляд холодный, цепкий, отталкивающий. Полковник перебрал в памяти всех сколь-либо известных сталкеров, но очевидного совпадения внешности не нашел. Короткая армейская стрижка, из особых примет – чуть оттопыренные уши да едва приметная ямочка на подбородке.

– Я его не знаю, – в ответ на молчаливый вопрос генерала произнес Фирсов.

– Станислав Радич. – Новиков сцепил пальцы рук в замок, даже не глядя на голограмму. Очевидно, он знал фигуранта достаточно давно. – Гражданин России. Учился в Московском институте нанокибернетики, откуда в 2028 году был отчислен за разжигание межнациональной розни. Против него возбудили уголовное дело, но Радичу удалось вовремя

ускользнуть за границу. В течение последующих десяти лет о нем не поступало никакой информации. Международный розыск результатов не дал. В 2038 году, в разгар локальных конфликтов, вызванных продовольственным кризисом и климатическими миграциями, Радич появился в Центральной Африке. Был активным участником незаконных вооруженных формирований, действовавших против сил ООН, в поле нашего зрения попал в ходе расследования гибели жителей двенадцати населенных пунктов, находившихся в зоне боевых действий. Как выяснилось, там проводились эксперименты на людях.

– Какого рода эксперименты? – Фирсов мгновенно насторожился.

– Испытания кибернетических имплантов и наномашинных комплексов, созданных зарубежными корпорациями, – сухо пояснил Новиков. – Запрещенные, нелицензированные образцы технологий, признанные на тот момент лежащими за гранью научной этики.

– Он ученый или боевик? – Фирсов искоса взглянул на объемное изображение. Обыкновенный парень. Таких миллионы…

– Радич начинал рядовым наемником. Всегда отличался особой жестокостью, признавая любые способы достижения поставленной цели. Он умен, циничен, равнодушен к каким-либо ценностям, кроме собственных убеждений. Деньги для него играют вторичную, я бы сказал – вспомогательную роль. Как удалось выяснить, за десять лет, пока о нем не поступало известий, Станислав завершил образование, некоторое время трудился на одну из западных корпораций. Сделал ряд открытий в области биокибернетики, опубликовал несколько статей в западных журналах, вызвавших скандал. Не получив заслуженного признания, он подвергся гонениям, был вынужден уйти из института биокибернетики, после чего подался на «вольные хлеба».

Фирсов внимательно слушал Новикова, изредка поглядывая в сторону Шершнева. Майор не проявлял особого интереса к словам генерала. Очевидно, история боевика-ученого ему была хорошо известна.

– В последующие годы Радич появлялся в различных горячих точках, в том числе и на территории сопредельных с Россией государств, – продолжил Новиков. – В результате спецопераций нами были ликвидированы полтора десятка подпольных исследовательских центров, разбросанных по всему миру. Станиславу каждый раз удавалось уйти, хотя из допроса пленных становилось ясно – он находился на объектах, подвергавшихся тотальной зачистке. В 2047-м Радич получил тяжелое ранение. – Новиков взглянул на Шершнева, но у того на лице не дрогнул ни один мускул. Фирсов, перехватив красноречивый взгляд генерала, понял:

именно Шершнев упустил террориста. Вероятно, счел его мертвым. «Со всяким бывает, – сочувственно подумал полковник. – Хотя для офицера спецназа ошибка серьезная».

– В сорок седьмом тело Радича не было найдено, хотя по предварительной информации он находился в оцепленном селении, – хмуро продолжил генерал. – Некоторое время его считали мертвым, даже отправили дело в архив, но не так давно выяснилось, что Станислав выжил, продолжает работать на международную преступную группу, известную как «Техносиндикат», и даже занял высокое положение в иерархии транснациональной группировки. После катастрофы пятьдесят первого мы закономерно ожидали, что рано или поздно Радич появится в отчужденных пространствах, и не ошиблись.

– Кто источник информации? Насколько надежен ваш осведомитель? – сухо поинтересовался полковник Фирсов. По опыту работы со сталкерами он знал, как сложно добыть истинную информацию.

Новиков некоторое время хмурился, затем все же ответил:

– Станислав Радич опознан на записи мыслеобразов, сгенерированных в сеть расширителем сознания умирающего сталкера. Думаю, ошибка исключена. Радич не менял внешность, а запись мыслеобразов невозможно подделать или скорректировать. Мы получаем данные непосредственно из мью-фонной сети при помощи специальных станций, работающих на базе нейрокомпьютеров. Они контролируют М-связь, собирают отдельные факты, на их основе строят прогнозы событий. Нередко нейрокомпьютеры перехватывают обрывочные мысли сталкеров, спорадически транслируемые в сеть имплантами.

Фирсов задумался. Действительно, проблема серьезная, а источник получения информации вполне надежен. О станциях слежения за мью-фонными сетями он, естественно, знал, а скупой характеристики на Радича было достаточно, чтобы понять – его появление в отчужденных пространствах сулит серьезные проблемы.

– Почему именно разведывательное управление занимается разработкой?

Вопрос риторический, но Новиков все же ответил:

– Радич представляет угрозу национальной безопасности.

– Он имплантирован? – продолжал допытываться Фирсов.

– Неизвестно. На записи фигурируют три человека в одинаковой черной бронеэкипировке, без характерных признаков принадлежности к какой-либо из группировок сталкеров.

– Как в таком случае опознали Радича? – недоуменно переспросил

полковник.

– У всех троих забрала боевых шлемов были подняты. Сталкер отчетливо видел их лица. О чем говорят приведенные сведения?

– Без шлемов или с открытыми забралами в пространствах могут выжить только имплантированные сталкеры.

– И тем не менее он чист, – настаивал Новиков. – Умирающий сталкер являлся мнемотехником, – пояснил генерал. – Он бессознательно сканировал всех троих. Характерного излучения имплантов его расширитель сознания не зафиксировал.

– В таком случае импланты внешние, – уверенно предположил Фирсов.

– Поясните, – потребовал Новиков.

– Существуют устройства, при помощи которых человек способен некоторое время находиться в условиях агрессивной среды отчужденных пространств без серьезного вреда для здоровья, – осведомил его Фирсов. – Конечно, даже самым передовым образцам внешних приспособлений очень далеко до совершенства метаболических имплантов и расширителей сознания сталкеров, но все же с их помощью можно совершать короткие вылазки. Правда, стоимость таких устройств не по карману «мотылькам» или «черным старателям»[6], но, насколько я понимаю, Радич в состоянии позволить себе такую «роскошь»?

– Ну да… Внешние импланты… – презрительно фыркнул Новиков. – Аналог наших российских разработок?

Фирсов кивнул.

– Принцип устройств и их функциональные характеристики приблизительно схожи. Я имею в виду, что наши разработки и их западные аналоги действительно не сильно разнятся.

– Наши разработки… – Генерал скептически хмыкнул. – Не из-за них ли недавно была провалена операция по захвату комплекса «Страж»?[7] – раздраженно уточнил он.

Фирсов побледнел.

– Наши устройства надежны! – утратив самоконтроль, запальчиво огрызнулся полковник. – Комплексы прошли все необходимые испытания! Существует лишь одно ограничение – внешние импланты нельзя использовать при прохождении через пространство Узла! Их необходимо экранировать специальными приспособлениями. Наш агент пренебрег элементарными правилами, за что и поплатился!

– То есть, если избегать гиперпространственных перемещений через

Узел, внешние импланты плюс надежная экипировка обеспечивают полный комплекс защиты? – Новиков прищурился в ожидании ответа.

– Именно!

– Хорошо. – Генерал расцепил пальцы рук. – Очень хорошо! Что докладывает агентура по поводу деятельности техносиндиката?

Вопрос застал полковника Фирсова врасплох.

– Я не подчиняюсь разведывательному управлению, – напомнил он.

– С сегодняшнего дня отдел специальных операций переведен в мое подчинение. – Новиков мог бы сообщить новость и раньше, но предпочел сделать это именно сейчас, будто под дых саданул. – Вот приказ. – Он извлек из нагрудного кармана спецчип, щелчком пальца отправил его Фирсову. – Ознакомься.

Полковник поместил чип в гнездо на браслете личного нанокомпа, бегло просмотрел данные, нахмурился.

Действительно, приказ о переподчинении его отдела… Проклятье… Вот как теперь работать?..

– К делу, полковник. Времени у нас мало. – Тон генерала изменился, теперь он явно давал понять, что не потерпит пререканий либо недомолвок. – Так что сообщает агентура?

– В основном – слухи. – Фирсов сознательно сделал упор на сомнительности имеющихся данных. – Есть сведения, что корпорации Внешнего Мира затеяли масштабный эксперимент. Они хотят создать серию прототипов техники нового поколения, источником энергии для которой станет скоргиум, а в самих изделиях будут использованы технологии, заимствованные у эволюционировавших механизмов отчужденных пространств.

– То есть они рассчитывают выращивать образцы машин, используя колонии скоргов? – уточнил Новиков.

– Да, именно. – Фирсов, несмотря на предупреждение, вновь начал расхаживать по просторному кабинету.

– Вижу, в управлении спецопераций происходит элементарная недооценка степени и масштабов угрозы! – не выдержав, повысил тон генерал. – Скоргиум – серьезнейшая проблема! Мало того что в руки иностранных наемников попал аномальный элемент внеземной природы происхождения! Они сумели не только добыть его из глубин отчужденных пространств, но и сохранить от распада, что говорит об очень серьезной подготовке, о научных исследованиях, проведенных с привлечением огромных средств! Они проанализировали и учли опыт прошлых неудачных попыток и одними из первых добились успеха! – бушевал

генерал.

– Небольшим количеством скоргиума на сегодняшний день располагает и Орден, но их исследования продвигаются крайне медленно, – заметил Фирсов, сбив негромким высказыванием всплеск «праведного гнева».

– Информация из Ордена нам доступна? – тут же поинтересовался Новиков.

– Да, они поддерживают условия соглашения, но прогресс в исследованиях пока невелик. Есть мнение, что корпорации продвинулись намного дальше в изучении образцов скоргиума. – Фирсов остановился у окна. – Я согласен: если будут созданы устройство, механизм, машина или того хуже – кибернетическая система, работающая на извлеченном из вкраплений скоргиуме, то уже ничто не помешает техносиндикату вывезти созданное изделие за границы Барьеров, – мрачно произнес он.

– Если образец извлечен на поверхность… – начал генерал, но Фирсов прервал его протестующим жестом.

– Скоргиум разрушается, превращаясь в кристаллическую массу, лишенную уникальных свойств, при попытках транспортировки образцов на поверхность, – пояснил он. – Создание специального защитного контейнера, внутри которого поддерживаются нужное давление и температура, стало первым шагом для успешной добычи образцов аномального элемента. Но имеющиеся защитные устройства работают только в отчужденных пространствах. Транспортировать скоргиум за Барьер пока не удалось.

– Таким образом, налицо главная опасность, – выслушав его, подытожил генерал. – Вероятный экспорт энергоносителя, его неконтролируемое использование во Внешнем Мире, что неизбежно приведет к экспансии техноса за границы отчужденных пространств! Создание защитной капсулы для скоргиума – задача, достойная Радича.

– Мы бы заметили появление новых энергополей.

– Если только эксперименты не проводятся в границах уже существующего энергополя, маскируя аномалии, возникающие при изучении извлеченного на поверхность образца.

– В границах энергополей велика концентрация изделий техноса. Там невозможно спокойно работать.

Новиков с досадой кивнул. Он изучил вопрос и понимал, о чем говорит Фирсов. Эволюционировавший технос зависим от энергополей. Создать базу в границах «энергетического пастбища» действительно проблематично.

– Шепетов на связь выходил? – Генерал мрачнел по мере накопления безответных вопросов.

– В последние две недели – нет.

– Он что, в сталкеры решил податься? – осуждающе спросил Новиков. – Как такое могло произойти? Боевой генерал продался Ордену?! Может, они его уже и в очередь на имплантацию поставили?

– Связь с Шепетовым доступна по четвертому каналу, через спецкомплекс адаптеров мью-фонной сети. – Фирсов кивнул в сторону упомянутой аппаратуры, которую заметил в кабинете Новикова. – Если есть вопросы к генералу, спросите у него лично.

Наступила неловкая пауза.

– Ладно. С этим я сам разберусь. Давай, полковник, соберись, мне нужно твое компетентное мнение. Радича видели в Пустоши. Исходя из всего сказанного понятно: он не имплантирован, пользуется подключаемыми модулями поддержания жизни и расширения сознания, то есть вынужден избегать «зоны тамбура»[8]. Его деятельность ограничена пространством Пустоши. Значит, именно там расположена крупная база синдиката. А это, в свою очередь, – каналы снабжения, поставка материалов, проводка групп через периметр Барьера. Твоя епархия. Что скажешь?

Фирсов заставил себя успокоиться, вновь сел в кресло.

– Крупных баз синдиката до последнего времени в Пустоши не существовало. Признаков ее организации также не зафиксировано. Спутниковый мониторинг территорий эффекта пока не дал. Есть сведения от сталкеров. Синдикат действительно активизировал деятельность, но не только в Пустоши – во всех пяти отчужденных пространствах. У меня есть информация, что им требуются специалисты по работе со скоргами. Попытка внедрения наших агентов под видом вольных мнемотехников провалилась. Техносиндикат уже не раз обжигался, и сейчас его эмиссары действуют крайне осторожно. Сталкеров, изъявивших желание стать наемниками, тщательно проверяют, отвергнутые кандидатуры, как правило, исчезают бесследно.

– То есть мы не располагаем проверенными данными?

– Мои люди ищут базу.

– Этого мало!

– Правильно мотивированный сталкер способен в одиночку собрать информации больше, чем поступает от спутников, – заметил Фирсов.

– Нет! Я уже сказал: сталкерам доверять нельзя! – мгновенно

взъярился Новиков. – Речь идет об интересах государства! Почему до сих пор не прочесали Пустошь силами военных?!

Фирсов непроизвольно поморщился. Протянув руку, он коснулся голографического изображения одного из Барьеров, и тот вдруг начал укрупняться, затем в пространстве голографической модели появилось максимально детализированное изображение рельефа Пустоши.

С высоты птичьего полета местность выглядела как сплошное сплетение металлической проволоки, по большей части хаотичное, лишь кое-где уплотняющееся в структуру так называемых городищ.

– Это Пустошь. Кроме металлорастений, – он включил лазерную указку, очертил ею некоторые упорядоченные структуры, – на территории аномального пространства расположены тысячи построек техноса. Многоуровневые сооружения по большей части покинуты, но их прочесывание – пустая трата времени. Созданная техносом инфраструктура надземных дорог и подземных тоннелей, связывающих городища, до сих пор даже не картографирована! Войсковая операция обернется жертвами и вспугнет синдикат. Затеряться в Пустоши просто, а вот отыскать точку базирования наемников – крайне сложно. Если мы начнем действовать грубо – лабораторию свернут, и не исключено, что она появится где-нибудь в странах третьего мира, уже за границами Барьеров.

– Ладно. Убедил. – Новиков не стал протестовать, словно проверял Фирсова на вменяемость. – С войсковой операцией повременим. – Он обернулся к майору. – Иван, ты пока свободен.

Шершнев молча встал и вышел.

Когда дверь за ним закрылась, Новиков произнес:

– Он отыщет базу наемников.

– Каким образом? – насупился Фирсов.

– Под видом сталкера-одиночки он проникнет в пространство Пустоши.

– Это неоправданный риск. Он погибнет, – отрезал полковник. – Для эффективной работы в отчужденном пространстве нужна специальная подготовка.

– Хватит уже поучать меня! – вновь вспылил генерал. – Твои люди уже не справились! Мотивация сталкеров для меня весьма сомнительна. А Шершнев – человек системы. Нашей системы. Он опытный, подготовленный офицер, способный провести автономный поиск!

Фирсов хотел что-то возразить, но передумал. Если вопрос поставлен таким образом, то Новиков от намеченной операции не откажется. Говорить ему о плотности строений техноса и бесчисленных опасностях,

которыми буквально пропитан каждый квадратный метр отчужденных пространств, сейчас бессмысленно. Генерал либо адекватно оценил угрозу, либо решил действовать нахрапом, и тогда его ставленнику не позавидуешь…

– Радич крайне опасен, – продолжал развивать свою мысль генерал. – Он прекрасно умеет манипулировать людьми, для достижения цели использует любые средства. Жесток, циничен, умен. Прекрасно подготовлен. В совершенстве владеет многими видами оружия. За ним стоит финансовая мощь транснациональных корпораций. Он не перекупщик, не рядовой агент и не охотник за артефактами. Появление Станислава означает, что корпорации затеяли что-то очень серьезное.

– Дайте мне пару недель, – произнес Фирсов. – Насколько я понял, интересам государственной безопасности в полной мере отвечает ликвидация Радича, верно?

– Федор Андреевич, ты меня разочаровываешь. – Новиков укоризненно покачал головой. – Нам прежде всего нужна информация! Повторяю: затевается что-то очень серьезное! Мы должны не просто отыскать и уничтожить лабораторию, необходимо изъять все материалы, касающиеся проводимых синдикатом разработок, а особенно прототипы техники, если таковые уже созданы.

– Шершнев справится?

– Его задача – обнаружить базу. Твоя – подготовить Ивана, оснастить его всеми необходимыми для выживания техническими средствами.

– Средства у нас есть. Но на адаптацию к устройствам, имитирующим импланты, ему потребуется как минимум два-три пробных выхода в отчужденное пространство, желательно в составе войсковых групп, для подстраховки. По опыту знаю – подключение расширителя сознания ломает психику, а воздействие метаболического импланта выдерживает не каждый организм. Всякое может произойти.

– Предложения? Время не терпит. Каждый день промедления будет нам дорого стоить!

– Существуют подразделения, осуществляющие регулярные рейды в пространство Пустоши.

– Ивана нельзя «засветить». В составе уже слаженных боевых групп его адаптация станет заметной, вызовет вопросы, поползут слухи.

– Есть одна идея, – подумав, ответил Фирсов. – Подразделение, регулярно сопровождающее грузы в Пустошь. Бойцы там далеко не элитные, всегда есть свободные вакансии. Появление Шершнева подозрений не вызовет. Слишком большая текучка кадров.

– Почему? Высокая смертность?

– Высокие соблазны… – усмехнулся полковник.

– Отчет мне на стол положишь. Подробный.

– Без проблем. Меня волнует другой вопрос: допустим, что Шершнев обнаружит базу. Что дальше?

– Есть предложения?

– Зная точные координаты, мы сможем провести войсковую операцию.

Генерал задумался, затем кивнул:

– Резонно. Подготовь группы немедленного действия. Задействуй достаточно людей и техники для круглосуточного дежурства.

– Последний вопрос. Связь с Шершневым?

– Через меня.

Фирсов не удивился. Почему-то он так и думал. Не исключено, что Новиков действует на свой страх и риск. Впрочем, он-то ничего не теряет. Рискует тот, кто отправляется в Пустошь без должной подготовки.

Угрозы генерала его не пугали. Но и возражать он не видел смысла. Новиков все равно поступит по-своему. Придется действовать параллельно, попытаться подстраховать Шершнева, действуя через сталкеров. Фирсов прекрасно осознавал – по большому счету Новиков прав: если ничего не предпринимать, мир вскоре полетит в пропасть. Если техносиндикат вывезет хоть одно запитанное энергией скоргиума «изделие» за границы Барьера, мало не покажется никому. Род человеческий попросту будет сметен с лица планеты неконтролируемой экспансией постоянно эволюционирующих нанороботов. Надежда удержать их под контролем, в каких-то рамках неизбежно обернется провалом, катастрофой. Любой, кто хоть раз побывал в отчужденных пространствах, должен понимать это. Технос невозможно контролировать. По крайней мере не на уровне современной науки и известных технологий. Можно лишь сдерживать его в границах зон отчуждения, сделать все, чтобы скоргиум не был экспортирован во Внешний Мир.

– Разрешите идти? – Фирсов встал.

– Иди! И не просто иди, а работай, начинай немедленно формировать группы для захвата лаборатории! Когда Шершнев ее обнаружит, времени на раскачку уже не будет!

Фирсов кивнул. Хотел бы он иметь такую же уверенность в успехе.

«А кто его знает? Может, я действительно зациклился на сталкерах? Все же не мальчика Новиков посылает в Пустошь».

Внешний периметр Барьера Пустоши.

Место дислокации 117-го отдельного батальона Изоляционных сил

– Подлетаем!

Военно-транспортный вертолет пошел на снижение. Внизу проносились редкие группы деревьев, меж ними вились укатанные бронетехникой проселочные дороги, петляла речушка, повсюду высились горы ржавеющего под открытым небом металла, вдали виднелись типовые ангары – длинная цепь сверкающих металлических горбин, влажных от утренней росы.

Мутный купол Барьера царил по правому борту, вздымаясь к небесам зримой, клубящейся стеной уплотненного воздуха.

Шершнев равнодушно ждал высадки. Несмотря на погожее весеннее утро и массу новых впечатлений, он не испытывал ни душевного подъема, ни нервозности. Просто смотрел в иллюминатор, не думая о прошлом, не пытаясь представить будущее.

После двух недель, проведенных в медицинском центре спецназа ВКС, где Ивану вживили специально откалиброванные под особенности его организма метаболический и кибернетический импланты, он пребывал в состоянии сосредоточенной собранности, словно стал машиной, ждущей приказа к действию.

На самом деле он ничуть не изменился – таким образом влияли на психику боевые препараты, курс которых Шершнев проходил уже не в первый раз.

Вертолет пронесся над мелководной речушкой, едва не задел посадочными опорами за гребень металлической возвышенности и завис над расчищенной от металлолома площадкой, с ясно различимым кругом, начерченным прямо на земле.

Незнакомый капитан, сидевший справа, попытался заговорить с Иваном, перекрикивая шум двигателя:

– А ты уже бывал там, майор? – Он красноречиво кивнул в сторону Барьера.

Шершнев отрицательно качнул головой, и капитан разочарованно отвернулся. Машина мягко коснулась земли, некоторое время затухающий вой лопастей глушил все звуки, затем наступила тишина, в которой раздался зычный голос пилота:

– Все на выход!

Иван спрыгнул на землю, осмотрелся.

Крыши ангаров влажно поблескивали. Серые здания типовых двухэтажных казарм виднелись за ближайшей грудой металлического

хлама. Меж гор мусора, поднимая шлейф пыли, в сторону Барьера на приличной скорости промчался БТР. Проводив его взглядом, Шершнев заметил длинное и узкое, расчищенное от нагромождений металла пространство, где ровной шеренгой стояли древние образцы боевой техники, в частности это были военно-транспортные вертолеты «Ми», возможно, собранные прямо тут, из запасных частей, которыми изобиловали отвалы несортированного металлического хлама.

От осмотра местности его отвлек все тот же зычный голос:

– Ну что застыл? Давай в штаб. Доложишь подполковнику Петренко о прибытии!

Иван обернулся. Пилот указывал рукой на одно из казарменных зданий.

Шершнев не стал спорить, забросил за плечо камуфлированный баул с нехитрыми пожитками и зашагал по едва приметной тропке в указанном направлении.

Кладбище старой техники выглядело безлюдным. В звонкой утренней тишине слышался отдаленный рокот моторов, перекрывая его, где-то поблизости щебетали птицы, ночью прошел дождь, и влажная почва местами превратилась в топкую грязь.

«Совсем не похоже на расположение воинской части», – подумалось ему. По долгу службы Ивану приходилось попадать и в гораздо худшие условия, грязь, нагромождения ржавой техники не выглядели чем-то новым, а вот отсутствие боевого охранения настораживало. Все же расположение отдельного батальона при исследовательском центре считалось режимным объектом.

«Ладно. Поживем – увидим», – мысленно рассудил он, перешагивая через наполовину вросший в землю покрытый окислами металлический обломок, преградивший тропу, ведущую к зданиям.

Миновав очередную гору металлического хлама, Шершнев неожиданно оказался на территории своеобразного музея, расположенного под открытым небом. Вокруг по-прежнему ни души, машины различного предназначения, начиная от сельскохозяйственной, дорожной, строительной техники и заканчивая давно снятыми с вооружения роботизированными самоходными комплексами образца тридцатых годов, выстроились длинными рядами. Кто и зачем организовал тут парковку для списанных, пришедших в негодность механизмов, оставалось лишь догадываться, и он, хмыкнув в ответ своим мыслям, зашагал дальше.

* * *

Над зданием штаба батальона поднявшийся утренний ветерок лениво трепал флаги России и Украины, меж которыми покачивался выгоревший на солнце вымпел объединенных Изоляционных сил.

Шершнев сбавил шаг, осматриваясь по сторонам. Картины, представшие взгляду майора, удручали. Не боевая часть, а сонное царство. У входа в штаб нет ни часового, ни признаков наличия кибернетических охранных систем. Зато на соседней постройке взгляд отыскал любопытную, хотя и неброскую табличку, закрепленную у входа:

«Российская академия наук.

Полевой исследовательский центр кибернетических технологий».

Пока он читал блеклую надпись, утреннюю тишину нарушил резкий глухой удар. Звук шел со стороны исследовательского центра. Иван машинально отступил на шаг, укрывшись за броней древнего танка, а через секунду удар повторился, одно из окон второго этажа внезапно брызнуло искрящимся фонтаном стеклопластика, какой-то сферический предмет вылетел наружу, но не упал, а, к немому удивлению Шершнева, завис, медленно вращаясь, на высоте пяти метров от земли. Несколько секунд левитирующий предмет, похожий на футбольный мяч, утыканный шипами коротких антенн, дрейфовал параллельно фасаду здания, затем вдруг покачнулся, описал полукруг и начал полого снижаться, преодолевая сопротивление ветра, двигаясь в сторону обширного технического паркинга.

– Да держите же его! – раздался истошный, полный беспомощного отчаяния крик. За разбитым окном показалась высокая тощая фигура. Молодой парень бессильно погрозил кулаком вслед странному, удалявшемуся от здания устройству.

Шершнев с интересом наблюдал за происходящим. Сферический аппарат, похожий на морскую мину времен Второй мировой войны, обладал неизвестным ему типом движителя, он парил в воздухе, совершая плавные маневры, выписывая круги и петли, словно издевался над законом всемирного тяготения и заодно – над парнем, бессильно грозившим ему вслед.

Завершив очередной вираж, он оказался неподалеку от Шершнева – завис в воздухе, вращаясь вокруг оси, словно был наделен интеллектом и решал, что же делать дальше, в какую сторону направиться?

Иван долго не раздумывал, снял куртку и, маскируясь ржавыми корпусами различных машин, подобрался ближе, затем резким точным

движением накинул импровизированный силок на странный аппарат.

Его маневры не остались без внимания.

– Держите, держите его! – обрадовавшись неожиданной помощи, закричал «хозяин» странного сфероида. – Прижмите к земле! Я сейчас! Только не отпускайте!

Фигура в окне исчезла, а через минуту Шершнев увидел бегущего к нему капитана ВКС. По крайней мере так говорили знаки различия на мятой форме научного сотрудника.

Перепрыгивая через лужи, несколько раз поскользнувшись, он все же благополучно добрался до небольшого технического паркинга, благодарно кивнул Шершневу, тут же вцепившись в куртку, под которой вибрировал корпус странного устройства.

– Вот спасибо! А то бы гоняться мне за ним, пока аккумуляторы не сдохнут! – Он попытался аккуратно освободить аппарат, но куртка прочно зацепилась за выступы антенн. – Денис Измайлов! – представился он, снизу вверх взглянув на Шершнева.

– Иван, – скупо отрекомендовался майор.

– Даже не знаю, как благодарить! Может, вы одолжите мне эту куртку? На время?

Иван усмехнулся:

– Без проблем.

– Лаборатория номер семнадцать. Я там работаю. Заберете куртку чуть позже, да? – Измайлов приподнял устройство, прижал его к груди, как неоспоримую ценность.

– А меня пустят в здание? – поинтересовался майор.

Денис удивленно сморгнул, уставившись на него.

– Вы новенький? – догадался он. – Ну, конечно, пустят! – Денис хотел махнуть рукой, но вовремя опомнился, еще сильнее прижал к себе пытающийся вырваться из-под скомканной куртки шар. – Народа у нас постоянно не хватает, часовых выставляют только иногда, в случае проверок, – пояснил он. – А кибернетические системы слежения так и не установили, сколько я ни просил. Наш старшина – прапорщик Потопейко – половину оборудования уже куда-то «налево» задвинул, – доверительно сообщил Денис. – Так что заходите спокойно, никто не остановит. Второй этаж.

– Я видел, – усмехнулся Иван. – Хорошо, обязательно зайду позже.

* * *

В штабе царило запустение. Гулкие коридоры не отличались чистотой,

некоторые двери были распахнуты.

Отыскав нужный кабинет, Шершнев постучал, затем, не дождавшись ответа, толкнул незапертую дверь.

Длинное полупустое помещение тонуло в полумраке. Иван не сразу заметил командира батальона, подполковник Петренко копался в сейфе, на звук отворившейся двери он не отреагировал, но стоило Ивану приблизиться, как тот что-то почувствовал, нервно вздрогнул и резко, с лязгом захлопнул массивную дверку, едва не отхватив себе пальцы.

– Ну кого тут еще принесло?! – Он обернулся, уставился на майора мутным взглядом. – Стучать не учили?!

«Бардак…» – подумал Иван, глядя на помятую физиономию комбата.

– Господин подполковник, майор Шершнев прибыл для дальнейшего прохождения службы! – негромко, но внятно отрапортовал он.

Взгляд командира батальона немного прояснился, обрел осмысленное выражение.

– Чип давай! – неприязненно рявкнул он.

Иван протянул ему носитель информации. Чего так испугался Петренко? Почему орет, словно ему на мозоль наступили? Служба нервная?

Пальцы командира батальона заметно дрожали. Ладонь поблескивала от пота. Лицо бледное, одутловатое. С похмелья, что ли?

Взяв чип, Петренко грузно сел в кресло за рабочим столом.

– Не подкрадывайся ко мне больше! Не люблю, понял?! – Комбат совершенно не контролировал эмоции или не считал нужным держать себя в руках. – Присылают на мою голову! Ну? Чего ждешь?! Особого приглашения?! Присаживайся. Водку пьешь?

О, как тут все запущено… Шершнев отрицательно покачал головой, хотя для установления рабочего контакта с начальством надо было бы согласиться.

– Либо дюже хворый, либо подлюка!.. – ничуть не смущаясь, просипел Петренко. Видимо, вынес вердикт. – Короче, мне по фигу, кто и зачем тебя прислал! Будешь кочевряжиться или мозг мне станешь выносить всякими рапортами – сгною во внутренних караулах, понял?

– Я боевой офицер, – спокойно произнес Шершнев. – В чем проблема?

– Да я тоже боевой! – вновь сорвался на крик Петренко, демонстрируя полную неадекватность. Даже не удосужился считать информацию с чипа. – Примешь третью роту. Там лейтенант Рыжов временно всем заправляет. Капитана Старикова со скоргами в башке в госпиталь увезли на

прошлой неделе. Все, свободен, в курс дела тебя Рыжик введет!

Иван встал.

– Разрешите идти?

Петренко тупо уставился на него. Видимо, совершенно отвык от элементарных проявлений дисциплины, раз смотрит такими глазами.

В этот момент дверь кабинета резко распахнулась.

– Петрович, Скунс на связь вышел! Говорит, все готово! Рыжика пошлем?

Лицо комбата побагровело, Шершнев с интересом обернулся. В дверях стоял прапорщик, невысокий, с круглым лоснящимся лицом. Заметив постороннего, он побледнел, осознав допущенную ошибку, но было поздно.

– Потопейко, ты уже пьяный с утра?! Что за бред несешь?! Какой Скунс?!

Прапорщик попятился.

– Я это… дверью ошибся… – пытаясь исправить положение, промямлил он.

– Пошел вон!

Дверь захлопнулась.

– Урод!.. – Петренко откинулся на спинку кресла. – Некомплект у нас личного состава. Хронический, – с неожиданной сдержанностью пояснил он. – Старшина вечно пьяный шатается, я б его давно под суд отдал, но кем заменить? – Сетования комбата звучали совершенно неубедительно, но Шершнев лишь кивнул, делая вид, что понимает.

– Иди уже. Принимай роту. – Петренко с отрешенным видом забарабанил пальцами по столу, давая понять, что разговор окончен.

* * *

Выйдя из здания штаба, Иван еще раз внимательно осмотрелся.

«Странное место», – вновь подумалось ему. Горы металлического хлама возвышались над покатыми крышами ангаров, вдали тускло светился Барьер, в расположении части понемногу закипала жизнь, слышался звук двигателей, голоса, доносящиеся со стороны технических парковочных зон.

Где искать казарму третьей роты, Шершнев понятия не имел и потому свернул к комплексу лабораторий. Во-первых, нужно забрать куртку, во-вторых, неплохо бы расспросить Измайлова о странных порядках, царящих тут.

Времени вникать самому нет, а сотрудник военной лаборатории

наверняка знает о ситуации в батальоне не хуже других офицеров. Решающий аргумент: с Измайловым уже установлен доброжелательный контакт. К тому же тот увлечен исследованиями и вряд ли придаст значение расспросам.

Шершнев ни на миг не забывал о поставленной перед ним задаче, но прежде чем приступить к ее выполнению, требовалось провести подготовку: осуществить как минимум два «подготовительных» проникновения за Барьер для предварительной активации комплекса внешних имплантов, которыми его оснастили в центре биокибернетики Военно-космических сил. Условие обязательное, причем Шершневу предстояло самому пройти через процесс адаптации к новым типам восприятия, когда информация от датчиков обрабатывается непосредственно в сознании и визуализируется в виде мысленных образов, без участия традиционных вычислительных устройств.

Так воспринимают мир сталкеры, значит, человеческая психика способна к подобным трансформациям, главная проблема заключалась в том, что у Шершнева не было времени на длительную подготовку – поиск террористической группы, возглавляемой Станиславом Радичем, требовал быстрых и решительных действий.

Разовая акция. Иван знал – ему придется несладко. Специалисты ВКС не скрывали: последствия трансформации психики потребуют длительного периода реабилитации, но Шершнев считал риск допустимым, а позицию генерала Новикова – оправданной. Радич не просто так объявился в отчужденных пространствах. Зная его «послужной список», нетрудно предположить: назревает нечто, способное взорвать не только отчужденные пространства, но и весь «цивилизованный мир».

За спиной Радича – финансовая мощь транснациональных корпораций, он прекрасно подготовлен, осторожен, никогда не действует, полагаясь на удачу, тщательно планирует каждый шаг, обеспечивает себе надежное прикрытие, прорабатывает пути отхода, способы информационной и физической защиты. Прежде чем лично появиться в отчужденных пространствах, Радич наверняка наладил тесные связи с военными, сталкерами, торговцами, выступая в разных ролях, прикрываясь различными личинами. Многие, кто сегодня работал на международного террориста, делали это опосредованно, порой не понимая, чему способствуют. В ход наверняка шли любые методы воздействия, начиная от шантажа, подкупа, идеологической обработки до самых наглых и изощренных способов обмана, например, агенты Радича могли действовать, прикрываясь личиной спецслужб тех стран, на территории

которых он проводил очередную акцию.

Прав Новиков. Только автономный поиск в условиях абсолютной секретности способен дать результат. Если Радич поймет, что опознан, или хотя бы заподозрит, что им заинтересовались, он либо свернет деятельность, затаится, либо нанесет упреждающий удар.

Так что никаких лишних разговоров. С любым из офицеров нужно держать ухо востро, тем более что в таких подразделениях, где дисциплина нулевая, чаще всего и вербуются «нужные люди», обеспечивающие коридоры при прохождении Барьера, снабжающие террористов всем необходимым из армейских запасов.

* * *

Лаборатория номер семнадцать больше напоминала мастерскую по ремонту бытовой техники. Сразу от входа начинались высокие стеллажи с различными деталями, узлами и агрегатами, в беспорядке сваленными на полках.

Шершнев совершенно не так представлял полевой исследовательский центр. Он ожидал увидеть тут образцы изделий техноса, обезвреженные при помощи ультрасовременных технологий, стерильную чистоту, как в цехах сборки космических кораблей…

– А, привет!.. За курткой зашел? Я сейчас! Ты проходи!

Иван добрался до центральной части помещения, где возвышался терминал кибернетической системы, окруженный тремя стендами, предназначенными для технических испытаний, сел в одно из пустующих кресел, осмотрелся.

– Ты что, один тут работаешь?

– Угу. – Голос Измайлова доносился из глубин лаборатории, где слышался звук сервомоторов и тонко попискивали датчики. – Кофе пока себе свари, если хочешь. Бытовой автомат видишь?

– Вижу. – Иван не вставая протянул руку, коснулся сенсора. Пока внутри агрегата шли процессы приготовления напитка, он осмотрелся, невольно вздрогнув.

На лабораторном столе, превращенном в подобие верстака, щедрой, небрежной россыпью были разбросаны н-капсулы различных размеров и всевозможных металлических оттенков. Шершнев в первый миг оцепенел при виде такой вопиющей халатности.

– Ты чего такой бледный? Случилось что? – Денис как раз появился в узком коридорчике между стеллажами. Не дождавшись ответа, он по-своему истолковал состояние Шершнева. – Да плюнь ты на комбата, он

вечно на всех орет. – Денис небрежно бросил на верстак фрагмент металлизированной кисти человеческой руки, увитой серебристыми тягами сервоприводов. Скрюченные пальцы царапнули по пластику, оставив на прочном материале неглубокие бороздки. – Эй, да ты чего, на самом деле? Я тут! – Он шутливо помахал рукой.

– У тебя н-капсулы рассыпаны… – глухо произнес Шершнев, не узнавая собственного голоса. Резкое и внезапное чувство близкой смертельной опасности резануло по нервам, обожгло ледяным ознобом, а вид фрагмента металлической кисти, наискось обрубленной в районе запястья, только добавил шоковых ощущений.

– Да расслабься! – Измайлов спокойно уселся на край верстака. – Фигни всякой насмотрелся по сферовизору? Ты что, на самом деле испугался? – Он взял н-капсулу, сжал ее в пальцах. – Дикая и ужасная колония эволюционировавших наномашин, – глубокомысленно и в то же время с долей иронии произнес он. – Скорги за Барьером отключаются, – заметив, что Шершневу не до шуток, пояснил Денис. – Вот, к примеру, кисть руки сталтеха. Она превратилась в муляж, как только была разорвана связь между составляющими ее нанороботами и глобальным энергополем отчужденных пространств. Видишь? – Он попытался подцепить ногтем одну из тончайших серебристых тяг, но безуспешно. – Теперь это обыкновенный ком металла, сохранивший форму изделия.

Бытовой автомат с тихим шелестом выдвинул поддон с двумя стаканчиками свежесваренного кофе.

– Так просто? – с недоверием переспросил Шершнев.

– Ну, если вдаваться в классификацию энергополей, говорить о локальных источниках энергии скоргиума и их взаимосвязи с энергетическими потоками, проходящими через гипертоннели Узла…

– Хватит. – Иван поднял руки. – Извини, я не силен в вопросах аномальной энергетики, так что вряд ли пойму объяснения.

Денис широко улыбнулся.

– Вот и я говорю – не бери в голову. Принимай все как есть. Здесь ты в полной безопасности, можешь поверить. Эх, много бы я отдал, чтобы заставить скоргов функционировать за Барьером, хотя бы в лаборатории… – с искренним сожалением вздохнул он.

– Зачем тебе? – Иван мысленно содрогнулся. Он не понимал, почему так остро реагирует на происходящее.

– Я мечтал мнемотехником стать, – неожиданно признался Измайлов. – Да испугался. Дважды за Барьер ходил, но там такая жуть… Не смог перебороть себя и остаться, хотя был вариант. В общем-то,

рассказывать нет смысла. – Он махнул рукой. – Сам скоро все увидишь.

– На самом деле страшно? – Иван взял стаканчик с кофе, сделал глоток. Приступ необъяснимой нервозности, тревоги, граничащей с немотивированным ужасом, прошел так же внезапно, как и начался.

– Не страх. Что-то большее. Там, – он кивнул в сторону окна, за которым виднелся купол Барьера, – уже не Земля. Чувствуешь себя как на другой планете. Вокруг происходят явления, не укладывающиеся в голове. Ты понимаешь, что они невозможны с точки зрения здравого смысла, и… начинается массовый психоз. Кто-то цепенеет, не может даже шага сделать, кто-то впадает в ярость, в общем, если в группе нет опытного сталкера или хотя бы военного проводника, все, считай, что шанса выбраться нет. Так многие сгинули.

– И часто боевые выходы?

– Раз в неделю. Завтра колонна пойдет. Мы тут очередной «подарок» скоргам подготовили, надо в пространство его доставить.

– Что за «подарок»?

– Да комбайн старый переоборудовали, аппаратурой нашпиговали. Все как обычно.

– А кто пойдет, не знаешь?

– Рыжик, кто же еще?

– Лейтенант Рыжов? – уточнил Иван.

– Ну да, мы его Рыжиком зовем.

Шершнев допил кофе, встал.

– Пойду. С офицерами еще нужно познакомиться, дела принять.

– А тебя куда назначили? – спросил Измайлов, протягивая Ивану его куртку.

– К Рыжику твоему, – усмехнулся Шершнев.

Денис пристально взглянул на майора.

– Ты поосторожнее с ним. Дела он какие-то с комбатом крутит. В общем – я тебя предупредил. Вообще-то народа у нас негусто. Финансирование на полевые исследования недавно урезали, вот я один на хозяйстве пока остался. Да и батальон – одно название. По два-три офицера в роте, вот и весь личный состав, представляешь?

– А как же боевые выходы?

– Контрактников из соседней части присылают. В общем, ты не тушуйся, осваивайся. И заходи, мне пока новую бригаду техников не пришлют, даже и поговорить-то не с кем. Вон про «Лёвика» расскажу. Прикольный аппарат.

– «Лёвик» – это тот летающий шар?

– Угу. Сокращенно от «левитатор». Технология скоргов, между прочим. Недоработана пока, но уже кое-что получается.

– Да уж видел, – с усмешкой поддел его Иван. – Ладно, будет время, зайду.

* * *

Казарма, в которой располагалось офицерское общежитие, выглядела неказисто. Стены здания потемнели, на них виднелись отчетливые разводы сырости, грязные окна без занавесок смотрелись уныло.

Ни часового при входе, ни дневального в коридоре. Первое, что попалось на глаза, было ржавое ведро. Затоптанный пол со следами грязи и глины не мыли, наверное, год.

Офигеть. Середина двадцать первого века… – Иван сокрушенно покачал головой, глядя на ржавую емкость. Рядом валялась сломанная пластиковая швабра.

Зная типовую планировку казарм, Шершнев направился через сумрачный коридор к холлу, куда выходили двери канцелярии, комнаты отдыха и оружейной.

В холле играла музыка. Несколько пыльных пластиковых растений стояли у огромного панорамного окна, за сдвинутыми журнальными столиками, на обшарпанном диване сидели трое офицеров. Все лейтенанты.

«Один из них наверняка Рыжов», – подумал Иван, глядя, как высокий усатый «летеха» разливает водку.

На столе валялись надорванные упаковки сухпайков, горкой лежали галеты, сиротливо и неопрятно истекала сомнительным ароматом вскрытая банка рыбных консервов.

Появления майора никто не заметил. Лейтенанты выпили молча, угрюмо, никто не сказал тоста, лишь шумные выдохи после принятия спиртного нарушили странную ненормальную тишину.

– Господа офицеры?

Усатый лейтенант вскинул голову, зачем-то осмотрелся по сторонам, видимо, выпито уже было немало. Только окинув взглядом все помещение, он заметил Шершнева, но никак не отреагировал на появление старшего по званию.

– Рыжик, наверное, к тебе.

Рыжов, сидевший спиной к Ивану, обернулся.

– Чего надо? – сипло спросил он.

– Чего надо? – Шершнев прищурился. – Чтоб ты встал и доложил по

форме! – неожиданно рявкнул он.

– А ты кто такой?

Марать руки о пьяного лейтенанта Иван не собирался.

– Твой новый командир, – сдержав растущее раздражение, ответил он. – Что за бардак тут творится? В курсе, что завтра боевой выход? Где личный состав роты?

Рыжов немного протрезвел, но не настолько, чтобы проникнуться всей остротой ситуации.

– Личный состав весь тут, – криво усмехнулся он. – А ты, майор, не ори, присаживайся, выпей. Выход боевой никуда не денется, к утру будем как огурчики. Семенов, чистую стопку найди для майора.

Шершнев шагнул к столу.

Бутылка со спиртным была только одна, он взял ее, швырнул на улицу через открытую створку окна.

– От боевого выхода отстранены. Все трое. Хоть вы и «рота»!

На этот раз Рыжова проняло. Хмель отчего-то выбило из головы лейтенанта, он привстал, побледнев.

– Ты, майор, здесь поосторожнее! – его щеки внезапно побагровели. – Без меня один хрен колонна с места не сдвинется, понял?

В другой ситуации Иван просто отметелил бы всех троих, но тогда боевой выход точно отменят, а торчать здесь среди грязи и бардака, в ожидании, пока пришлют кого-то взамен трех «выбывших» офицеров, ему вовсе не улыбалось. Задание – прежде всего.

– Слушай внимательно, лейтенант. Колонну поведу я. Если сейчас же не прекратите пьянку, ты у меня сгниешь тут дневальным, и комбат Петренко тебе не поможет.

Рыжов с вызовом взглянул на Шершнева, но, поймав взгляд майора, внезапно потупился, поутих, словно понял, что тот выполнит обещание.

– Ладно. Завязываем. – Он хмуро взглянул на собутыльников. – Всем по койкам. Отсыпаться до утра.

Те нехотя встали, пошатываясь покинули холл.

– Ключ-карту от оружейной комнаты. – Иван требовательно протянул руку.

– Резкий ты, майор. Не уживемся. – Рыжов протянул ему пластиковый прямоугольник, даже не потребовав подтверждения полномочий. – Утром увидимся. Комнат свободных полно, занимай любую.

* * *

Ночью Иван долго не мог уснуть.

Тревожил предстоящий боевой выход. Знакомство с личным составом роты его не порадовало, хотя кто знает, может, у лейтенантов и был повод надраться.

Он лежал, гоняя по кругу мрачные мысли. По потолку комнаты в офицерском общежитии то и дело пробегали отсветы, словно неподалеку бушевала беззвучная гроза. В принципе на поведение Рыжова можно наплевать. Иван не сомневался, утром лейтенант будет трезв и зол. Рота, состоящая из трех офицеров, это как понимать? Либо огромные боевые потери, либо такое положение вещей кому-то очень удобно. Вообще, подразделение крайне странное.

Незадолго до полуночи он встал, оделся и вышел на улицу.

Окрестности заливал бледный призрачный свет, исходящий от купола Барьера. Иван присел, глядя, как беззвучные вспышки рвут небеса, подсвечивают облака, выхватывая из мрака клубящиеся эфемерные фигуры.

«Сталкеры уже не люди…» – Фраза Новикова засела в сознании.

А кто же они?

Огромные объемы имплантированной информации, которая могла потребоваться по ту сторону Барьера, пока что не находили осмысленного понимания. Там, за рубежом гравитационной аномалии, властвовала вырвавшаяся из-под контроля людей техносфера. Сталкеры научились противостоять ей, но почему кто-то решил, что они утратили все человеческое?

Новиков наверняка все усложняет. Там – он взглянул в сторону источающей бледный свет стены – лежит неизвестная нам земля, где условия выживания давно перешагнули грань экстремальных. А люди приспособились к ним, стали жестче, но вряд ли утратили все человеческое.

Откуда у боевого офицера, прошедшего через множество горячих точек, такие мысли? Разве мало он видел жестокости и бесчеловечности?

Очередная вспышка пронзила мутную стену уплотненного воздуха прожилками энергетических разрядов, на миг превратив Барьер в нечто осязаемое, похожее на зеленоватый мрамор.

Там неизведанная территория. Явление, которого мы будем страшиться, пока не сумеем постичь.

Шершнев еще долго сидел, глядя, как беззвучные молнии освещают окрестности, выхватывая из ночной тьмы горы металлического хлама.

Нацеленный на выполнение задания, он пока что не понимал главного – там, за Барьером, уже не Земля.

* * *

Утро выдалось погожим, солнечным.

В расположении 117-го батальона царила деловая суета, был слышен рев тяжелой техники, в небе над расположением части дважды проносилось звено модернизированных Ка-85 «Пустельга».

Тускло сиял Барьер. Если в ночи стена воздуха, уплотненного в толще гравитационной аномалии, выглядела угрожающе, то сейчас лучи теплого майского солнца стирали остроту ощущений. Туман в низинах уже рассеялся, и серая клубящаяся, пульсирующая масса выглядела как атмосферный фронт, изредка подсвечиваемый зарницами молний, бьющих где-то в его толще.

У распахнутых ворот ангара застыли боевые машины. Облитая черным глянцем активной брони БМД резко поворачивала башню, тестируя приводы наведения. Спаренное импульсное орудие и тяжелый лазерный излучатель обеспечивали достаточную огневую мощь для успешного противостояния «изделиям техноса». Кроме того, адаптированная к условиям отчужденных пространств машина была оснащена двумя генераторами электромагнитного импульса, по бортам располагались сборки пусковых ракетных установок и устройства сброса ложных целей.

Слабым звеном боевой машины считалась кибернетическая составляющая. Современные автоматические системы, давно и по праву господствующие на полях сражений, на границе Барьеров уступали место человеку. В непредсказуемых условиях отчужденных пространств электроника часто отказывала. Обилие аномальных энергополей, блуждающие искажения, сотни иных пагубных для кибернетических устройств факторов в первые годы после катастрофы стали причиной массовых потерь техники.

Лейтенант Рыжов прохаживался вдоль борта боевой машины, нетерпеливо поглядывая в сторону штабного здания. Как и предполагал Шершнев, на его сосредоточенном лице не было заметно следов похмелья. Современные препараты действительно творят чудеса.

– Чего ждем? – Лейтенант Дягилев, механик-водитель ведущей машины, по пояс высунулся из люка в лобовом скате брони.

– Да новый ротный, будь он неладен. – Рыжов сплюнул. – Вчера только прибыл, а все туда же. Сидел бы себе в штабе, так нет, нервы ему пощекотать захотелось.

– Так ты сегодня у нас типа заместитель?

– Рот закрой, – огрызнулся лейтенант и, чтобы не продолжать

неприятный для него разговор, медленно направился вдоль колонны, придирчиво осматривая выстроившуюся технику. За ведущей машиной, урча двигателями, возвышалась громада самоходной платформы с установленным на ней комбайном производства прошлого века. Отреставрированная сельскохозяйственная машина была под завязку набита различными современными устройствами, запаянными в герметичные капсулы из активного пластика, оснащенными передатчиками М-связи.

Задача боевого выхода была предельно проста. Самоходная платформа, способная преодолеть трехкратную гравитацию Барьера, доставит гибридный механизм в аномальное пространство. Там его разгрузят и отдадут на растерзание техносу, а установленные внутри комбайна контрольные устройства будут фиксировать процесс атаки скоргов на древний механизм, отслеживать все структурные изменения и передавать информацию через мью-фонную сеть в режиме реального времени.

Для ученых, не первый год бьющихся над загадками эволюции техноса, подобные эксперименты служили едва ли не единственным достоверным источником данных. Каждый механизм, доставленный в зону отчуждения, снабжался специальным маячком, способным передавать сигнал уже после захвата контрольного образца скоргами и отказа всех установленных внутри устройств. Таким образом удавалось отслеживать все перемещения «новорожденного изделия». Финальным этапом любой операции подобного рода становилась попытка захвата перерожденного скоргами механизма, его нейтрализации и транспортировки за пределы периметра Барьера в специально оборудованные полевые боксы, где ученые разбирали механическую тварь, что называется, до винтика, проводя уникальный сравнительный анализ исходного образца, полученных через сеть данных и конечного продукта, созданного эволюционировавшими наномашинами.

Рыжов никогда не считал себя фанатом науки. Для него это был обычный боевой выход, да и беспокоили лейтенанта совершенно иные проблемы.

– Паша, постой!

Рыжов обернулся.

Старшина Потопейко, окликнув его, тут же отступил в тень, скрывшись между ангарами.

«Запаниковал, сука», – неприязненно подумал лейтенант.

Потопейко ничем не рисковал, никогда не участвовал в вылазках, но

он имел связи среди сталкеров и, что самое важное, вовлек в «бизнес» комбата Петренко, с которым служил вместе уже не первый год.

– Ну чего тебе? – В другой ситуации лейтенант послал бы жадного и трусоватого прапорщика куда подальше, но неожиданное желание новоиспеченного командира роты участвовать в боевом выходе сломало все планы по доставке груза из-за Барьера, и это обстоятельство заставило Рыжова унять неприязнь.

– Тихо ты. Не ори, – сипло прошептал Потопейко.

– А ты не свети меня перед всей колонной! Мог бы и сам подойти. Хоронишься по углам, как крыса.

Прапорщик молча сглотнул, только на лице вдруг выступили пунцовые пятна. Сравнение с грызуном ему совершенно не понравилось.

– Смотрю, ты больно наглый стал, Рыжов.

– Я жизнью рискую.

– Ну, этого не отнять, – неожиданно согласился Потопейко. – Ты, Паша, еще раз выстебнешься – будешь жизнью рисковать за зарплату, по контракту, понял?

Рыжов с трудом удержался, чтобы не заехать прапору в морду. Нервы и так на пределе.

– Говори, зачем звал?

– Сегодня колонну обстреляют. Сразу, как пройдете Барьер.

– Ты совсем охренел? Кто?

– Наемники. Я договорился.

– Ваня, ты сегодня пил с утра? Или у тебя окончательно крышу снесло? Ты нас заказал наемникам?! – Рыжов просто обалдел от подобной выходки старшины. – И спокойно сообщаешь об этом мне?!

– Дурак ты, Рыжов. С вами новый ротный отправляется, так ведь?

– Ну да.

– И как ты при нем станешь груз забирать? Подумал об этом?

– Пока не знаю.

– А вот я подумал. Повторяю – будет обстрел колонны. Шершнев мужик резкий, говорят, в спецназе служил. Не усидит, начнет командовать. Ты ему не перечь. Пусть инициативу проявит. Его снайпера снимут по-тихому.

– Ага, а мне потом со службой собственной безопасности разбираться?! Ловко ты придумал! Я командую колонной, не забыл? Всех собак на меня повесят!

– Формально сегодня боевой выход возглавляет Шершнев. Приказ комбата. Так что ты вроде и не при делах.

Рыжов на секунду задумался, затем кивнул:

– Другое дело. С трупом что? Назад везти?

– В зоне оставишь.

– Интересно, каким образом? Что я бойцам скажу? Отдам приказ? Ты в курсе, что не все экипажи тобой куплены?

– В курсе. Но ты не дрейфь. Место выбрано правильное, у «мертвой петли». Шершнев будет в головной машине. Как только в поворот войдете, наемники устроят шум. Ну, постреляют по броне для пущей правдоподобности.

– А толку?

– Все будет нормально. Майор во всех горячих точках за последние десять лет побывал. Он нашей специфики не знает. Платформа движется медленно, это ограничит его в маневре. Выход у Шершнева остается один – принять бой. Вот. – Потопейко протянул Рыжову крохотное устройство – маячок. – Прилепишь майору на броню, чтобы снайпера целью не ошиблись. Как только его снимут, поставь помехи. Чтоб на записи событий все выглядело чисто. Наемники его в «жестянку» утащат, там и бросят. Остальное доделают скорги. Понял?

Рыжов усмехнулся. «Надо взять на заметку. Потопейко сволочь еще та. Может и со мной когда-нибудь такой же фокус выкинуть».

– Ладно, сделаю.

– Вот и ладно. Нам проблемы не нужны. Бизнес налажен, зачем лишних людей в него вводить?

– Все, пошел я. – Рыжов спрятал маячок и, развернувшись, зашагал назад, к колонне.

* * *

Через полчаса конвой, наконец, начал движение.

Сразу за металлическими холмами дорога сворачивала вправо.

– Идем параллельно Барьеру, через два километра – блокпост. Сегодня там дежурит наша смена.

Шершнев кивнул. Он заранее изучил маршрут. Преодоление гравитационной аномалии возможно лишь на узких участках, где инженерные войска укрепили сохранившиеся дороги, приспособив их для продвижения тяжелой техники.

– Лейтенант, принимай командование, – неожиданно приказал он. – Я наблюдаю.

«Вот тварь…» – Рыжов похолодел. Похоже, незамысловатый план старшины трещал по швам.

– Будете наблюдать из тактического отсека? – Лейтенант постарался, чтобы вопрос прозвучал насмешливо.

– Пока ограничусь телеметрией. Дальше посмотрим, – не отреагировав на колкость, спокойно ответил Шершнев.

Конвой двигался медленно. Скорость самоходной платформы не превышала пяти километров в час, и до блокпоста добрались только к одиннадцати часам утра.

Дорога плавно повернула, и стена Барьера вдруг начала неумолимо приближаться.

Перед блокпостом почва вздымалась первой волной искажений. Серая лента дороги плавно изгибалась, поднимаясь на возвышенность, и исчезала в мутной клубящейся субстанции.

«Граница другого мира», – невольно подумал Иван. Многие понятия, которыми спокойно оперировали рядовые бойцы, пока что не находили адекватного отклика в его сознании. Он чувствовал необычное нервное напряжение, серая клубящаяся стена обещала неведомое, как ориентироваться, если видимость не превышает полуметра, а двигаться придется практически в границах сплошной облачности?

Надежда только на приборы?

Он перевел взгляд на голографический экран.

Сканеры работали исправно. Трехмерная модель местности медленно перемещалась в сфере голографического воспроизведения, центральной точкой являлась боевая машина десанта, граница зоны эффективного сканирования уже углубилась в аномалию Барьера: Шершнев увидел контуры рельефа, вздыбленного титаническим ударом первой пульсации, в сентябре 2051 года, тонкую ленту дороги, прорезающую искажения.

«Уму непостижимо, какие силы буйствовали тут в момент катастрофы, при формировании отчужденных пространств», – подумал он, переключая внимание на структуру защитных сооружений.

Укрепления блокпоста, врезанные в застывший пологой волной вал остекленевшей почвы, выглядели внушительно. Десятки долговременных огневых точек, рассчитанных на ведение круговой обороны, занимали цепь господствующих высот. Некоторые элементы бункеров были вырезаны в стеклообразной массе при помощи лазеров, иные достроены в виде полусфер из армированного бетона, залитого между листами внешнего и внутреннего бронепокрытия, – куда ни посмотри, везде опытный взгляд Шершнева находил замаскированные амбразуры, закрытые вставками из прозрачного бронепластика, комплексы датчиков в кожухах из полимерного материала, внешне похожие на обкатанные водой продолговатые

булыжники, массивные герметичные двери, врезанные в стекловидный материал искажения, зевы тоннелей, запечатанные гермостворами многотонных ворот.

Колонна остановилась, заработал монитор связи.

Лейтенант Рыжов вопросительно посмотрел на Ивана, но тот не стал вмешиваться, жестом указав – действуй, ты командуешь.

Процедура проверки не заняла много времени.

Колонна возобновила движение, втягиваясь в теснину между укреплениями.

– Каким образом нас проверяют?

– По обе стороны дороги установлены мощные сканирующие устройства. Дежурный офицер видит на контрольных мониторах трехмерные модели.

– Все до последнего винтика каждой машины?

Рыжов кивнул. Ему не очень-то хотелось развивать тему.

– Выходит, дорогой пользуются только военные?

– Дорогой пользуются все, кто о ней знает, – уклончиво ответил лейтенант.

– И караваны контрабандистов? А как они проходят проверку?

– Они сворачивают загодя. Ни один дурак не пойдет через блокпост. Есть утвержденный суточный список людей и техники, кому разрешено движение через зону Барьера. По всем остальным огонь открывается без предупреждения.

– Значит, существуют тайные тропы, ведущие через искажение?

– Естественно.

Шершнев вновь повернулся к секции голографических мониторов.

Боевая машина уже миновала блокпост, все вокруг затопила пепельно-серая пелена, снаружи дул сильный ветер, диаметр сферы эффективного сканирования резко уменьшился, внешние микрофоны передавали невнятный шум: отдаленное завывание ветра и тихий монотонный шорох.

– Что за звук? – Иван выделил интересующий его шум из общего фона.

– Микромашины, – скупо ответил Рыжов.

– В смысле?

– Воздушные потоки несут миллиарды наночастиц.

– Они опасны?

– Нет. Скорги отключаются примерно в километре от внутренней границы Барьера. Они не способны функционировать вне энергетики Узла, а она гаснет в толще гравитационной аномалии.

– Я слышал, что импланты сталкеров работают за Барьером на небольшом удалении от его внешней границы, – заметил Шершнев.

– В случае со сталкерами скорги используют запас имплантированных накопителей.

– «Сердце зверя»? Артефактный энергоблок? И на сколько времени его хватает?

– Заряд сохраняется около суток. После все импланты отключаются. – Рыжов повернулся к соседней панели кибернетической системы. – Мне нужно контролировать навигационный компьютер. Скоро начнут сбоить сканеры, – как бы извиняясь, пояснил он.

Иван кивнул, продолжая наблюдать.

Голографическое изображение местности подавляло рассудок. Вокруг вздымались застывшие волны искажений, как будто боевая машина двигалась через бушующий океан, скованный внезапным холодом. Чудовищные силы, в первые секунды катастрофы размягчившие земную твердь, двигались от центра отчужденного пространства к периферии, но здесь, в зоне аномально высокой гравитации, они столкнулись с неодолимым препятствием – формирование Барьера поглощало аномальную энергию Узла, и искажения застыли, образуя складчатость, похожую на стереоснимок океана в момент шторма.

Старая дорога, которую сила пульсации подняла на высоту ста пятидесяти метров, каким-то чудом сохранила покрытие. Она тянулась по гребню остекленевшего образования, повторяя замысловатые изгибы деформированной реальности. Вокруг куда ни глянь простирался мертвый ландшафт. В низинах лежал толстый слой пепла, многочисленные трещины рдели отсветами подземного огня, кое-где виднелись очертания руин городской застройки, пару раз Иван видел неповрежденные здания – одно лежало плашмя, второе возвышалось над гребнем искажения.

– Откуда здесь взялась городская застройка? – сдерживая эмоции, спросил Шершнев.

– Первой пульсацией принесло, – не оборачиваясь ответил Рыжов. – В момент катастрофы между отчужденными пространствами перемещались миллиарды тонн вещества, – пояснил он. – Для Пустоши здания, принесенные из других регионов, – обычное явление.

Иван мысленно содрогнулся. Он не раз слышал, что толща Барьера по сравнению с отчужденным пространством считается территорией безопасной, так что же ждет там, за границей зоны повышенной гравитации?

Дорога в очередной раз начала плавно поворачивать. Колонна

двигалась с черепашьей скоростью, вокруг бесновалась пепельная мгла, и только специальные комплексы датчиков позволяли сканировать рельеф и выводить на мониторы отфильтрованное от помех изображение.

Гравитация росла, она достигла двух «g», прежде чем организм начал реагировать неприятными симптомами. Сердце билось неровно, голова кружилась, к горлу подступила тошнота, в ушах возник гул, окружающие предметы вдруг начинали двоиться перед глазами.

Системы сервомускулов боевой брони снимали часть нагрузки на мышцы и кости, но увеличенная сила тяжести воздействовала на весь организм, с каждой минутой становилось тяжелее дышать, автоматически включились системы метаболической коррекции, встроенные в бронескафандр, но и они не могли сгладить всех негативных воздействий.

Шершнев чувствовал себя прескверно. При тренировках он достаточно легко переносил перегрузки, но разница между кратковременным воздействием и постоянно усиливающимся прессингом оказалась слишком велика.

– Это правда, что сталкеры преодолевают Барьер пешком?

Рыжов кивнул.

– Не только сталкеры, но и «мотыльки», – подтвердил он.

Лейтенанту не было смысла лгать, но стоило взглянуть на обзорные мониторы, как тут же подкрадывалось сомнение. Волны искажений пересекались между собой, наслаивались, разбегались, образуя глубокие впадины и почти отвесные склоны. Поверхность отдельных деформаций покрывала мелкая рябь, их пересекали трещины, ураганный напор ветра ощутимо покачивал многотонную боевую машину.

Дорога втянулась в ущелье. Теперь с обеих сторон вздымались полупрозрачные скалы, сквозь стекловидную поверхность были отчетливо видны вкрапленные в их толщу предметы, а спустя некоторое время в глубине фантастических образований Шершнев разглядел стволы деревьев, обломки зданий и даже отрезки улиц.

На фоне усиливающегося головокружения закрадывалась крамольная мысль: а вдруг этого не существует? Что, если боевая машина застряла где-то в толще аномалии, а все окружающее лишь бред, плод воображения?

Тонко, сдавленно пискнул сигнал.

Световой столбик индикатора датчика гравитации дрогнул и начал медленно укорачиваться, постепенно уходя из красной зоны.

– Прошли пик. – Голос лейтенанта Рыжова прозвучал глухо, видимо, и ему приходилось несладко. – Скоро полегчает, но начнутся другие проблемы.

– Какие? – сипло спросил Шершнев.

– В зоне полутора «же» начинается активность техноса. Первые металлорастения, ловушки, иногда встречаются «изделия». Но основная проблема – скорги.

– Активные нанокомплексы?

– Да. Если технари проморгали дефект в защитном пластиковом покрытии – беды не оберешься. Скорги мгновенно атакуют любую брешь. Придется останавливаться, выходить наружу, искать повреждение. – Лейтенант исподволь готовил почву для назревающих событий, рассудив, что выманить майора наружу будет не так и сложно. Достаточно имитировать незначительную поломку или локальное проникновение скоргов. Никуда не денется, пойдет со мной как миленький. Отсидеться внутри ему гордость не позволит.

Шершнев тем временем почувствовал себя лучше. Значения гравитации постепенно падали, система метаболической коррекции продолжала вводить стимуляторы, снимая усталость, возвращая ясность мышления.

– Я слышал, что на границе Барьера угроза исходит и от сталкеров?

– Банды, – обронил Рыжов. – Отребье всякое. За курьерами охотятся. Куда проще, чем самим артефакты добывать.

– Грабят контрабандистов?

– На караваны нападают редко, – охотно ответил лейтенант. – Серьезные грузы обычно сопровождают наемники.

– У них своя группировка?

– Ну а как ты хотел? Сейчас в одиночку сталкерам уже не выжить. Технос эволюционирует, с каждой новой пульсацией появляются новые «изделия», да и действуют они не так прямолинейно, как раньше. А наемники – вообще случай отдельный. Они ведь по большинству не имплантированы.

– И как же они выживают? – заинтересовался Шершнев. – Ведь для «мотыльков» перемещение между пространствами через аномалию Узла связано с огромным риском, верно?

– У наемников в каждой зоне отчуждения создано по нескольку стационарных баз, – ответил Рыжов, манипулируя сканерами, чтобы лучше рассмотреть дорогу. – Работают сменными отрядами. Да и экипировка у них что надо. Не сравнить с нашей. Могут по пять-шесть суток проводить в автономном режиме. Корпорации денег не жалеют.

– А ты откуда все знаешь? Слухи?

– Ну почему сразу слухи? Сам видел. Я год назад в Сосновом Бору

служил, в разведке. В рейды часто ходили. С наемниками приходилось пересекаться. Однажды мы их схрон вскрыли, так там настоящий бункер оказался с замкнутым циклом жизнеобеспечения. Так это обыкновенная опорная точка, считай, временный склад. Представляю, как у них базы оборудованы.

«Нервничает. – Шершнева насторожила словоохотливость лейтенанта. – Хотя тут, – он взглянул на мониторы, где картина окружающего постепенно подергивалась рябью помех, – нервы сдадут у кого угодно».

С системами обнаружения действительно творилось неладное. Сфера эффективного сканирования постоянно уменьшалась, визуализация стала хуже, словно пространство сжималось по мере того, как конвой приближался к внутренней границе Барьера.

– Впереди «мертвая петля», – произнес Рыжов.

– Что это значит?

– Дорогу скрутило в серпантин. Сначала три витка крутого подъема, затем затяжной спуск. Гиблое место. Тут часто нападения случаются. Скорость на подъеме падает, вокруг господствующие высоты. – Он указал на пики искажений с вкрапленными в них руинами зданий.

– Ну с нас-то что брать? – резонно заметил Шершнев. – Мы ведь не артефакты переправляем. Военная колонна, поживиться, в общем-то, нечем, а по зубам получить – пожалуйста.

– Как сказать. Тут, сам понимаешь, ягоды да грибы в лесу не растут, подножного корма нет. А жрать каждый день хочется. Да и машины наши в пространствах ценятся. Так что всякое бывает. Могут и атаковать, оружие, снаряжение, сухие пайки для иных сталкеров – уже богатство… – Рыжов вдруг запнулся, затем грязно выругался.

– Что?

Боевая машина притормозила, едва пройдя первый поворот начавшегося серпантина.

– Скорги, мать их!.. Где-то трещина в пластике!..

Иван пробежал взглядом по показаниям датчиков.

На одной из консолей угрожающе тлела россыпь тревожных сигналов.

– Нарушение герметизации?!

– Пока нет! Контакт с дикими наномашинами! Надо выбираться наружу, искать повреждение! – Рыжов отстегнул страховочные ремни, встал с кресла, потянулся за ремкомплектом. – Прикроешь, пока я прореху ищу?

Шершнев недоуменно взглянул на него:

– А что, у нас техников нет?

– Они в замыкающей машине. Колонна встала, надо действовать быстро! Пока их дождешься… лучше самим!

Шершнев окинул взглядом данные тактической системы. Справа и слева возвышенности с вкрапленными в них постройками. Место действительно крайне нехорошее для непредвиденных остановок. Такие участки нужно проходить на скорости…

– Иди, я тебя отсюда прикрою.

Рыжов обернулся.

– Не понял? Ты трусишь?

Шершнев даже не взглянул на подчиненного. Если лейтенант не понимает разницы между орудийным комплексом и откровенно слабыми возможностями «Шторма» – его проблемы. Или он решил устроить проверку мне, как новичку? Ну, скорее всего. Тем более – глупо поддаваться на провокации.

Он коснулся сенсора связи.

– Первый, колонне. У нас техническая проблема. Командирам машин – распределить сектора обстрела, перефокусировать датчики на максимальную дальность обнаружения. Перейти на ручной режим управления орудийными комплексами, учесть поправку на гравитацию!

Рыжов почувствовал, как под коленями зародился холодок, что-то неприятно заныло.

«Сука…» – мысленно выругался он, вылезая наружу.

На самом деле никакого контакта оголенного участка брони с наномашинами не было. Обычная уловка, для экстренной остановки. Под консолью установлен дополнительный сенсор, включающий тревогу.

А майор не дурак. Как теперь быть?

Мью-фон лейтенанта тихо щелкнул, подстраиваясь на заранее известную частоту связи. Наемники, с которыми договорился Потопейко, сейчас находились в одном из зданий, вкрапленном в гребень застывшего искажения.

– Летеха, почему один? – раздался вопрос.

– Минуту терпения! Я не смог его выманить. Сейчас что-нибудь придумаю!

С наемниками шутки плохи. Если они впустую вышли на позицию, мало никому не покажется. Такой счет выставят, что будешь бесплатно артефакты полгода таскать.

– Думай. У тебя тридцать секунд. Время пошло.

Рыжов совершенно растерялся. В голове пусто, мысли словно

улетучились, на ум ничего не идет, только плещется злоба.

А время уходит. Он машинально прошел вдоль борта, делая вид, что ищет дефект в глянцевитом пластиковом покрытии.

Тридцать секунд промелькнули как один миг.

Сокрушительный удар настиг Рыжова, когда он собирался вновь выйти на связь. Одиночный выстрел, произведенный со стороны руин, со снайперской точностью разнес сервомотор правого коленного активатора, от неожиданности лейтенант дико вскрикнул и рухнул как подкошенный, потеряв равновесие.

Край дорожного полотна, за которым открывалась пропасть, только добавил ужаса – после падения голова и плечи оказались над бездной, он едва не сорвался вниз, корчась, бестолково махая руками. Через пару секунд, очнувшись от шока, лейтенант попытался встать, но приводы правого активатора сервомускулатуры заклинило, и ему пришлось извиваться всем телом, чтобы отползти от обрыва.

«Сволочи… По-своему решили…» – обреченные мысли метались в голове, не добавляя хладнокровия.

На самом деле падение лейтенанта выглядело убедительно и драматично. Полный ужаса вскрик только добавил правдоподобия – он старательно корчился на краю пропасти, не оставляя сомнения, что ранен выстрелом снайпера.

«Уроды… – Мысль, адресованная наемникам, туманила рассудок приступом дикой злобы. – Одно утешает – сейчас все кончится. Выскочит майор мне на помощь, и все, считай, труп!..» – Панический ужас понемногу отступал, пришло запоздалое облегчение: датчики не указывали на разгерметизацию брони, лишь в оперативном окне проекционного забрала тлела схема повреждений сервомоторного узла – аккуратно отработали, сволочи, а ведь могли и не церемониться, по-настоящему пулю всадить для полного правдоподобия.

Отчаянно страшась второго выстрела, лейтенант, извиваясь, пополз к БМД, ожидая: вот сейчас откроется люк, Шершнев высунется наружу, чтобы помочь ему, получит пулю, и все, наконец, завершится ко всеобщему удовольствию.

Не тут-то было.

Разрывая плотный сумрак, внезапно ударила очередь спаренного башенного орудия. Гребень близлежащей возвышенности вспороло серией разрывов, щелкнул, автоматически переключаясь на частоту колонны, коммуникатор:

– Рыжов, отползай вниз по дороге! Прикрываю!

А майор свое дело знал! Не поддался на уловку, не выскочил наружу. БМД взревела двигателями, рванулась вперед, открывая новый сектор обстрела, одновременно автоматика машины сбросила генераторы ложных целей, кормовая пневматическая пушка отработала в сторону колонны, прикрывая поворот дороги облаком мельчайшей антисканирующей пыли.

Теперь наемники фиксировали только головную машину колонны. Майор сознательно провоцировал их, видимо, одиночный снайперский выстрел не дал ему точного целеуказания.

Поединок нервов выиграл Шершнев.

БМД сбросила скорость, вписываясь в закругление искаженной, скрученной спиралью дороги, когда со стороны руин, расположенных по другую сторону пропасти, полыхнуло два ракетных запуска. Зенитный лазерный комплекс боевой машины отработал безукоризненно, две черно-оранжевые вспышки сверкнули над пропастью, и тут же заработало башенное орудие БМД. Длинные снарядные трассы хлестнули по обнаруженной позиции наемников, на миг превратив гребень соседнего искажения в подобие извергающегося вулкана. Разрывы легли кучно и точно, ослепительное пламя несколько секунд бесновалось среди вкрапленных в остекленевшую почву руин, снося стены невысоких зданий, обрушивая в пропасть огромные дымящиеся глыбы оплавленного камня.

– Колонне возобновить движение! – Голос майора прозвучал спокойно. – Третьей машине подобрать раненого! Всем – перевести орудийные комплексы в режим автоматического подавляющего огня!

Рыжов изловчился, перевернулся на спину.

Мимо, едва не задевая его траками широких гусениц, медленно ползла самоходная платформа с установленным на ней испытательным образцом. Справа, по другую сторону пропасти, дымились огрызки руин.

«Ну все… Хана тебе, Шершнев…» – озлобленно подумал лейтенант.

* * *

У внутренней границы Барьера колонну встречала группа военных сталкеров.

Сканеры сбоили. Моральное напряжение только усиливалось, а ведь впереди еще пять километров пути через металлические дебри.

Сверившись с маршрутной картой, Иван остановил машину на обширной площадке, специально оборудованной для встречи с проводниками.

Видимость значительно улучшилась, но явление было локальным, искусственно созданным. Площадку со всех сторон окружала серая мгла,

по периметру сияли габаритные огни, обозначающие безопасную зону, защищенную неизвестными Ивану артефактными устройствами – именно они отсекали клубящийся серый туман, не давали проникнуть на территорию паркинга ни металлорастениям, ни скоргам.

Группа из четырех сталкеров появилась неожиданно. Вынырнув из мглы, они как будто прошли через незримую стену, оказавшись в защищенном пространстве.

– Рыжик, где тебя скорги носят? – раздался в коммуникаторе басовитый голос. Трое сталкеров остались на месте, старший группы направился к головной машине колонны.

Иван понял, их никто не предупредил о том, что сегодня доставкой «контрольного образца» руководит не Рыжов. Следовало пообщаться, но разговаривать через коммуникатор Шершнев не стал.

– Выставить оцепление, плановая остановка тридцать минут, – приказал он по связи. – Техникам осмотреть машины, доложить.

Выбравшись из БМД, он направился навстречу старшему группы проводников.

– Майор Шершнев. Сегодня я командую операцией.

– Зулус, – коротко отрекомендовался сталкер. – В чем задержка, майор? – тут же осведомился он, глядя, как из десантных отсеков высаживаются бойцы, нехотя расходясь по периметру площадки. Вслед за остальными появился и Рыжов, он, прихрамывая, направился к группе сталкеров, зачем-то отозвал в сторону одного из них.

– По плану операции на площадке положена тридцатиминутная остановка. Проверка технического состояния машин после преодоления Барьера.

– Новенький? – Сталкер прищурился, словно ему в глаза светило солнце. По сравнению с бронекостюмом Шершнева экипирован он был легко – высокие ботинки на толстой подошве, брюки и куртка из прочной синтетической ткани, специальные перчатки, не защищающие фаланги пальцев. Под курткой угадывался легкий кевларовый бронежилет с разгрузочными карманами, на правом плече подсунутая под «погон» виднелась дыхательная маска. – Ты бы сворачивал балаган, майор. У нас времени в обрез.

– Нужно осмотреть машины.

Зулус невнятно выругался.

– Слушай, ничего с твоими машинами не станет. Инструкции в штабах пишут, а у нас времени нет на все ваши регламенты. По маршруту пепельная буря, если тебе интересно. Активный слой все равно обдерет

металлокустарниками, за Барьером так или иначе придется броню чистить от скоргов. Так что плюс минус одна царапина сейчас никакой роли не играет.

В принципе Шершнев склонен был согласиться со сталкером, тот наверняка знает, что говорит, но в первом боевом выходе Ивану было необходимо протестировать экспериментальный комплекс внешних имплантов, которыми его «оснастили» в лабораториях ВКС, а для их успешной активации требовалось время. Как раз те самые тридцать минут на включение и тестирование.

– Ничем не могу помочь. Не собираюсь нарушать инструкции.

– Как знаешь. – Зулус ожег его презрительным взглядом и направился назад к поджидавшим его сталкерам. Рыжов как раз о чем-то беседовал с одним из них.

Чтобы не нагнетать обстановку, Шершнев направился вдоль колонны, делая вид, что контролирует работу техников. На самом деле ему нужно было дождаться момента, когда экспериментальный комплекс проявит себя. Все устройства, соединенные с его нервной системой, должны активироваться самостоятельно, при этом не исключены сбои, побочные эффекты и прочие осложнения. Вообще, если бы не внезапный обстрел колонны, Шершнев не собирался отбирать командование у лейтенанта, просидел бы большую часть времени под защитой брони, делая вид, что поглощен новыми ощущениями от знакомства с аномальными пространствами.

«Не вышло как планировалось. Теперь придется изображать из себя педантичного служаку…»

* * *

– Рыжик, ты что, сдурел? Предлагаешь нам грохнуть майора?

– А какие варианты? – нервно огрызнулся лейтенант. – Наемники облажались, а груз забирать надо. Ты сам подумай, какие деньги на кону? Ни тебе, ни мне срыва доставки не простят! На блокпосту наша смена теперь только через две недели будет дежурить!

– Ну а отвлечь его, загрузить товар по-тихому?

– Не выйдет. Он только прикидывается таким тупым. Видел бы ты, как он наемников уделал. Когда в меня пулю всадили, даже не вздрогнул, спасать не кинулся, сразу понял – выманивают его.

– Ну и что было дальше?

– Прикрыл колонну антисканирующей пылью, а сам вывел боевую машину на открытый участок серпантина. Сначала показалось – псих, а на

самом деле он их на ракетный запуск провоцировал, чтобы позицию свою обозначили.

– И как?

– Хочешь, сам посмотри, – огрызнулся Рыжов. – На отметке «километр» семьсот метров, напротив «мертвой петли». Может, чем и поживишься на трупах.

– Ты полегче. – Зулус сплюнул. – Мы тебе не стервятники-мотыльки, по карманам шарить да трупы раздевать. Значит, под видом тупого служаки нам спеца прислали? Может, наш канал засвечен?

– Нет. Тут что-то другое. У Петренко в штабе группировки все схвачено. Его бы предупредили. А какой он спец – еще посмотреть надо. Не из робких, понятно, но не факт, что из СБ[9]. Скорее из боевой части к нам перевели.

– А поговорить с ним? Ввести в курс дела?

Рыжов нахмурился:

– Свою долю с ним делить станешь?

Зулус хищно усмехнулся:

– Ладно. Убедил. Нам действительно проблемы ни к чему, да и времени особо на разговоры нет. Сейчас организуем. Только ты, Рыжик, забейся куда подальше, вон за коленку свою схватись, может, еще медаль дадут за ранение.

– Пошел я. Буду в замыкающей машине, там медмодуль установлен.

– И не высовывайся, чтоб под раздачу не попасть.

– Ну вы наших-то пацанов не трогайте!

– Не учи. – Зулус обернулся. – Так, особо фантазировать не будем. Майор, может, и повоевал, но в пространствах он человек новый, к тому же неимплантированный. Ты, – он взглянул на сталкера по кличке Птаха, – идешь к периметру, вырубаешь один сектор защиты. Как только мгла ворвется на площадку, ты, – он теперь обращался к метаморфу, – начинаешь манипулировать реальностью. Закрой головную машину искажением, а у границы открытого сектора создашь ложную энергоматрицу. Майор должен направиться туда, думая, что идет на сигнал БМД. Справишься?

Метаморф группы молча кивнул. Задача несложная.

– Ну а мы с Юсуфом разберемся с майором и оттащим его тело подальше в «жестянку». Все остальное доделают скорги. Без имплантов ему в любом случае не выжить.

* * *

Шершнев проверил работу техников и возвращался к головной машине, когда с ним поравнялся Рыжов.

– Как нога?

– Терпимо. Иду в медмодуль. Привод заменили, а колено ноет.

– Ну, давай, лечись, только на связи постоянно, понял? Мне твое мнение может понадобиться.

– Конечно.

Переговорив с лейтенантом, Иван решил проверить караульных. Встречаться с Зулусом, вступать с ним в прения не хотелось. Прошло уже десять минут, как колонна достигла защищенной площадки, а импланты до сих пор не проявляли активности.

Может, все дело в защитном поле? – размышлял Шершнев. При первом включении комплекса ему прочили целый букет неприятных ощущений, вплоть до временной потери сознания. Скверно, если такое произойдет на марше. Надо как-то инициализировать комплекс. Может, выйти за периметр защиты? Ну на пару шагов, и сразу обратно?

* * *

– Птаха, готов?

– На месте.

– Вырубай!

Над площадкой внезапно сверкнула зеленоватая зарница.

Шершнев остановился, не понимая, что произошло, а в следующий миг мгла, беснующаяся за защитным периметром, вдруг ринулась прямо на него. За секунду все вокруг потонуло в плотном сумраке, автоматически заработал БСК, но на проекционном забрале не возникло контуров окружающих предметов, лишь зловещий сигнал сбоя тлел в открывшемся оперативном окне.

Секунда полной дезориентации показалась ему вечностью. Не понимая, что случилось, Шершнев задействовал М-связь, но ему ответили лишь помехи.

«Неужели самые современные сканеры бессильны в этой мгле?» – промелькнула мысль. Он машинально перефокусировал системы обнаружения, сужая апертуру, тем самым увеличивая эффективную дальность, затем медленно начал поворачивать голову, пока датчики не зафиксировали блеклую энергоматрицу.

Ну хоть что-то! Он направился в сторону обнаруженной БМД, гадая, что же могло произойти с устройствами защиты периметра.

Связь по-прежнему не работала. Из беснующейся мглы вдруг

появился полуметровый игольчатый шар, его пронесло мимо порывом ураганного ветра, а через пару секунд не к месту и не ко времени Шершнев почувствовал признаки активации имплантов.

Он остановился.

Энергоматрица боевой машины по-прежнему находилась в прицеле сканеров, до нее оставалось всего десяток шагов, но мышцы внезапно свело судорогой, сознание помутилось, он с трудом устоял на ногах лишь благодаря своевременному вмешательству системы самостабилизации бронескафандра.

Зрение стало нечетким, расплывчатым.

Сколько продлится недомогание? Помнится, Завьялов говорил, что пару минут, не больше. Первым активируется метаболический имплант, его включение лучше переждать не двигаясь. Затем в порядке очередности – соединенные с нервной системой сканеры и расширитель сознания. Их включение вспышкой боли и судорогами мышц не ограничится, возможны галлюцинации.

Боль тем временем стала слабее, и Шершнев поспешил к машине.

Сейчас его заботила только одна проблема: необходимо восстановить связь, получить данные о происходящем, принять командование.

Еще шаг, и он остановился.

По показаниям БСК корма боевой машины находилась всего в тридцати сантиметрах, но Шершнев по-прежнему видел лишь беснующуюся вокруг мглу.

Вытянув руку, он попытался нащупать скошенные бронежалюзи системы охлаждения двигателя и едва вновь не потерял равновесие, когда ладонь провалилась в пустоту.

Он не видел, как за спиной возникли две тени. Узко сфокусированные сканеры, сориентированные по направлению движения, больше не контролировали происходящее за спиной, и он пропустил появление сталкеров.

Зулус вскинул короткоствольный «Шторм», выпустил очередь игольчатых пуль в спину Шершневу и, когда тот упал, спокойно произнес:

– Берись, поволокли его в «жестянку».

Глава 2

Пустошь. У внутренней границы Барьера…

Мир без солнца.

Вокруг смыкалась плотная, текучая, непроницаемая для взгляда свинцово-багряная мгла.

Шершнев со стоном перевернулся на спину.

Что произошло?

Он помнил, как колонна остановилась на специально оборудованной площадке, затем произошел внезапный прорыв Пепельного тумана, а дальше…

Полный провал в памяти.

Он медленно повернул голову, осматриваясь.

Вокруг плотной стеной смыкались металлокустарники. Сталкеры называют такие плотные заросли автонов «жестянкой».

«Что с моими имплантами?» – мысленно спросил себя Шершнев, прислушиваясь к ощущениям.

Мир вокруг прорисовывался расплывчато, нечетко. Он вдруг понял, что воспринимает реальность уже без посредничества комплекса боевых сканеров, обстановку визуализировал его собственный рассудок.

Выходит, расширитель сознания и метаболический имплант успешно инициализированы?

«Похоже, что так. Неужели меня вырубило при включении соединенных с нервной системой устройств? А прорыв Пепельного тумана? Мои блуждания во мгле? Галлюцинации?

Где я и куда подевалась колонна?!»

Перед глазами все двоилось.

Надо встать. Двигаться. Найти обратный путь к защищенной площадке. Мысли о предательстве у него не возникло. Он не помнил удара автоматной очереди в спину, не понимал, как оказался в «жестянке». Самое простое объяснение – потеря сознания в момент активации комплексов наномашин.

Все шло не по плану. Но ничего… Худшее уже позади.

Взглянув на часы, Шершнев невнятно выругался. Прошло три с половиной часа. «Вот, блин, попал… Вместо того чтобы тихо переждать активацию имплантов под защитой брони, нахватался «глюков», да еще и в «жестянку» забрел. Хорош командир колонны, ничего не скажешь».

Трезво оценив ситуацию, он понял, что вряд ли его до сих пор ищут. Памятуя о неприязненном отношении Рыжова и произошедшем накануне конфликте, стоило предположить, что колонна ушла. Иначе его давно бы нашли. Наверняка и этот нетерпеливый Зулус вставил свое веское слово – мол, вам надо, вы и ищите, только на обратном пути, а мне некогда.

Ситуация вроде бы читалась легко.

«Ладно. Отыщу площадку, дождусь своих», – решил Шершнев. Других вариантов не было.

* * *

Иван ошибался, думая, что все самое скверное уже позади. На самом деле, придя в сознание, он не испытал и сотой доли тех адаптационных эффектов, что предлагали ему комплексы внешних имплантов. Первую порцию шоковых ощущений он получил, попытавшись встать.

Тело отреагировало слишком быстро.

Любой из нас совершает большинство движений машинально, не обдумывая их, и только в крайних случаях разум сосредоточивается на предполагаемом действии. Иван начал вставать, внезапно почувствовал резкое головокружение и, уже падая лицом вниз, понял: его мышцы произвели неадекватное усилие, которое тут же приняли к исполнению сервомоторы бронескафандра – за доли секунды он не только встал, но и по инерции потерял равновесие, не удержавшись на ногах.

Ничего себе…

Он вновь перевернулся на спину.

Теперь Шершнев действовал осторожнее, контролируя напряжение мышц.

Со второй попытки ему удалось встать. Некоторое время он придерживался рукой за толстую ветвь металлорастения, затем неуверенно шагнул, продираясь сквозь чащу.

Шаг от шага дело пошло увереннее. Организм достаточно быстро вернул контроль над мышцами, но как поведет себя аналог метаболического импланта при возникновении внезапной опасности? Похоже, корректор обмена веществ только приступил к процессу автоматической настройки.

Заросли металлокустарника раздались в стороны. Шершнев вышел на пологий склон возвышенности. Датчики бронескафандра нервно сигналили о критической близости условной границы Барьера.

Иван замер, пытаясь определить свое местоположение.

Герметичная броня с встроенными сервоусилителями мускулатуры

надежно защищала его от воздействия внешней среды – майор застыл, как скала, порывистый ветер бессильно налетал, приглушенно подвывая, сек по забралу гермошлема мелкой каменной крошкой, вездесущая пыль стелилась серой поземкой.

Дрожь медленно ползла по спине.

Непривычные ощущения вторгались в рассудок – дал знать о себе расширитель сознания. Пока вокруг ветвились плотные заросли металлорастений, наномашинные комплексы, имитирующие импланты сталкеров, особо себя не проявляли, теперь же они включились на полную мощность, одновременно устанавливая контакт с нервной системой через специальные адаптеры.

Шершнев понял – придется повременить. Лучше переждать окончательную активацию комплекса не двигаясь.

Несколько минут, пока шла перенастройка датчиков, он чувствовал себя уязвимым и беззащитным. Видимость не превышала полуметра, вытяни руку, и ее тут же поглотит беснующаяся мгла. Обычное человеческое зрение тут бессильно, а индикатор процесса перезагрузки систем, как назло, достиг уровня семидесяти процентов и остановился.

Сбой?

Световой столбик в оперативном окне проекционного забрала дрогнул, вырос на миллиметр и снова замер.

В рассудке вдруг начали возникать обрывочные, невзаимосвязанные воспоминания, словно кто-то вторгся в память Шершнева и наскоро перелистывал страницы его жизни, мимолетно задерживая внимание на каком-нибудь эпизоде. Ощущение неприятное, но знакомое. То же самое происходило в процессе подготовки, когда специалисты военных лабораторий калибровали расширитель сознания.

В голове на миг помутилось, затем окружающий мир внезапно начал обретать краски. Непроницаемая серая мгла стремительно таяла, словно бесноватый, уныло подвывающий ветер поднатужился и рассеял ее, отдавая взгляду контуры близлежащих деталей рельефа: впереди Шершнев увидел покрытый трещинами, немыслимо деформированный фрагмент здания, чуть левее по пологому пригорку пластался низкорослый металлический кустарник, справа вздымался вал остекленевшей почвы, застывший, словно морская волна на фотоснимке.

Он обернулся, пытаясь найти взглядом границу внутреннего периметра Барьера, и тут же поплатился за резкое, необдуманное движение. «Предупреждали же!» – с досадой подумал он, ощутив тошнотворное головокружение. Серая мгла вновь рванулась со всех сторон,

перед глазами замельтешили цветные искры. Прошло секунд десять, прежде чем к нему вернулось зрение.

«Тебе потребуется не меньше часа на адаптацию, – тут же вспомнились слова начальника мнемотехнической лаборатории. – Майор, ты должен найти укрытие, переждать, пока твой мозг не начнет быстро и адекватно обрабатывать данные от несвойственных человеку устройств восприятия.

– А как же сталкеры? – не удержался от вопроса Шершнев.

– Многие погибают в первые дни после имплантации, – сухо ответил Завьялов. – Я вообще не понимаю, почему Новиков отправляет тебя на задание без должной подготовки. У нас военные сталкеры по полгода тренируются, прежде чем первый раз пересечь Барьер».

Воспоминания отхлынули, возвращалась четкость восприятия. Шершнев попробовал еще раз обернуться, но теперь уже медленно. Предметы исказились, но не исчезли. Мозг, переключившись на иную сенсорику, получал данные от сканеров, визуализировал их, но пока все происходило медленно, детализация оставляла желать лучшего, да и «картинка» постоянно притормаживала.

Через пару минут головокружение прекратилось, а границы восприятия постепенно начали расширяться, теперь он уже различал некоторые предметы на удалении в десять-пятнадцать метров – явный прогресс, учитывая, что на самом деле мир по-прежнему находился во власти нескончаемой пылевой бури.

«Как здесь вообще могут выживать люди?» – непроизвольно подумал Шершнев, начиная подъем по пологому склону.

* * *

Колонну бронетехники он не обнаружил.

Временная стоянка пустовала, обрамляющие ее устройства не работали, следы траков гусениц занесло вездесущим серым прахом.

«Ладно. – Иван уже мысленно смирился с создавшейся ситуацией. – Отыщу укрытие, пережду, колонна, согласно маршрутной карте, будет возвращаться тем же путем. Вот тогда и поговорим, лейтенант Рыжов», – мысленно пообещал себе он.

По сути, задачу Шершнев все же выполнил. Теперь не было смысла дергаться, импланты активировались, следовало действовать осторожно, обдуманно, использовать время до возвращения колонны, чтобы в какой-то степени адаптироваться к новым ощущениям и возможностям.

Неприятные эффекты тем временем усиливались, да и окружающая

обстановка серьезно давила на психику.

Напитанные влагой облака клубились низко, почти касаясь земли, шквалистый ветер гнал их в сторону Барьера, пластал по руинам зданий, смутно проступающим во мгле.

Ветер рвал по нервам. Расширитель сознания играл с его восприятием как заблагорассудится, поочередно усиливая то зрение, то слух, – вот сейчас, к примеру, скрежет ветвей металлического кустарника внезапно стал резким, нестерпимым, он заглушил все остальные звуки до такой степени, что Шершнев почувствовал себя погруженным в недра обветшалого механизма, столетия работающего без смазки.

Затем резко обострилось зрение, мгла окончательно расступилась, он увидел даже невысокие столбики, отмечающие границы внутреннего периметра Барьера, невольно отметил, как аномальная сила гравитации пластала металлические побеги по земле, вытягивая их в сторону мутного купола уплотненного воздуха.

Затем с рассудком начали происходить непредсказуемые метаморфозы.

Довольно четкое черно-белое восприятие реальности внезапно трансформировалось. На несколько секунд сознание помутилось, затем мир обрел зловещие краски: серая хмарь превратилась в багряный сумрак, словно перед мысленным взором майора открылась сюрреалистическая картина ландшафта иной планеты, на фоне которого внезапно начали прорисовываться совершенно невозможные детали – это появились первые энергоматрицы. Сведения об источниках энергетической активности поступали от датчиков, но интерпретировались рассудком.

В результате возникло болезненное ощущение, будто две совершенно разные реальности наслаиваются одна на другую, вызывая чувство мгновенной дезориентации. Дыхание непроизвольно участилось. Щекотливая капелька пота скользнула по спине. Взгляд по-прежнему тонул в серой клубящейся мгле, сминаемой порывами ветра, а мысленный взор проникал сквозь пелену облаков, расширитель сознания вычерчивал рельеф местности, проецируя на него сотни очагов энергетической активности.

С каждой секундой Иван воспринимал все больше подробностей окружающего, чувствуя, что рассудок не справляется. Неповторимая гамма несвойственных человеку ощущений навалилась разом, в один миг, низводя сознание до состояния информационного шока.

«Правильно сделал, что затаился, решил переждать. Хорош бы я был, находясь в движении…» – Мысль скользнула где-то по периферии сознания, голова резко и неприятно кружилась, глаза болели, словно он

долго во что-то всматривался.

Потребовалось минут десять, прежде чем рассудок майора начал понемногу адаптироваться, примиряя между собой два уровня восприятия.

Унылый скрежет «жестянки» монотонно царапал по нервам. Энергоматрицы созданных скоргами ловушек, искры, мечущиеся по зарослям автонов, несколько смутно очерченных силуэтов крупных изделий техноса, «пасущихся» в отдалении, среди всплесков холодных энергетических волн, – все это воспринималось остро, выбивало из равновесия, несло очевидную угрозу.

Он непроизвольно взглянул на часы.

«Где же тебя носит, Рыжов?»

Отчужденное пространство Пустоши.

Маршрут следования колонны…

– Рыжик!

Лейтенант обернулся. Активатор сервомоторов наскоро подлатали, и он уже не прихрамывал, двигаясь следом за продавливающей «жестянку» боевой машиной.

– Чего тебе?

Зулус догнал его, произвел едва уловимое движение, и в воздухе спроецировалась карта местности.

Справа по курсу колонны на карте обозначился участок руин, за ним начинались непроходимые заросли металлорастений, известных как аномалия «Призрачный Город». Любой, кто по незнанию или по неосторожности забредал в эти поистине гиблые места, исчезал бесследно.

Аномалия получила название по масштабному, заметному издалека визуальному эффекту, сопровождавшему гибель очередной жертвы: массив металлической растительности генерировал фантомные изображения различных населенных пунктов, от огромных мегаполисов до небольших деревушек. Многие сталкеры сходились во мнении, что образы для создания иллюзий скорги черпали непосредственно из рассудка сталкеров, манипулируя воспоминаниями, заставляя двигаться по определенному маршруту, постепенно загоняя жертву в какое-то страшное место, откуда уже нет возврата.

Окраины аномалии «Призрачный Город» кишели сталтехами, что не прибавляло популярности зловещему массиву металлорастительности, но, с другой стороны, он манил обилием артефактов, редкими, встречающимися только тут видами автонов. Немногие из сталкеров, кто побывал на окраине металлического леса и сумел вернуться невредимым,

рассказывали о целых озерах фрича, о замороженных аномальной субстанцией древовидных металлорастениях и кустарниках, ветви которых стали хрупкими и отламывались без усилия – только собирай.

Редкие, не встречающиеся на Земле неизвестные науке сплавы отчаянные сталкеры добывали именно тут, порой за одну вылазку зарабатывая целые состояния, но вот беда – даже с окраин «Призрачного Города» возвращались немногие.

– Не слишком мы приблизились к аномалии? – Зулус шагал вровень с лейтенантом.

– Нормально. В самый раз, – ответил Рыжов. Тонкий кроваво-красный лучик микролазера скользнул по карте, отчеркивая линию в сотне метров от маршрута колонны. – Вот рубеж, начиная с которого встречаются группы сталтехов. Но у страха глаза велики, да и слухи всегда преувеличены.

– К чему клонишь?

– У меня данные спутникового контроля. Они точны. Но большинство сталкеров опираются на слухи, значит, не рискнут подойти ближе, чем метров на пятьсот.

– А сталтехи тебя не пугают? У них, между прочим, сканеры покруче, чем у нас.

– Вот потому твои ребята в доле, – напомнил Зулусу Рыжов. – Пусть метаморф делом займется.

– Предлагаешь отгородиться от аномалии искажением реальности?

– А почему бы и нет? – Рыжик пожал плечами. – По-моему, достаточно простой и надежный вариант. Сталтехи нас не видят, сталкеры сюда не сунутся. Движемся спокойно, контрольный образец отпускаем вот тут. – Рыжов чиркнул лазерной указкой по отрезку улицы, уходящей в глубь настоящих, не иллюзорных руин. – В итоге ученые млеют от счастья, они давно хотели узнать, что происходит в дебрях «Призрачного Города», а мы повернем вот здесь, – лейтенант поставил еще одну отметку, – и выйдем к месту загрузки, никем не замеченные.

– Нормально, – соглашаясь, кивнул Зулус. – На месте действуем как обычно?

– Да. Я поведу головную машину, якобы на разведку опасного участка маршрута, вы останетесь с колонной. Загружусь, дам знать. Никто ничего не заподозрит.

– Лады. – Зулус заметно успокоился. – Работаем. – Он отключил воспроизведение карты местности и, отстав на шаг, растворился во мгле.

* * *

По краю аномалии «Призрачный Город» двигался еще один отряд.

Десять человек в одинаковых, черных как смоль бронекостюмах проделали долгий путь. Их экипировка, покрытая царапинами, а в некоторых местах и ртутными язвами, утратила целостность антискоргового покрытия, движения, несмотря на исправную работу усилителей мускулатуры, выдавали крайнюю степень усталости. Двое несли продолговатый увесистый контейнер, остальные, разбившись на пары, двигались в охранении.

Шли молча, не разговаривая друг с другом, настороженно сканируя прилегающую к маршруту местность. Заметив крупного механоида или скопление ловушек, отряд сворачивал в сторону, избегая проблемных встреч, затем вновь возвращался на маршрут, ведущий в глубь «Призрачного Города».

Оставалось загадкой – они безумны или бесстрашны? Не знают о существовании гигантской западни или игнорируют опасность?

Давно минул полдень, ветер понемногу стих, языки Пепельного тумана, ставшие за последние годы едва ли не визитной карточкой Пустоши, медленно клубясь, поползли по ложбинам.

Субстанция серого цвета состояла из миллионов наномашин. Эта разновидность скоргов, обитающих среди огнедышащих сопок и многочисленных разломов земной коры, приспособилась перемещаться и охотиться в воздушной среде. Обычно языки Пепельного тумана появлялись, когда стихал ветер, и двигались в направлении ближайших энергополей, по пути нападая на случайные жертвы. Для тех сталкеров, что носили экипировку из активного пластика или обладали способностью генерировать вокруг себя электромагнитное поле, хищный туман не являлся серьезной угрозой, но доставлял массу неудобств, блокируя работу имплантированных сканеров.

Группа бойцов в черной экипировке даже не замедлила шаг, когда из разломов и трещин земной коры начали высачиваться первые струйки пепельного марева. Таинственные бойцы продолжили движение в прежнем темпе, видимо, маршрут был им хорошо знаком, и даже сбой в работе сканеров не послужил причиной для остановки. Через некоторое время туман поднялся до высоты плеч, затем полностью поглотил зловещие фигуры, они исчезли, словно призраки, канули в разрастающемся пепельном облаке беззвучно и бесследно.

* * *

Пепельный туман стлался в полуметре от земли.

Боевая машина десанта остановилась у Т-образного перекрестка, образованного стенами невысоких руин.

Напичканный различными следящими и измерительными приборами комбайн взревел двигателем, массивные крепления, удерживающие сельскохозяйственную машину на транспортной платформе, пришли в движение, освобождая «контрольный образец», по воздуху, смешиваясь с отравленной атмосферой, поплыл сизый выхлоп древнего дизеля.

Комбайн медленно сполз по направляющим, коснулся литыми ребристыми колесами потрескавшегося фрагмента асфальта.

Рыжов, наблюдая за процедурой, подумал: самое время.

– Серж, прими командование.

– А ты куда? – в голосе лейтенанта Доронина прозвучало беспокойство.

– Обратно пойдем другим маршрутом, – спокойно ответил Рыжов. – Проверю, пока разгружаетесь, все ли чисто, проложу цепочку маркеров через низины, откуда туман прет.

– Давай. Только осторожнее.

Головная БМД уже скрылась в пепельном облаке, и Рыжов не слышал последней фразы Доронина. Он вел боевую машину сквозь миллионы парящих в воздухе скоргов, те реагировали апатично, лишь изредка серая субстанция уплотнялась, выбрасывая ленивые языки в сторону БМД, но электромагнитная защита работала без сбоев, вдоль скатов брони пробегала искрящая сиреневая полоска, и туман отдергивал щупальца, расступался, словно обжегшись.

Сканирующий комплекс ушел в сбой, но Рыжов ожидал подобного эффекта. В броне открылся диафрагменный люк, оттуда выдвинулась телескопическая мачта с цилиндрическим утолщением на конце. Поднявшись выше уровня наномашинного облака, сканеры зафиксировали ближайшие ориентиры, хорошо известные по данным спутникового мониторинга, и бортовой компьютер выправил курс. Одновременно начался сброс маркеров – впоследствии крохотные датчики послужат путеводной нитью для остальных машин колонны.

Подле рыжего от окислов металлического дерева лейтенант остановил маркировку курса, свернул влево и метров через двадцать пересек границу пепельного облака, тут же увидев еще один знакомый ориентир – проржавевший насквозь корпус прогулочного катера, занесенного в Пустошь милостью пульсации.

Сборщики артефактов уже поджидали его, об этом свидетельствовал условный знак – вызывающе поблескивающие ветви металлокустарника,

торчащие из выбитого иллюминатора.

«Ну все, минут десять на загрузку, и назад», – с облегчением подумал Рыжов.

* * *

Выпущенный «на волю» комбайн медленно полз по улице, удаляясь от перекрестка в сторону тускло поблескивающего массива металлической растительности, начинающегося метрах в двухстах от руин.

Пепельный туман постепенно набирал силу, он переполнил ложбины и теперь косматыми языками стлался по склонам возвышенностей.

Сканеры боевых комплексов отреагировали сигналами многочисленных сбоев, но лейтенант Доронин особого волнения не испытывал, датчики его машины прекрасно фиксировали оставленную Рыжовым цепочку маркеров, по ним колонна без труда выйдет из проблемной зоны.

– Зулус?

– Слушаю. Чего хотел, Серж?

– Пора бы двигаться.

Сталкер промедлил с ответом, видимо, что-то обдумывал, затем согласился:

– Командуй. Мы как обычно – занимаем позиции на платформе. Держись цепочки маркеров, об остальном не волнуйся, Птаха в тумане видит неплохо, если что серьезное по курсу возникнет, предупредим.

– Добро.

Самоходная платформа, получив приказ по локальной сети, начала движение. Сканеры, расположенные в днище исполинской машины, фиксировали цепочку маркеров, бортовой компьютер обрабатывал полученные данные, управляя механизмами подвески, – все происходило вполне обыденно, как бывало уже не раз на других маршрутах.

Все изменилось вместе с внезапным сильным порывом ветра.

Шквал налетел неожиданно, вмиг разметав слоистые пласты Пепельного тумана, – тот разлетелся рваным кружевом, видимость мгновенно улучшилась и в ту же секунду заработавшие сканирующие комплексы захлебнулись остервенелым воем сигналов тревоги.

Птаха сдавленно вскрикнул и захрипел, словно его что-то ударило в грудь.

Лейтенант Доронин вздрогнул от неожиданности, когда на тактическом мониторе появилось десять активных сигнатур, материализовавшихся метрах в двадцати от медленно движущейся

колонны.

С платформы ударили выстрелы. Зулус, придя в себя от секундного замешательства, дал длинную очередь из ИПК, две человеческие фигуры, закованные в черную как смоль броню, попали под кинжальный огонь, один боец упал, второй, несмотря на внезапность, успел среагировать, рухнул плашмя, стремительным перекатом ушел за ближайший взгорок; прикрывая его, по платформе резанули ответные очереди, заряды «карташей» вдребезги разнесли огромный фиксирующий механизм, едва не похоронив четверых сталкеров под раскаленными металлическими обломками.

– Их шестеро! – Зулус сменил позицию, привстал, огрызаясь короткими очередями. Его поддержал лишь «Шторм» Юсуфа, мнемотехник и метаморф группы бездействовали.

– Птаха, не тормози!

В ответ раздалось лишь невнятное мычание. По платформе продолжали бить из «карташей», очереди импульсного оружия испаряли металл, разносили детали механизмов, не давая поднять головы, но Зулус, придя в себя от неожиданности, знал, как нужно поступить.

Внезапные шквальные перестрелки между сталкерами в отчужденных пространствах далеко не редкость, здесь слишком много помех, из-за которых не всегда удается загодя зафиксировать и опознать друг друга. В подобных случаях действует железное правило: понимая, что стычка случайна, обе стороны, заняв укрытия, опомнившись от замешательства, прекращают огонь, пытаясь договориться, принимая по умолчанию, что первые случайные жертвы – дань силе неодолимых обстоятельств.

Не тут-то было.

Зулус метнулся вдоль платформы, добежал до позиции мнемотехника тяжело дыша, присел под прикрытием массивной детали корпуса, перевернул тело Птахи и понял, что тот мертв – две огромные дыры зияли в груди сталкера, рядом в луже крови корчился метаморф, ему осколком механизма проломило череп – никакой метаболический имплант уже не поможет, разве что дикие скорги позарятся на труп…

Шквальный огонь не стихал, платформа, получив повреждения, пошла рывками, затем и вовсе остановилась.

Зулус грязно выругался, затем, просканировав частоты мью-фонной связи, вышел в эфир:

– Прекращаем огонь! Эй, мужики, хорош дурить! Разойдемся краями!

В ответ ударила хлесткая очередь ИПК, точно по пеленгу его мью-фона.

– Суки, я ведь по-хорошему предложил! Сами нарвались, твари! – Сталкер сменил позицию и рявкнул уже на частотах связи колонны:

– Доронин, все серьезно! Потерял двоих! Кто бы там ни был – мочи их!

* * *

На метаморфа надейся, а сам не плошай – при первых выстрелах Юсуф поспешил спрыгнуть с медленно ползущей вдоль цепочки маркеров платформы.

Приметив невысокую поросль металлического кустарника, он метнулся к ней, зная, что автоны частично прикроют его от встречного сканирования.

Оказавшись на позиции, он несколько мгновений анализировал ритмику внезапно вспыхнувшей схватки. Ошибся Зулус. По платформе действительно работало шесть стволов, двое противников валялись на земле, их энергоматрицы медленно затухали, но в поле зрения сталкера попала еще одна пара: бойцы в безликой черной экипировке отходили под прикрытием плотного огня, волоча увесистый контейнер.

Юсуф долго не думал – эти двое явно стремились скрыться, ближайший спасительный язык Пепельного тумана находился метрах в тридцати от них, заполняя небольшой овраг.

«Нырнут в облако наномашин, и поминай как звали», – промелькнула в голове Юсуфа здравая мысль. – А судя по самоотверженным действиям бойцов, прикрывавших их отступление, – груз невероятно ценный».

Зулус тем временем попытался вступить в переговоры, но тщетно.

– Тем хуже для вас, наемнички, – презрительно усмехнулся сталкер, идентифицировав противника. Пришлые ему никогда не нравились, нечего и разговаривать с ними. Сталкер повел стволом «карташа», дал короткую очередь, заметив, как один из отступавших резко взмахнул руками, выпустив контейнер. Второй попытался укрыться за ближайшим бугорком, но не успел – еще одна очередь из «карташа» достала и его.

Юсуф перекатом сменил укрытие.

– Зулус, не тормози! – Он ужом прополз по небольшой ложбинке, привстал, беспощадно погасив еще одну сигнатуру, злобно усмехнулся, вновь меняя позицию.

– Доронин, мать твою! – Окрик Зулуса прошел на частоте связи, но действия не возымел – две боевые машины десанта медленно и неуклюже разворачивались, шестеро бойцов группы сопровождения, покинувшие «броню», рассыпались по ближайшим укрытиям на склоне, ведя

бестолковый неприцельный огонь.

Ситуация обострялась с каждой секундой, и виной тому были не пятеро наемников, продолжавших упорно обстреливать колонну, а сам факт внезапной схватки, вскипевшей в опасной близости от пользующегося дурной славой энергополя.

БМД Доронина наконец огрызнулась длинными очередями из импульсного орудия, но снаряды прошли выше, лишь один по случайности вспорол взрывом небольшую высотку, остальные разорвались на границе металлического леса – несколько автонов со скрежетом повалило на землю, заросли щедро осыпало осколками, и оттуда незамедлительно огрызнулась какая-то из механических тварей, потревоженная близкими разрывами.

Ответные лазерные разряды ударили с нечеловеческой точностью, лобовой скат брони БМД вскипел пурпурными гейзерами расплава, на частоте связи метнулся истошный болезненный вскрик, а в следующую секунду рвануло так, что Юсуф едва удержался на четвереньках.

Изрядно поврежденная самоходная платформа сошла с курса, медленно разворачиваясь. Третья БМД попятилась, огрызаясь огнем, справа от боевой машины внезапно рванула плазменная граната, бойцы группы прикрытия, не выдержав, засуетились, перебегая, пытаясь отступить, чем не преминули воспользоваться наемники. Они перенесли огонь глубже, обстреливая пологий склон, открывающийся за насыпью старой дороги.

Зулус, воспользовавшись ситуацией, стремительно переместился под прикрытием платформы, зашел наемникам во фланг и, внезапно появившись из-за медленно движущегося механизма, пригвоздил к земле еще двоих.

Юсуф, проследив маневр командира группы, поддержал его огнем, срезав наемника, у которого вдруг не выдержали нервы, – тот вскочил из-за укрытия и тут же поплатился за это.

Оставалось только двое противников, но сталкер не зря постоянно держал в поле зрения окраину металлической чащобы. Разделаться с парой выживших боевиков синдиката уже не проблема, а дело техники, но схватка привлекла механоидов и сталтехов – зловещие, легко узнаваемые энергетические матрицы появились на границе «жестянки», атаку человекоподобных исчадий поддерживали три перекати-зоны и два ЭРЗа[10] – именно они и предрешили участь колонны, подбив давшую задний ход БМД.

Через секунду шквал лазерных разрядов обрушился на склон,

поросший редкими группами металлических растений, – это перекати-зоны вступили в схватку, используя излучатели средней мощности, рассчитанные на поражение небольших быстродвижущихся целей.

Группа прикрытия полегла практически мгновенно. Бежать в полный рост по склону, среди гейзеров расплавленной почвы, под прицелом сканеров исчадий техноса, – чистой воды самоубийство, но именно так поступили оставшиеся в живых бойцы. Зулус лишь нервно выругался, заметив, как фигуры солдат превращаются во всплески пламени.

Они с Юсуфом остались один на один со сворой сталтехов. Две боевые машины горели, платформа кое-как выровнялась и теперь медленно ползла в сторону энергополя, на радость скоргам, а двое уцелевших наемников почему-то последовали за ней, постоянно оглядываясь.

Неадекватное поведение. Что заставило их идти навстречу сталтехам? Зулус терялся в догадках, но Юсуф, появившись из ближайшей ложбины, скупо просветил товарища:

– У них груз. Какой-то контейнер. Видно, ценный, раз готовы головы сложить.

– Подождем. – Зулус оценил ситуацию. – Сталтехам хабар неинтересен. А наемников они встретят по полной.

Он не ошибся. Безрассудная попытка двух боевиков синдиката завладеть брошенным грузом окончилась плачевно – сталтехи обнаружили их и уничтожили.

– Ну и нам ловить тут нечего, – произнес Юсуф.

– Уйдем?

– А какие варианты? – Тот нервно покосился на Зулуса.

– Жалко бросать. С Рыжиком связь есть?

Юсуф мотнул головой.

– Глухо.

– Ну, звуки боя он точно расслышал, – не унимался командир группы проводников.

– Услышал и унес ноги. Рыжик не тупой. И у него машина под завязку хабаром набита. Смысл ему соваться в пекло?

– Думаешь, удрал?

– А ты как поступил бы?

Зулус поджал губы: «Интересно, что в контейнере? Потом, вернувшись, его уже не отыщешь. Пепельный туман – коварная субстанция».

– Отвлечем их? – Он кивнул в сторону сталтехов, нерешительно застывших на границе «жестянки».

– Смысл?

– Посмотрим, что в контейнере.

– Отвлечь сталтехов? Без метаморфа и мнемотехника? – Юсуф скривился. – Не выйдет, Зулус, жадность – это порок. Не забыл?

– Все же попробую. – Сталкер извлек из клапана разгрузки цилиндрический заряд для подствольного гранатомета. – По случаю приобрел у одного торгаша на Обочине, – пояснил он. – Генератор сигнатур называется. Выстрелишь, и там, куда попадет граната, возникает энергоматрица. Торговец клялся – энергетическая копия бронезавра как минимум.

Юсуф усмехнулся:

– Дешевая пиротехника.

– Не понял?!

– Да детство свое вспомнил. На Новый год, бывало, деньги копишь, чтобы фейерверк купить, а настоящие, запатентованные дорого стоят. Вот всякий «левак» с пацанами купим, а потом кому пальцы оторвало, кому руку обожгло. В общем – праздник.

– Умеешь ты подбодрить, – огрызнулся Зулус.

Сталкер ничего не ответил, отвернулся, глядя на дорогу.

Самоходная платформа вломилась в заросли металлического кустарника и застряла там. Две боевые машины чадно горели, пологий склон, испятнанный ожогами лазерных попаданий, истекал дымами. Пепельный туман, разорванный порывами ветра, таился по оврагам.

«Вот жизнь-то… – мысленно вздохнул Юсуф. – Случайный порыв ветра, внезапный бой, и нету пацанов. А Зулусу все нипочем. Достал уже со своим любопытством».

Он хотел сказать напарнику, что не пойдет к контейнеру в любом случае, но его опередил глухой хлопок подствольного гранатомета.

Расширитель сознания тут же цепко ухватил искрящуюся каплю, отследил ее баллистическую траекторию, зафиксировал, как «граната» ударилась о землю на границе «жестянки», откатилась не разорвавшись.

Прошла секунда, другая, но ничего не происходило. Никаких новых энергетических явлений в той стороне не наблюдалось, лишь зловеще пылали сигнатуры механической нежити.

Зулус подождал немного, затем зло сплюнул:

– Убью урода, – веско пообещал он.

– Уходить надо, – настаивал Юсуф. – Видишь, не сработал твой «генератор».

– Да вижу, не слепой. Может, подождем немного?

– Смысл? Рыжик сюда не вернется, он уже, наверное, половину пути до Барьера отмахал, если загрузиться успел. Мы свое дело сделали.

– Ну, да, колонну сопроводили классно… – угрюмо отозвался Зулус. – Ладно, пошли. Действительно, судьбу дразним…

* * *

Сталкеры скрылись за невысоким холмом, когда на границе жестяных зарослей внезапно появилась новая энергоматрица.

Сталтехи насторожились, затем поодиночке начали разворачиваться. Причину появления бронезавра они осмыслить не пытались, но и вступать в схватку с внезапно обнаруженным техномонстром тоже не спешили. Перекати-зоны и ЭРЗы отреагировали намного шустрее человеческих подобий, они сочли разумным убраться подальше, их опыт борьбы за существование не предвещал ничего хорошего от столкновения с исполином.

Вслед за ними, обходя стороной энергоматрицу бронезавра, отступили и сталтехи, не решившись бросить вызов тяжелобронированному, хорошо вооруженному исчадию.

Генератор проработал еще минут пять, затем внезапно заискрил и отключился.

Все стихло.

Над местом недавней схватки стлался дым. Ветер немного унялся, и Пепельный туман начал выпрастывать ищущие добычу языки, постепенно выползая из ложбин.

* * *

– Ну все, мужики, увидимся. – Рыжов хлопнул по плечу рослого сталкера, которому только что передал плату за артефакты.

– И тебе, лейтенант, не хворать. Наберем еще – оставим весточку в сети.

Рыжов, довольный сделкой, развернулся и зашагал к боевой машине, как вдруг в отдалении ударили звуки беспорядочной перестрелки.

Он невольно остановился, сталкеры обеспокоенно схватились за оружие. Системы БСК обработали звук, определили приблизительное направление, на карте местности тут же появился пульсирующий маркер.

– Эй, Рыжик, похоже, твои с кем-то сцепились!

Рыжов со всех ног бросился к боевой машине. Проклятье… Что же за день сегодня? Сначала этот майор, теперь с колонной что-то случилось!

Датчики БСК работали на полную мощность, усиливая слабые

свидетельства происходящей в километре схватки, система распознавания целей фильтровала шумы, разделяя их по категориям: сначала в отдалении работали только «карташи», затем по нервам резанул характерный рокот очередей из автоматических импульсных орудий, низкие косматые облака подсветила серия зарниц, почва под ногами ощутимо вздрогнула.

Рыжову стало не по себе. Кто осмелился напасть на военную колонну? Явно не сталкеры!

Последние метры он преодолел бегом, машина, отвечая на дистанционную команду, уже вошла в боевой режим, автопилот рванул ее с места, как только лейтенант проскользнул в люк.

Пока он пристегивался к креслу и переводил дыхание, автоматика вывела БМД к цепочке проложенных через зону Пепельного тумана маркеров, но Рыжов перехватил управление.

Подчиняясь воле лейтенанта, машина резко притормозила.

Первый порыв быстро угас, ему на смену пришла нервная дрожь. Ладони взмокли от пота. Пока он боролся с внезапным приступом страха, короткий поединок между остатками совести и «здравым смыслом» закончился нулевым результатом, он не сдвинулся с места, решив, что в любом случае машины колонны пойдут по цепочке маркеров.

Прошло несколько минут тягостного ожидания, а колонна так и не появилась, зато усилившийся ветер разметал облако наномашин, автоматически включился комплекс дальнего обнаружения, спроецировав в сфере голографического воспроизведения карту распределения энергий.

Рыжов похолодел.

Сканеры обнаружили лишь затухающие сигнатуры двух подбитых боевых машин, группу сталтехов, углубляющихся в металлические заросли, да поврежденную платформу, застрявшую в невысоких зарослях автонов.

Ни одного сигнала от личных датчиков!

Запоздалым холодом обожгло спину. Только сейчас до лейтенанта дошло, что звуки яростной перестрелки стихли так же внезапно, как и начались.

«Что делать?!» – панически подумал он.

На границе металлического леса он заметил энергоматрицу бронезавра, но та прямо на глазах исказилась, подернулась помехами и исчезла.

Он медленно повел боевую машину вперед. Вернуться в часть и ничего не доложить о случившемся – значит признать, что струсил, бросил умирать подчиненных.

«Блин, зачем только убрал Шершнева. Сейчас бы он за все отвечал, а я…»

Рыжов отчаянно трусил, но вел машину к месту недавней схватки. Необходимо зафиксировать подробности случившегося, иначе не выкрутиться, даже Петренко не сумеет прикрыть.

Куда подевался Зулус?

На частотах М-связи стояла гробовая тишина. Никто не отвечал на автоматический вызов. Скорее всего виной тому были клубы Пепельного тумана, вновь поднявшиеся над оврагами.

Еще немного, и Рыжов увидел рдеющий язвами от лазерных попаданий склон, две подбитые БМД, затем сканеры зафиксировали личные датчики павших бойцов десантной группы и маркеры Птахи с Призраком. Все мертвы… Зулус с Юсуфом куда-то исчезли…

Проклятье!.. Проклятье!.. Проклятье!..

Он продолжал сканирование местности. Системы обнаружения зафиксировали десяток неопознанных тел в черной экипировке. Наемники? Дикие старатели?

А кто их различит, если нет личных датчиков? Они-то что забыли на границе аномалии?

Пока Рыжик соображал, как ему выкрутиться, что докладывать в части, сканеры обнаружили еще один источник энергетической активности. Сигнатура расплывчатая, нечеткая, похоже на контейнер с автономной энергоячейкой.

Дистанция сто пятьдесят метров. Проверить? Может, это странное устройство что-то прояснит?

Изнывая от страха, Рыжов все же повел БМД в направлении нечеткого сигнала. Сталтехи уже скрылись в металлической чащобе, сигнатура бронезавра больше не появлялась, видимо, ее обнаружение стало следствием сбоя следящих систем.

Точно – контейнер. Рыжику уже приходилось встречаться с подобными транспортировочными кофрами, их использовали наемники синдиката для доставки за границу Барьера особо ценных артефактов.

Ситуация немного прояснилась. Видимо, колонна случайно нарвалась на боевиков. В условиях Пепельного тумана такая встреча вполне вероятна и объяснима. От переживаний у лейтенанта пересохло во рту. Он насчитал десять неопознанных тел. Теперь картина внезапного столкновения читалась довольно легко. Тела двух наемников лежали в отдалении от остальных. Рядом с ними контейнер. Значит, пытались отступить, спасти груз. Что же там внутри, если остальные боевики решились вступить в бой

с колонной бронетехники, прикрывая груз?

Страх никуда не делся, но теперь к нему примешивалось еще одно острое чувство.

Рыжов находился на грани истерики. Он чувствовал: в контейнере может оказаться нечто настолько ценное, что…

«Я смогу бросить эту проклятую службу, разорвать контракт и уехать…» – Мысль ошпарила как кипятком.

Он не удержался от граничащего с безумием соблазна, поставил автоматику машины в режим «боевое дежурство», откинул люк, вылез наружу.

Ноги по щиколотку утонули в прахе.

Невдалеке зловеще поблескивали металлические деревья, над аномалией «Призрачный Город» метались зеленоватые сполохи мертвенного сияния.

Он быстро добрался до контейнера, ухватил его за ручку, потянул.

Килограммов пятьдесят, не меньше…

Воровато оглядевшись, лейтенант рванулся назад. Добычу он не отпустил, доволок до грузового люка, используя сервомускулы, поднял тяжеленный кофр, впихнул его внутрь отсека боевой машины.

«Все… Теперь валить отсюда!..»

План дальнейших действий созрел за считаные секунды, он больше уже не заботился об оправданиях, даже не потрудился остановиться, собрать личные датчики павших бойцов.

Страх, смешанный с предвкушением грядущих необратимых перемен в жизни, гнал его в сторону Барьера.

«Главное – проскочить блокпост…» – лихорадочно думал Рыжов, выводя БМД на известный только ему тайный маршрут.

Пустошь. У границы Барьера

Спустя час ожидания Шершнев понял: колонна не вернется.

Его знобило. Метаболический имплант явно дал сбой. Самочувствие лишь ухудшалось, грозя новой потерей сознания. Тело обдавало волнами жара, к горлу подступала тошнота. Иван ощущал резкие боли в спине, но не находил им разумного объяснения. Одно он понимал со всей удручающей очевидностью: в таком состоянии пробираться назад, через гравитационную аномалию Барьера – чистой воды самоубийство.

На фоне физического недомогания Шершнева все сильнее мучило раздвоение восприятия.

Расширитель сознания транслировал в рассудок постоянно

меняющуюся объемную панораму распределения энергий. Каждый предмет окружали ауры различной интенсивности, взгляд фиксировал множество мелких механических тварей, снующих в буквальном смысле под ногами, – все это сбивало с толку, рассеивало внимание, вызывало головокружение и галлюцинации.

Положение только усугублялось, становилось все более угрожающим. Его психика явно не выдерживала, окружающий мир то вспыхивал феерическими, брызжущими, иногда – размытыми в движении энергоматрицами, то замирал, тускнея, превращаясь в сумеречную неопределенность.

Ни первый, ни второй способы восприятия не устраивали Шершнева, но как-то примирить обычное зрение и визуализированные рассудком показания сканеров, взаимосвязать их в целостную картину удавалось лишь ценой невероятного нервного напряжения, да и то ненадолго.

Силясь преодолеть головокружение, он закрывал глаза, но и это не спасало – на фоне плотно смеженных век по-прежнему расцветали яркие ауры энергий, в такие моменты мозг окончательно терял связь с реальным миром, погружаясь в разноцветные грезы.

«Нет. Так не пойдет».

Он со стоном привстал.

Все двоилось перед глазами. Множество энергоматриц, зафиксированных расширителем сознания, превращали реальность в сюрреалистический танец световых эффектов.

«Ну и что теперь? Сдашься? Сдохнешь?»

От внутреннего напряжения раскалывалась голова, мышцы мелко дрожали, во рту все пересохло.

«Успокоиться… Контролировать сознание… Это всего лишь иная форма «компьютерного зрения»… Соберись!.. Регулируй восприятие!..»

Ивану казалось, что кто-то другой стоит над ним и орет, пытаясь вырвать его из сумеречного состояния безысходности.

Сколько прошло времени, он не помнил, но в какой-то момент злоба на собственную беспомощность помогла: очередное мысленное усилие вырвалось хрипом, но возымело действие – сигнатуры снующих поблизости мелких механических тварей поблекли, расширитель сознания наконец-то отреагировал адекватно, мгла поредела, сквозь нее проступили очертания рельефа.

Он с трудом отдышался, осторожно повел взглядом из стороны в сторону.

Панорама плавно переместилась, восприятие действительно стало

похоже на компьютерное видение: близкие предметы выглядели четко, на среднем расстоянии прочерчивались лишь серые контуры, вдалеке он теперь различал только крупные объекты, сигнатуры различных механизмов, металлорастения и колонии скоргов подсвечивались аурами энергоматриц, только если он задерживал взгляд и мысленно концентрировался.

Уже легче… Оказывается, нужно было подобрать правильную аналогию новому способу восприятия, и расширитель сознания наконец отреагировал, подстраиваясь, отыскав интуитивно понятный для Ивана алгоритм визуализации данных.

Боль и головокружение медленно, неохотно отпускали рассудок.

Он встал, придерживаясь рукой за обломок торчащей из земли бетонной плиты, еще раз осмотрелся, теперь уже пытливо, внимательно.

Почва, вздыбленная ударами пульсаций, застыла пологими волнами. Фрагменты зданий, вдавленные в нее, немыслимо деформированные, вызывали чувство опасения. Взгляд не находил в окружающем ничего привычного – ни единой зацепки.

«Спокойно. Нужно найти укрытие… Пока не почувствую, что со мной все в порядке, углубляться в отчужденное пространство нельзя».

Огромное сумеречное жерло бетонной трубы, торчащей из ближайшего вала искажений, привлекло внимание Шершнева. Неплохое убежище. С виду надежное, а главное, до него недалеко.

Первый шаг дался ему с трудом. Вестибулярный аппарат еще не «доверял» информации, полученной от расширителя сознания, что вызвало очередной резкий приступ головокружения. Удержав равновесие, Иван сделал следующий шаг с таким чувством, словно заново учился ходить.

Мимо неслись косматые клочья разорванных порывистым ветром облаков. Компьютерное зрение фиксировало твердую поверхность, но он рефлекторно ощупывал ногой почву, прежде чем сделать шаг, перенести вес тела.

Со стороны это, наверное, выглядело комично, но Шершневу было не до смеха. Он двигался медленно, постепенно начиная верить новым, неведомым ранее ощущениям.

По осыпи бетонных обломков, сцементированной стекловидной массой расплавленного, а затем отвердевшего вещества, он вскарабкался уже увереннее, дотянулся рукой до края трубы, на поверку оказавшейся опрокинутым фрагментом колодца ливневой канализации, и, подтянувшись, вполз в облюбованное укрытие.

Головокружение не исчезло, но стало терпимым. Чувство

дезориентации постепенно отпускало, теперь поворачивая голову, он уже не вздрагивал, когда расширитель сознания, подгружая данные, вдруг начинал «притормаживать». Его предупреждали о возможности возникновения подобного эффекта. С датчиками все в порядке, а вот мозг еще не поспевает обрабатывать полученную информацию, отсюда и сбои в мысленном восприятии.

Он справился с очередным приступом головокружения, сумел сосредоточиться, и панорама окружающего перестала подергиваться, стала разворачиваться плавно, только осматриваться пришлось медленно.

Замкнутое пространство бетонного колодца обрывалось тупиком, обвалом земли.

Он устало присел, привалившись спиной к закругляющейся стене. После изматывающего напряжения, вызванного некорректным включением метаболического импланта, все тело ныло, требуя хотя бы короткого отдыха.

На самом деле он обманывал себя. Усталость мышц легко преодолима, для этого существуют специально разработанные стимуляторы, а вот оглушающий удар по психике оказался силен, ничего не скажешь.

Он чувствовал себя так, словно попал на иную планету, где цивилизация давно погибла, оставив после себя лишь искаженные пульсациями обломки да странные формы жизни, не имеющие ничего общего с понятием «биосфера».

Глобальное одиночество – вот что он почувствовал, глядя вокруг.

Ивану мгновенно вспомнились ощущения неизвестного сталкера.

«Спокойнее», – вновь мысленно осадил он захлестнувшие разум эмоции. Не страх, но чувство обреченности постоянно давило на психику, вновь и вновь напоминая о враждебности замкнутого мира Пустоши.

«Теперь и я – сталкер», – попытался мысленно ободрить себя Шершнев.

Аутотренинг практически не помогал. Все ощущения трансформировались. Оружие не внушало прежней уверенности. Обломок бетонной трубы теперь уже не казался надежным убежищем, скорее – ловушкой. Деформации психики происходили ежесекундно, по мере поступления новых данных от сканеров. Внимательный взгляд, брошенный назад, на пройденный путь, внезапно выявил пропущенную опасность, оказывается, замысловатое сплетение распластанных вдоль земли металлических труб таило серьезную угрозу – меж ржавыми изогнутыми коммуникациями проскакивали искры, их объединяла единая

энергоматрица, словно фрагмент древнего водопровода являлся формой механической жизни…

Невольно возникал вопрос: а что мы вообще знаем об отчужденных пространствах, если сотня метров, пройденных по исковерканной территории, уже заявили о себе множеством неопознанных «изделий техноса», затаившихся среди обломков либо спешащих по своим делам, не обративших никакого внимания на человека?

А если бы обратили? Он мгновенно представил копошащийся ком в виде человеческой фигуры, невольно содрогнулся.

Чтобы унять эмоции, Иван занял позицию у края бетонной трубы и вновь приступил к внимательному, методичному осмотру окружающего пространства, давая рассудку время на постепенную, теперь уже осмысленную адаптацию.

Многие детали стали проявляться четче, двойственность восприятия понемногу нивелировалась, ауры различной интенсивности и оттенков, обозначающие механических существ, уже не вызывали внутреннего смятения и мысленного отторжения связанных с ними образов.

Иван не торопил события. Все планы уже сломаны. Колонна бронетехники явно вернулась иным маршрутом, а время его пребывания в отчужденном пространстве намного превысило запланированный для первого проникновения лимит.

«И какие теперь у меня варианты?» – мысленно спросил себя Шершнев.

Выполнять задание. В сложившейся ситуации он не видел смысла в возвращении. К чему тратить силы на преодоление Барьера, если спустя пару дней вновь предстоит вернуться сюда, снова пережить мучительную трансформацию восприятия и сбой метаболических процессов?

«Я справился. Пусть все прошло болезненно, не так, как планировалось, но что же теперь сетовать? У меня есть снаряжение, легенда, воля к действию, наконец».

Одно тяготило: на частотах дальней связи царили помехи. Чип мьюфона активировался, но сталкерская сеть оставалась недоступна. Причину Иван пока не выяснил.

* * *

Прошел еще час.

Шершнев понемногу освоился, болезненные ощущения притупились, он собирался покинуть укрытие и совершить короткий переход, двигаясь в глубь отчужденного пространства Пустоши, когда на границе зоны

эффективного сканирования появились три человеческие фигуры.

Сначала они показались ему призраками из-за слабого сияния, окружающего контуры тел. Иван затаился, опасаясь, что аура указывает на механическую нежить – сталтехов, но вскоре понял, что свечение обозначает энергетические матрицы, излучаемые экипировкой сталкеров.

Автоматически заработал сложный, разработанный специально для перехвата переговоров сканер, мью-фон подстроил частоту ближней связи.

– …много ты понимаешь. Все добыто по́том и кровью… – уловил Иван обрывок фразы.

– Чего? – словно не расслышав, переспросил другой голос. – Понтом и кровью? Ну, первого тебе, Упырь, не занимать, а кровь-то чья? Неужели свою проливал?

– А ты, Волдырь, не юродствуй. А то тебя язык точно до пули доведет, – сварливо прозвучал первый голос. – Ты тут без году неделя, а я катастрофу пережил!

– Да ладно тебе, Федор Тимофеевич, шуток совсем не понимаешь?

– Шутить сначала научись…

В разговор вмешался третий, молчавший до сих пор сталкер:

– По ориентирам вроде бы пришли. До Барьера рукой подать. Вон автон с оплавленной кроной, вот строение техноса покореженное. Все, как ты и говорил. Что дальше?

Сталкеры остановились метрах в двадцати от обломка бетонной трубы. Теперь Иван отчетливо видел их. Тот, что стоял посередине, был облачен в общеармейскую боевую броню, только без шлема. Его седые волосы трепал ветер, глаза смотрели цепко, губы были сжаты в тонкую бескровную линию. Если судить по чертам лица, выглядел он немощным стариком, не зря, наверное, остановил выбор на экипировке, усиленной сервомускулами.

Двое других, облаченные в легкий, но прочный кевлар, вооруженные импульсными автоматами системы Карташова, выглядели молодо. Шлемов они так же не носили, зато на правом плече у каждого была закреплена дыхательная маска, надеть которую в случае необходимости – дело одной секунды.

– Ну что скажешь?

– Не торопи меня, Болт! – озираясь огрызнулся старик. – Без тебя разберусь!

Сталкер пожал плечами, кивком указав напарнику на гребень ближайшего искажения. Пока Упырь пытливо осматривал окрестности, они заняли позиции, контролируя наиболее опасные, по их мнению,

направления.

– Вижу, что пришли, – наконец изрек Упырь. По его лицу пробежала тень, казалось, что в сознании старика идет какая-то борьба. – Схрон у меня тут неподалеку, – после недолгой паузы добавил он. – Идите-ка вон за тот холмик, да чтобы не подглядывать. Надо будет – сам позову.

– Экий ты подозрительный, Федор Тимофеевич… – пробурчал один из сталкеров, без особого энтузиазма взглянув в направлении указанного холмика. – Давай мы тебя здесь подождем. На той возвышенности скоргами все кишит.

– Ладно, – нехотя согласился Упырь. – Все равно схрон временный, случайный, – как будто размышляя вслух, пробормотал он.

– Чудеса вообще-то, – поддел его Болт. – Я-то думал, ты из своей берлоги в Сосновом Бору вообще никогда и никуда не выходишь, а тут на тебе – схрон. Или его не ты соорудил, а?

– Любопытный больно, – осадил его старик, еще раз взглянул по сторонам, а затем вдруг уверенно направился… к обломку бетонной трубы!

Сменить позицию Шершнев не успевал.

Что делать? Оставаться внутри укрытия? Он уже пробил Упыря по имплантированным базам данных. Торговец из Соснового Бора был хорошо известен всем, и сталкерам, и военным. Хитрый, пронырливый, жадный и жестокий – вот наиболее краткая скупая характеристика старика, направившегося к убежищу, где затаился Шершнев.

Ситуация складывалась безвыходная. Первое, что сделает старик, заметив незнакомца подле своего тайника, – всадит в него пулю.

Иван поставил ИПК на сошки, прицелился, но тут в ситуацию вмешалась третья сила.

На пути торговца громоздилось выдавленное из-под земли, разорванное и искаженное энергией пульсаций сплетение металлических труб, на которое Шершнев обратил внимание, когда осматривал местность. Вроде бы просто груда ржавого хлама, а на поверку – ловушка, да еще и непростая.

Стоило Упырю приблизиться к бетонной осыпи, как на изломах труб вдруг показались тонкие трепетные язычки холодного пламени. Старик почуял неладное, резко отпрянул, а в следующий миг ловушка разрядилась: полыхнуло так, словно залпом ударил десяток огнеметов, а затем сплетение ржавых коммуникаций внезапно пришло в движение, пластично изгибаясь, словно оживший клубок змей.

Вспышка ослепила Ивана, датчики на несколько секунд «подвисли», а когда к нему вернулась способность воспринимать окружающее, события

уже разворачивались с невероятной скоростью: один из сталкеров, попав под удар тепловой энергии, дико заорал, покатился по земле, пытаясь сбить охватившее его пламя, его напарник оказался проворнее, он успел уклониться от гудящих огненных струй. Метнувшись в сторону, он ударил из «карташа» по внезапно ожившему скоплению металлолома, но его выстрелы, перерубив пару извивающихся труб, только разозлили невиданное исчадие техноса.

Молниеносный бросок металлической твари выпростал из-под земли еще метров пятнадцать фантастически гибкой «водопроводной трубы», сталкера обвило металлическими кольцами и сжало с такой силой, что Шершнев отчетливо услышал хруст сминаемой экипировки и ломающихся костей.

Все события заняли лишь несколько мгновений.

Упырь куда-то исчез, словно сквозь землю провалился. Впрочем, Ивану сейчас было не до старика. Потревоженное «изделие техноса» не удовольствовалось жертвами, металлические щупальца продолжали свой жутковатый танец, выискивая новую добычу, с молниеносной точностью настигая бросившихся врассыпную мелких механоидов.

«Так и до меня доберется».

Шершнев сместил прицел, сообразив, что у металлической твари есть некий центр.

Там, где ржавые с виду трубы сплетались в клубок, образуя нечто имеющее форму сферы, метались язычки холодного зеленоватого пламени, искажающие все, с чем соприкасались. В земле образовалась коническая воронка, клубок металла левитировал над ее центром, десятки щупалец тянулись в разные стороны, изгибались, роняя коросту ржавчины, в поисках новых жертв.

Холодный пот заливал глаза.

Весь прошлый боевой опыт никуда не годился, он стал бесполезным балластом воспоминаний о понятных, предсказуемых явлениях, здесь же все происходило иначе, назло здравому смыслу, вразрез с законами физики, – жуткое ирреальное исчадие техноса обладало не только способностью к движению, оно действовало осмысленно, настигая жертвы молниеносными и точными выпадами.

Испытывать на себе аппетит механической твари майор не собирался.

Очередь ИПК ударила гулко, отчетливо, весомо. Рука Шершнева не дрогнула, цилиндрические пули разорвали ажурное сферическое плетение, жадно ищущие добычу металлические щупальца на миг застыли, как будто в нерешительности, затем по ним пробежала конвульсия искажений, и…

взгляду майора вновь предстали обыкновенные изъеденные коррозией водопроводные трубы, коряво распластавшиеся по площади в десяток квадратных метров. Серебристый блеск на них стремительно таял, уступая место текстуре ржавой поверхности.

Он невольно сморгнул.

Разорванный и частично расплавленный ком металла вызывающе светился, разгоняя сгустившийся из-за дыма сумрак.

Движение!

Ствол импульсного пулемета резко сместился, но Упырь оказался проворнее – появившись в поле зрения, он с неожиданной для старика ловкостью метнулся к укрытию Шершнева, заскочил внутрь, затем резко присел, обернувшись:

– Ты кто такой?! – сипло, с придыхом спросил он.

– Шершень, – скупо отрекомендовался майор.

– В схрон мой зачем залез? – Старик украдкой взглянул на отвал земли. Похоже, что гибель двух сталкеров его нисколько не взволновала. Все мысли старика были сосредоточены не на опасности, которой чудом удалось избежать, а на имуществе, спрятанном в обломке трубы.

– Откуда я знал, что тут схрон? – отмел обвинение Шершнев. – Шел мимо, решил передохнуть, вот и залез. Убежище подходящее.

Тот факт, что Шершень спас ему жизнь, Упыря, похоже, не волновал. Он продолжал рассматривать Ивана с явным подозрением.

– «Мотылек», что ли? – наконец спросил он.

– Нет.

– Так чего закупорился, как водолаз? – Упырь криво усмехнулся, показав желтые зубы. – Нет, парень, ты меня не проведешь. Экипировочка-то военного образца!

– Можно подумать, на тебе спортивный костюм, – огрызнулся Иван. – Забирай свое барахло и катись.

– А нечего забирать. – Упырь оскалился, затем, не поворачиваясь спиной к Шершню, попятился в глубь бетонной трубы, указал на полузасыпанный, раздавленный массой земли стол с тремя перекошенными выдвижными ящиками. – Пропало мое добро. И ты первый на подозрении!..

– Я тебе жизнь только что спас, – не выдержал Шершнев. – А надо было пристрелить, и все дела!

– Ага. Пристрелил бы он меня!.. – прошипел Упырь, немного опешив от такой наглости. – Да мои парни тебя…

– Где твои парни? – Иван разозлился не на шутку, инстинктивно

вскинул оружие, но не выстрелил, сдержался в последний момент. Упырь, учитывая его сомнительную репутацию и обширные связи, может оказаться полезен.

– Ты чего? Совсем с головой не дружишь? – взъелся старик. – Сдурел, стволом в меня тыкать? Или не знаешь, кто я?!

Да, прав был Волдырь, самомнения у Упыря хватило бы на десятерых.

– Торговец ты из Соснового Бора. Только мне от этого ни жарко ни холодно. Я шел своей дорогой, ты своей.

– Ну ладно. – Старик как-то быстро сдался, сник. – Ладно, не обижайся. Только все равно подозрения есть. Кто ты такой? Откуда? Почему тут прячешься? И где мой товар?!

– Не видишь, у меня и рюкзака нет, – в тон ему ответил Шершень. – Не трогал я твой товар.

– Допустим. А что у Барьера делаешь?

– Тебя не спросил.

– Нет, отвечай уж!

Майор не расслаблялся ни на секунду, он был готов к любым неожиданностям, но оказалось – недооценил старика! Упырь неожиданно оказался у него за спиной, и в следующий миг ствол импульсного «страйка» уперся майору в затылок.

– А ну снимай шлем! Поглядим, кто ты таков!

Шершнев тяжело вздохнул, неохотно отстегнул замки боевого шлема, снял его.

Взгляд старика впился в имплант, расположенный на виске, ртутной, въевшейся в кожу кляксой сползающий к области шеи. Разглядев клеймо, Упырь опустил оружие, отступил на пару шагов, насколько позволило тесное пространство бетонной трубы.

– Так ты из Ордена? – сипло спросил он.

– Сбежал я оттуда, – Ивану пришлось задействовать подготовленную заранее легенду.

На губах Упыря заиграла ехидная усмешка.

– Вот теперь понятно. Послушник, значит, беглый. Орден тебя имплантировал, а ты деру дал, на вольные хлеба решил податься? – в голосе старика прозвучали не только ехидные нотки, проскользнуло и уважение к мнимому поступку сталкера.

– Ну, типа того, – кивнул Иван, принимая трактовку торговца.

– А что не понравилось-то? – Упырь наконец немного расслабился, присел.

– Да привык я сам по себе, – пожал плечами Шершнев. – Не по мне

муштра.

Упырь поджал губы.

– Понятно… Значит, добро мое не брал? – резко переключился он на прежнюю тему.

Вот заладил…

– Нет, не брал, – спокойно повторил Шершень.

– Верю, – неожиданно согласился торговец. – Растяжка в тайнике стоит. – Он углубился в сумрак. Через некоторое время донесся металлический щелчок, затем скрип выдвигаемого ящика. – Слышь, Шершень, ты не злись. Есть к тебе деловое предложение. – Голос торговца прозвучал елейно.

– Слушаю, – буркнул в ответ Иван.

– Похоже, ты неплохой боец. Проводишь старика? Заплачу.

Шершнев изобразил раздумье, затем ответил:

– Не, мне в Сосновый Бор нельзя. Там, говорят, опять Приор Глеб орденским манипулом заправляет. Я и так с трудом подальше от Цитадели убрался.

– Я заплачу! – Упырь недоуменно уставился на сталкера. – Хочешь – н-капсулами, хочешь – товаром!

– Мне свобода дороже, – отрезал Шершень. – Тут Обочина[11] недалеко. Могу туда проводить.

– Не вариант, – насупился старик. – Мне домой нужно. Ну хорошо, свою цену назови! – Он хмуро взглянул на Шершня. – Вымогатель!

«Что делать? Соглашаться? А что? Вариант. До тамбура вместе дойдем, а там придумаю что-нибудь. Старик не первый день в пространствах, с ним переход через Пустошь намного упрощается».

– Цену, говоришь? С кем-нибудь из синдиката сведешь? – попытался импровизировать Шершнев. – В наемники хочу завербоваться. Говорят, им платят неплохо.

– Сдурел? – Упырь выразительно покрутил пальцем у виска.

– Нет. – Иван недоуменно взглянул на него. – А в чем проблема?

– Да на кой ты им сдался? – криво усмехнулся старик. – Они серьезных, проверенных сталкеров вербуют.

– Ну, это мои проблемы. Ты сведи, а дальше я сам.

Упырь задумался, затем отрицательно качнул головой:

– Нет. Даже связываться не стану.

Шершнев надел шлем.

– А ты подумай, – глухо произнес он, – пока до тамбура идем.

Торговец только рукой махнул: забудь.

Иван не стал напирать.

– Шершень! – окликнул его старик.

– Ну? – Он обернулся. – В чем дело? Мы идем или…

– Погоди. А кто тебе очередь в спину всадил?

Майор на мгновение опешил, ответил первое, что пришло на ум:

– Броня трофейная. Снял с мертвого вояки.

– Ну-ну… Сам небось его в спину и приголубил? Я же вижу, следы от пуль свежие. Что же ты их не обработал пластиком? Эх, молодежь… – В руках Упыря появился баллончик со специальным герметизирующим составом. – Давай, обработаю.

Иван не стал спорить.

– Ну вот, так лучше. Должен будешь, Шершень. Совсем ты зеленый еще. В такие дыры не то что скорги – механоид пролезет. Ладно, пойдем уже.

Глава 3

Внешний периметр Барьера Пустоши.
Место дислокации 117-го отдельного батальона Изоляционных сил
Глубокая ночь.

Призрачный свет Барьера косыми бликами лежал на покатых металлических крышах ангаров.

Никого… Рыжов некоторое время с усталым безразличием считывал показания сканеров, затем у него вырвался сиплый облегченный вздох.

Успел. Потопейко наверняка выехал навстречу, как только получил доклад с блокпоста. Но пусть обломится. Не видать ему таинственного артефакта. Теперь бы спрятать его понадежнее…

Лейтенант уже не нервничал, усталость притупляла остроту чувств, гасила эмоции. Повезло. Выжил. Вырвался. Груз доставил. Все в шоколаде, а будет еще лучше.

«Контейнер тяжелый. Далеко не дотащу, чтобы спрятать. А может, оставить тут, в ангарах? Высплюсь, отдохну, а там решу, как его понадежнее схоронить, чтобы не делиться с обнаглевшим прапором и подполковником Петренко. Этим все мало. Я жизнью рисковал, – подумал Рыжов. – Моя добыча».

Вообще-то, решение созрело не сию секунду. Иначе какой смысл делать крюк по проселкам, гнать боевую машину на предельной скорости? Рыжов все решил для себя еще там, в Пустоши, как только увидел мертвые тела и таинственный контейнер.

Выбравшись через люк, он обошел БМД, открыл грузовой отсек, схватил увесистый, герметично запечатанный кофр и поволок его к воротам ближайшего ангара.

Холодный пот струился по спине. Сквозь пластиковую поверхность на торце загадочного контейнера тускло просвечивали три индикационных сигнала. О чем они свидетельствуют, Рыжов понятия не имел, но если в отчужденном пространстве искорки сияли ровным изумрудным светом, то сейчас они пожелтели и ритмично пульсировали.

«Ладно, после разберусь. Все равно, что бы там ни находилось внутри, оно «сдохло», как только была пройдена граница Барьера. Пусть хоть красным светятся, мне все равно», – думал он, затащив контейнер в дальний угол, запихнув его под стеллаж с инструментами.

Так, теперь прикрыть ветошью, передвинуть пару ящиков, и порядок.

До утра сюда точно никто не сунется. Рыжов выпрямился, огляделся. Ангар пустовал, на слесарных верстаках лежал слой пыли передвижных компьютерных комплексов, которые обычно использовали для подготовки и диагностики отправляемых в зону «изделий», он также не заметил.

Ну, значит, и беспокоиться нечего. Он бросил ком промасленной ветоши, вытер руки и пошел к выходу из ангара.

Снаружи донесся шум, послышались голоса.

«Меня ищут. Потопейко, наверное, зеленый от злости бегает. Подумал небось, что я полную машину артефактов решил умыкнуть».

Рыжов остановился. В ангаре помимо ворот должна быть калитка. Незачем показывать, что я тут был.

Через несколько минут он отжал протяжно скрипнувшую дверь, выскользнул в прохладный ночной мрак, обошел пару ангаров и, уже не скрываясь, направился к техническому паркингу, где оставил потрепанную БМД.

«Скажу – в туалет приспичило. Хотя Потопейко даже спрашивать не станет, он сейчас трясущими руками артефакты перебирает, смотрит, все ли на месте» – с такими мыслями лейтенант вышел к парковочной площадке и вдруг замер.

Боевую машину окружали бойцы спецназа. Чуть поодаль стоял микроавтобус с погашенными фарами, рядом нервно топтался комбат Петренко, старшина с перекошенным лицом застыл подле открытого грузового отсека БМД. В руках прапорщик держал разлапистую ветвь металлорастения, словно юнец, пришедший на первое свидание и отчаянно стесняющийся принесенного букета.

– Я не… того… Я не… – Он отшвырнул отблескивающий металлом букет. – Я ничего не знал! Это все лейтенант Рыжов! Он тайно провез артефакты!

Полковник из службы собственной безопасности, вдоволь налюбовавшись на перепуганного прапора, выступил из тени в круг света.

– Значит, вы ни при чем? И подполковник Петренко также ничего не знал о незаконном грузе?

Рыжов не стал дожидаться развязки. Он и так понял – все свалят на него, сдадут со всеми потрохами. Он испугался. Куда-то исчезла свинцовая усталость, мышцы наполнила дрожь.

«Мне не выкрутиться. Я ведь один выжил. И машина моя. Не открестишься…»

Бежать – бухнула мысль. По счастливой случайности, из-за желания присвоить странный контейнер он обошел посты, успел попасть в

расположение части раньше, чем прибыла группа захвата.

Рыжов попятился в спасительную тьму.

Бежать. Затаиться, переждать, пока тут все уляжется. Петренко и Потопейко все равно арестуют. А я отсижусь, а потом вернусь за контейнером. Того, что спрятано внутри, мне точно хватит на безбедную жизнь… Главное сейчас – ускользнуть…

Он медленно, крадучись обогнул ангары, затем, оказавшись на пустыре, побежал.

* * *

На технической парковке меж ангарами полковник СБ подошел к трясущемуся Потопейко и тихо, чтобы не услышал Петренко, произнес:

– Можешь пояснить, что случилось с майором Шершневым?

– Н-не… знаю… – выдавил Потопейко.

– Тогда получишь по полной. Здесь артефактов на два пожизненных срока хватит. Отвечай, куда подевался лейтенант Рыжов?

– Н-не… знаю…

– Ну смотри, у тебя был шанс. – Полковник обернулся, кивнул командиру группы захвата – уводите обоих, затем прошел к микроавтобусу.

– Лейтенанта Рыжова в розыск, – обронил он, сев на переднее сиденье. – Едем. В штаб группировки.

На сердце было тяжело. Судьба Шершнева не прояснилась, а захваченные артефакты и вскрытый канал их тайной переправки через Барьер его не радовали.

«Новиков мне голову снимет, если не выясню, что там случилось».

Он коснулся горошины коммуникатора, имплантированного за ушную раковину.

– Серебряков, на связь.

– Слушаю!

– Снять всю информацию с запоминающих устройств БМД! Я должен знать, что случилось за Барьером, куда подевался майор Шершнев и почему не вернулись остальные машины колонны!

– Уже занимаемся.

– Поторопитесь. Времени – до утра. В девять мне идти на доклад к Новикову.

Микроавтобус стремительно удалялся от Барьера. Вслед машине сочилось зловещее мертвенное сияние.

Отчужденное пространство Пустоши…

Мрачные мысли одолевали Шершнева.

Отметины от пуль, что заметил и обработал торговец, многое объясняли, ставили на свои места. Вот почему метаболический имплант после активации вел себя столь агрессивно. «Он меня с того света вытащил, раны залечил, пока я валялся без сознания. Но кто стрелял?»

Рыжов? Только зачем ему идти на убийство? Обыкновенная мелочная мстительность?

Нет, тут что-то другое. Не стал бы лейтенант нарываться на неприятности, ведь гибель командира колонны придется объяснять по возвращении. Но кто тогда? Зулус? Или они с Рыжовым действовали в сговоре?

Вспомнилась дезориентация, внезапный прорыв беснующейся мглы на защищенную площадку. «Кто-то ловко все проделал. Ведь я даже не ощутил выстрелов, ничего не заподозрил. Да, тут наверняка замешан кто-то из военных сталкеров».

Теперь стали понятны и острые боли в спине, и долгий мучительный период физической беспомощности, воспринятый как сбой метаболического комплекса. Да и внезапное изменение маршрута колонны также вписывалось в общую картину событий.

«Нет, Рыжик не решился бы. Не того полета. Слабоват для расчетливого хладнокровного убийства. Стрелял кто-то из сталкеров. Они же и оттащили меня в заросли металлокустарника, думая, что не выживу. Ошиблись. Не распознали наличие метаболического комплекса.

Чем же я так досадил или помешал?

Какие-то свои темные делишки они решали. Я им видно одним присутствием планы спутал».

– Шершень, ты там не уснул? – раздался по связи раздраженный голос торговца.

– Иду, иду, Федор Тимофеевич. – Иван вел себя сдержанно, стараясь молча поспевать за Упырем, хотя это стоило немалых усилий. Он весь взмок, преодолевая три вала искажений, расположенных уступами. Упырь же двигался ловко и энергично. Сервомускулатура позволяла старику без труда совершать восхождение, ловушки он обходил стороной, мелких механоидов, которыми кишели руины, либо давил ногами, либо безразлично смахивал в сторону. Сложно сказать, зачем ему вообще понадобился сопровождающий.

– Ну, чего ты там замешкался? – Торговец присел, дожидаясь, пока Шершень поднимется на небольшую площадку, расположенную чуть ниже гребня третьего, наиболее высокого вала искаженного рельефа. –

Неправильно тебя назвали в Ордене. Надо было дать позывной «Черепаха».

Иван ничего не ответил. Он и так старался изо всех сил. Большинство страхов пришлось попросту отбросить, пойти наперекор осторожности и здравому смыслу. Например, постоянно обходить стороной вездесущие металлокустарники стало попросту нереально, а вот использовать их прочные упругие ветви, цепляясь за них руками, оказалось удобным и относительно безопасным способом восхождения.

– Медленно ползешь.

– Зато стреляю без промаха, – огрызнулся Иван, взбираясь на небольшую площадку, где поджидал его торговец.

– Ну-ну… – Упырь хотел что-то добавить, но внезапно пригнулся, замер.

Шершнев машинально вскинул оружие.

– Ты что, Федор Тимофеевич? – тихо спросил он, не обнаружив явных источников угрозы.

– Замолкни! – просипел торговец. Он вытянул шею, как будто принюхивался, застыв в напряженной позе.

Шершнев не стал дожидаться пояснений, лег и ужом подобрался к гребню остекленевшей волны искажений, откуда открывался вид на расположенные ниже заросли металлокустарника.

Датчики, связанные с расширителем сознания, не зафиксировали энергоматриц. Затаись внизу крупное изделие техноса, Иван его заметил бы.

Может, у Упыря обыкновенная паранойя? Нет внизу никакой опасности. Невысокие руины, искаженные пульсациями, густые заросли «жестянки», два покосившихся, покрытых окислами давно покинутых скоргами строения техноса, похожие на ажурные вышки, да едва приметная тропа, проложенная между ними, – вот все, что удалось разглядеть.

Ближайшие источники энергетической активности располагались метрах в пятидесяти, ниже по склону. Скопление ловушек – судя по всему, два «магнита» и «энергогейзер», Иван понемногу свыкался с новым способом восприятия и даже мысленно идентифицировал некоторые особо характерные сигнатуры.

Никакого движения он не заметил:

– Да вроде чисто все.

Торговец по-прежнему не шевелился, словно прирос к обломку бетона. Его глаза смотрели в одну точку, губы беззвучно шевелились, крючковатый нос шумно втягивал воздух, кадык нервно подергивался – зрелище во многом странное и отвратительное. Он явно что-то заметил, но

не спешил делиться своими соображениями.

«Ладно. Попробую иначе», – подумал Иван, подключаясь к датчикам бронескафандра. Не заметив признаков энергетической активности, он задействовал штатную оптику.

Сознание на миг помутилось. Фрагмент тропы рванулся навстречу, а когда «картинка» стабилизировалась, Шершнев невольно похолодел, чувствуя, как крупные мурашки стягивают кожу по всему телу.

Укрупненное, детализированное изображение нагоняло жуть. Шершневу часто приходилось видеть смерть в различных ее проявлениях, но сейчас он невольно содрогнулся. Такое разве что в фантастических фильмах могут показать…

На тропе, будто изваяния, застыли четыре человеческие фигуры в черной как смоль экипировке.

«Наемники синдиката», – мгновенно определил Иван, силясь понять, что же произошло с ними.

Его взгляд медленно перемещался. Опасаясь вызвать сбой расширителя, он не масштабировал изображение. Тропу проложили и часто использовали крупные механические твари, в поле зрения попал вдавленный в землю металлокустарник, местами поврежденный траками гусениц.

Чуть выше…

Да, точно – экипировка боевиков синдиката. Черный глянец активного пластика покрывали трещины, что-то воздействовало на самогерметизирующийся полимер, изменив его физические характеристики. Еще выше… Медного цвета автон тянул тонкие побеги к тропе. Гибкие, как лианы, они пронзали броню боевиков. Металлорастения, насколько знал Шершнев, не «охотятся» подобным образом. В худшем случае в период интенсивного роста и размножения они выстреливают в потенциальную жертву вязкую металлизированную субстанцию, не способную проникнуть через специально разработанные защитные покрытия. Здесь же десятки побегов ударили одновременно, пронзили и оплели человеческие фигуры, не давая им упасть, превратив в жуткие изваяния.

Выражение лиц наемников немо свидетельствовали о жестокой скоротечной агонии. Они не успели воспользоваться оружием, не смогли бежать или сопротивляться, вероятно, смерть наступила в течение нескольких секунд.

– Видишь их? – сипло спросил Упырь.

Шершнев сглотнул. Вот так и цепляйся за металлические кусты,

взбираясь на склон…

– Вижу… – ответил он. – Хищное металлорастение?

– Нет. – Торговец явно нервничал. – Обычный медный автон. На нем даже н-капсул не видно.

– Но он же напал на этих… – Иван не произнес слова «наемники», опасаясь демонстрировать свою осведомленность.

– Нечисто тут, – прошипел Упырь. – Где такое видано, чтобы обычный автон активную броню навылет побегами пробивал?

– Ну, пробить-то ее не проблема. Побеги острые.

– Тупой ты. Ничему тебя в Ордене не научили! – нервно огрызнулся торговец. – Говорю же: нехищный этот автон. Да и экипировка у наемников не простая. Со встроенными микрогенераторами электромагнитного импульса, сечешь? Они автоматически срабатывают, при контакте со скоргами.

– Так что, мне глазам своим не верить? – в тон ему зло и нервно переспросил Шершнев.

Он медленно отмасштабировал изображение, охватил всю картину целиком. Что бы там ни говорил Упырь, а побеги медного автона пробили не только слой активного пластика, они пронзили тела насквозь, а одного из боевиков синдиката просто задушили, захлестнув петлями за горло. Другой, пытавшийся в последний момент вскинуть руку с закрепленным на ней армганом, в буквальном смысле был скован тонкими металлическими путами. Прежде чем пронзить жертву, медные лианы остановили движение руки, не дав произвести выстрел из лазерного излучателя. Упырь прав: такое поведение для колонии ресурсодобывающих нанороботов слишком сложно. Если внимательно изучить детали жуткой сцены, то становилось очевидно: каждого из четверых боевиков лианы сначала нейтрализовали различными способами, а уж затем, полностью обездвиженных, пронзили насквозь.

Совершить подобное под силу мыслящему существу, но никак не колонии примитивных нанороботов. Теперь понятно, почему торговец мгновенно напрягся, почувствовав подвох. Его опыта хватало с избытком, чтобы правильно оценить ситуацию.

– Запомни, – Упырь зло сплюнул, немного расслабившись, – хищные металлорастения в основном используют разряды энергии или выстреливают часть колонии в проходящую мимо жертву. Получается как ртутный плевок. Если на тебе активная броня, с пластиковым покрытием, скоргам ничего не обломится, разве что они найдут прореху в защите.

– Тогда я ничего не понимаю, – признал Шершень.

– Я тоже. Но на тропе есть пятое тело. Видишь, ноги торчат из «жестянки»? Похоже, отполз туда.

– Ну и что?

– Пойди и проверь. Сдается мне – это мнемотехник.

– Это он заставил обычные металлорастения атаковать наемников?!

– Умнеешь на глазах. Давай, шевелись. Я тут подожду.

Ясно. Именно для таких ситуаций Упырю и понадобился провожатый. Чтоб в случае чего было кому поработать «отмычкой».

Особого энтузиазма майор не испытывал, но и артачиться явного повода не находил.

Преувеличенно тяжело вздохнув, он закинул ИПК за спину и, вооружившись десантным ножом, встал.

– Ладно. Проверю. – Он стрельнул взглядом в сторону Упыря. – Оружие-то у тебя есть? Прикроешь?

– Кроме «страйка», отроду ничего не ношу, – буркнул в ответ торговец. – Делать мне больше нечего? Я для чего тебя с собой взял?

– Понял. Обойдусь.

* * *

Многое приходилось принимать как данность.

«А как иначе? – подумал Шершнев, начиная спуск по узкой тропе, ведущей через вал искажения почвы вниз к зарослям металлорастений. – Прав был Завьялов: при помощи чистой логики отчужденные пространства постичь невозможно, здесь слишком часто возникают необъяснимые явления, потому психология сталкеров и претерпевает значительные деформации, их восприятие интуитивно, а приобретенный опыт сокровенен, его сложно передать на словах, здесь все нужно почувствовать самому».

Каждый шаг давался с трудом, требуя не только физических, но и моральных усилий. Чувство тревоги, постоянной, окружающей тебя опасности лишь возрастало со временем. Каждая деталь сформированного пульсациями рельефа выглядела противоестественно, здесь все противоречило законам физики, взять хотя бы застывшую волну искажения – какая сила размягчила земную твердь, вздыбила ее вместе со зданиями, а затем вдруг остановила, вернув утраченные физические свойства?

Он перебирался с одного обломка на другой, поражаясь тому, что многие постройки просто утонули в почве, взгляд то и дело натыкался на различные предметы, совмещенные друг с другом. На глаза попался торчащий из стекловидной массы лестничный марш, скрученный спиралью

с торчащими из него обломками мебели. Сила, перекрутившая армированный бетон, вкрапила в него пластиковые предметы, совершенно не повредив их. Подобная избирательность в воздействии выглядела жутковато и неправдоподобно, но не верить собственным глазам – тоже не выход из положения… Шершнев понимал – либо рассудок примет дикую, алогичную данность, либо у него незаметно «съедет крыша» от постоянного морального напряжения и мысленного поиска ответов на вопросы, решить которые не способны специализированные научные подразделения.

…Пологая волна деформированной почвы плавно перетекала в разветвленный овраг, склоны которого оккупировал металлокустарник, а по дну вилась едва заметная тропа. Несколько минут назад с высоты все виделось иначе, а сейчас мир вдруг начал смыкаться, автоны подступили так близко, что ветви царапали по экипировке, Шершнев обрубил несколько побегов ударами десантного ножа, но на срезах тут же выступили тягучие капли, отливающие серебром и медью. Ему стало не по себе, и дальше Иван продвигался более осторожно, не срубая, а отгибая упругие побеги, стараясь не провоцировать колонии наномашин – кто знает, как отреагирует очередной металлический куст на полученные повреждения?

– Быстрее можешь? – Недовольный голос Упыря прозвучал в сознании Шершнева. – Ползешь, словно в зыбучий асфальт угодил.

– Сам пробежаться не хочешь? – огрызнулся майор.

– Ты мне не дерзи!

За поворотом тропы показался первый из наемников, и вспыхнувшая было перебранка угасла сама собой.

– Шершень, ты побеги не вздумай рубить! – предупредил торговец. – Вообще не прикасайся к автону. Просто пролезь под лианами.

– Сам разберусь.

Он остановился в двух шагах от неподвижной фигуры. Скрежет «жестянки», до этого воспринимаемый как фон, казалось, стал громче.

Медно-рыжие побеги стлались вдоль самой земли. Сначала металлорастение опутало ноги наемника, остановив его, затем гибкие ветви спиралями поднялись выше, прижав руки к туловищу, не давая воспользоваться оружием. Финал мгновенной схватки выглядел особенно жутко: две медные лианы плавно изгибались над плечами боевика синдиката, вонзаясь в его затылок.

Совет Упыря в данной ситуации не подходил. Ни подлезть, ни обойти. Придется рубить – решил Шершнев. Несколько точных ударов ножа с

острейшим лезвием перерубили гибкие побеги, и мертвый наемник, потеряв опору, с глухим звуком рухнул на землю.

Шершнев, обрубив лианы, отпрянул назад, но медный куст никак не отреагировал на агрессивные действия человека, что лишь подтверждало версию торговца о воздействии мнемотехника.

Иван перешагнул через рухнувшее поперек тропы тело. Дальше пространство расширялось, стены оврага раздавались в стороны, и ему не составило особого труда пробраться мимо жутких изваяний. Шершнев обошел их справа, где металлическая растительность была редкой и не принимала участия в нападении.

Именно сюда и попытался отползти сталкер.

Его ноги виднелись у поворота тропы. Шершнев осторожно приблизился.

Сталкер лежал лицом вниз. Его экипировка выглядела потрепанной, заскорузлой от грязи и крови. На ногах кандалы из прочного пластика. Пленный?

Майор осмотрелся. Опасности он не заметил, ближайший крупный механоид сканировался метрах в трехстах правее тропы.

Присев, он перевернул безвольное тело сталкера. Тот был без шлема. На голове запеклась кровь.

– Ну что там?

– Сталкер. Вроде жив, но без сознания. В оковах.

– Ладно, жди, спускаюсь к тебе, – судя по голосу, Упырь приободрился.

* * *

Пока торговец, убедившись, что ему ничего не угрожает, спускался по проторенному маршруту, Шершнев занялся сталкером.

Мнемотехник перед ним или нет, сказать трудно. У них на лбу ведь не написано, кто есть кто. Разве что по особенностям имплантов определить, но для этого у майора явно не хватало опыта. Зато оказать первую помощь избитому до полусмерти сталкеру он мог, чем и занялся без промедления и лишних сомнений.

Достав походную аптечку, он сделал инъекцию, затем в отсутствие комплексного медицинского сканера просто склонился над бессознательным телом, пальцем прощупывая пульс.

На тропе показался Упырь.

– Ты чем там занят? – окрикнул он Шершнева, перешагивая через тело первого наемника. – Биоником заделался?

– А тебе что?

– Делом займись, – веско обронил Упырь. – Экипировку с трупов сними, а с этим нечего возиться, только силы зря потратишь. Он идти точно не сможет, только обузой будет.

– Ты его знаешь?

– Корень это. Вольный мнемотехник. Тут, в Пустоши, обретается.

– Так что же теперь, бросим его умирать? – Иван, получив необходимую информацию, понял: действовать придется решительно.

– Я сказал: делом займись. – Упырь разозлился не на шутку. – Ишь, нашелся самаритянин!

– Сам трупы раздевай, если приспичило.

– Поговори у меня!

– Я в падальщики не нанимался! – отрезал Шершнев. Он уже сложил воедино несколько ключевых фактов. Мнемотехника надо спасать во что бы то ни стало. Наемники не просто так конвоировали его. Этот сталкер наверняка знает о них больше, чем все торговцы Пустоши, вместе взятые.

– Неправильный ты сталкер, Шершень. Выгоды в упор не видишь. Ну какой нам толк с полудохлого мнемотехника? Правильно, никакого, – по-своему расценил молчание Шершнева торговец. – А четыре комплекта экипировки на полмиллиона потянут!

– Федор Тимофеевич, ты бы заткнулся, пока тут одним трупом больше не стало.

Упырь насупился.

– Вот так, значит? Ну смотри, Шершень, я такие фокусы не прощаю. Хрен тебе, а не мое посредничество, понял? Нет, минуту, пожалуй, дам на размышление… – Он оценивающе взглянул на экипировку мертвых наемников. – Если одумаешься, так и быть… – Упырь обернулся и онемел на полуслове. Ствол ИПК смотрел ему прямо в лицо.

– Не зря тебя, Федор Тимофеевич, Упырем прозвали, – сквозь зубы выдавил Шершнев. – Тропу видишь? Вот и шагай по ней, пока я не передумал!

– Себе, значит, все решил прибрать?! – визгливо воскликнул Упырь. – Ну смотри, послушничек!.. Устрою я тебе торговлю трофеями! Нигде ничего не продашь, понял? Паршивого артефакта от тебя ни один перекупщик теперь не возьмет!

Угроза Шершнева не впечатлила.

– Я тебе в последний раз предлагаю: шагай, пока жив и здоров.

– Ну ты и тварь, Шершень!..

Одиночный выстрел выбил коническую воронку под ногами Упыря.

Тот побледнел, как лист бумаги, суетливо попятился, затем, встретившись взглядом с Шершневым, окончательно врубился, что шутки закончились, и, бочком-бочком прижимаясь к левому склону оврага, поспешил разминуться со свихнувшимся от жадности (как он считал) Шершнем.

– Урод! – раздался из-за поворота оврага его злобный выкрик. – Я тебе припомню! Все припомню!

Иван не отреагировал на угрозу.

Дышать легче стало. Ком, вставший в горле, он сглотнул. Пулю Упырь заслуживал однозначно, но пришлось сдержаться. Кто его знает, как настроен мью-фон торговца? Не исключено, что факт его смерти от рук сталкера по прозвищу Шершень будет автоматически транслирован в сеть, и тогда выполнение задания серьезно осложнится. Так или иначе, но для сбора информации ему придется контактировать с коренными обитателями отчужденных пространств, тут уж ничего не поделаешь. А Упырь свою пулю найдет, рано или поздно. Как бы ни деформировалась психология сталкеров под воздействием специфических условий выживания, понятия об элементарной справедливости все же, по мнению Шершнева, остаются незыблемыми, просто прячутся до поры где-то на донышке…

– Грамотно ты его отшил… – раздался слабый голос.

* * *

Иван обернулся.

Мнемотехник сидел, болезненно морщась. Левая рука висела плетью, правой он уцепился за ствол металлорастения.

Взгляд сталкера блуждал, не останавливаясь на чем-то конкретном.

– Что за дрянь ты мне ввел?

– Боевой стимулятор. – Шершнев присел подле него на корточки. – Как зовут-то тебя?

– Корнем кличут…

– А я Шершень. – Иван присел на корточки, рассматривая уродливую рану на запястье сталкера. – Ты мнемотехник? – Он задавал вопросы машинально, словно на экспресс-допросе.

– Ну да… Самоучка, правда… – Корень поморщился от боли. – Ногу сломали, твари… Накопитель имплантированный вырвали с мясом…

Шершнев покосился на тела боевиков синдиката.

– Ну, свое они получили сполна, – заметил он, освобождая ноги мнемотехника от пластиковых кандалов. – Что не поделил с наемниками?

– А скорг их знает… С недавних пор шныряют по округе, все что-то

выискивают. Убежище мое каким-то образом отыскали, твари. Вчера заявились, говорят: на нас теперь работать будешь.

– А ты?

– Послал их. Сроду ни на кого не работал и впредь не собираюсь.

– Далеко их логово?

– Прилично. Тут одна аномалия есть… – Корень, скрипнув зубами, попытался встать, но тут же рухнул, вновь потеряв сознание.

Рваная рана на его запястье все еще кровоточила.

Так он долго не протянет. Иван понимал: чтобы справиться с тяжелыми ранениями, сталкеру необходима ускоренная работа метаболического импланта, но тот бессилен помочь без источника энергии. У Шершнева был в запасе стандартный энергоблок, созданный в одном из военных институтов по технологии, заимствованной у скоргов.

Если поместить его в рану, посадить на торчащие из изуродованной плоти контакты, может, метаболический имплант мнемотехника вновь заработает?

«Рискованно, но попробовать стоит. Все равно хуже уже не сделаю».

Иван быстро достал энергоблок, примерил его к ране, затем, пользуясь бессознательным состоянием Корня, приладил его к контактам, с силой вдавил в изувеченную плоть.

Метод жестокий, но выбирать особо не приходилось.

Через пару минут мнемотехник застонал, очнулся.

* * *

– Ты бионик, что ли? – Корень с трудом присел, поморщился от боли, затем с удивлением взглянул на рану. – Что за дрянь?..

– Энергоблок.

– Вижу, что не кусок железа… Только заряда не чувствую… Расширитель сбоит…

– Извини, другого в запасе нет.

Корень перевел мутный взгляд на Ивана.

– Кто таков будешь?.. – спросил он, словно кратковременная потеря сознания лишила его памяти о событиях минутной давности.

– Шершень я. Забыл?

– Точно… Вспомнил… Так ты бионик?

– Нет. Бывший послушник Ордена. Недавно имплантирован.

– Сбежал?

– Ну да. Не прижился. Не люблю строем ходить.

– Во чудак. А сбежал-то зачем? В Ордене никого силой не

удерживают. Поговорил бы с Приором… – У мнемотехника явно произошел прилив сил, видно, накопитель все же отдал скудный запас энергии метаболическому импланту сталкера.

– Да занервничал я, – признался Иван. – Знаешь, после имплантации все по-другому воспринимается. Теперь жалею, что погорячился.

– Ну, твою проблему решить несложно. Есть у меня в Ордене связи. – Корень подавил стон. – Больно…

– Терпи. Сейчас место перелома зафиксирую, легче станет.

Пока Шершнев накладывал самодельную шину, мнемотехник лишь шумно сопел, стоически перенося боль.

– Готово. – Иван выпрямился. – Теперь убираться отсюда надо.

– Вопрос – куда? – Корень, опираясь на руку Ивана, с трудом встал на ноги. – Долго идти не смогу. Энергии в твоем накопителе – ноль. В форс-режим не перейти. – Он взглянул на свое запястье. – Странный энергоблок.

– Заряжать его надо.

– Ничего не вижу… – Корень пошатнулся. – Все как в тумане…

– Ты много крови потерял. Далеко до твоего убежища?

– Километра три… Но туда возвращаться нельзя… Лучше к Максу, в старое городище скоргов.

– Где это?

– Далеко. Километров десять. В направлении тамбура… – Корень с трудом сделал шаг, тяжело припадая на сломанную ногу.

Иван покачал головой.

«Здесь оставаться нельзя, – думал он. – Наемники наверняка начнут искать пропавшую группу. Десять километров пути Корень не осилит. И накопитель, как назло, оказался малоемким. Единственный вариант – двигаться к ближайшему энергополю. В его границах импланты мнемотехника смогут черпать достаточное количество энергии для перехода в форсированный режим, что приведет к быстрой регенерации тканей».

– Обопрись о мое плечо. Давай понемногу двигаться.

Корень навалился на него, с трудом удерживаясь на ногах.

– Ничего не вижу… Мью-фон вырубился…

– Терпи. Я тебя не брошу. Надо – на себе потащу.

– Странный ты, Шершень… – Голос мнемотехника звучал тихо, прерывисто. – Кто из сталкеров от денег откажется?.. К чему врагов себе наживаешь? Или у тебя свой счет к Упырю?

– Мразь он, – скупо ответил Шершнев, помогая Корню сделать первый шаг.

– И все?.. Так просто?.. – Мнемотехник стиснул зубы, сдерживая стон.

– Я недавно в пространствах. Не адаптировался к сталкерской психологии.

– Чувствуется… – Очередной шаг дался мнемотехнику легче, он постепенно приспосабливался. – На Баграмова ты чем-то похож…

– Кто такой? – насторожился Иван.

– Капитан спецназа. Бывший. Сейчас его многие знают по позывному «Аскет». Неужели в Ордене его не встречал?

– Нет. Слышал, конечно, о нем, но лично не знаком. – Шершнев действительно был наслышан о Баграмове, чья группа в пятьдесят первом преодолела Барьер, а затем загадочно исчезла в момент пульсации. А вот информация о том, что сталкер Аскет и легендарный капитан спецназа один и тот же человек, видимо, содержалась в тайне – доступные базы данных об этом факте умалчивали.

Корень тем временем оглянулся, недобро взглянул на застывшие фигуры наемников, еще видневшихся за плавным поворотом тропы, что-то пробурчал себе под нос.

– Пойдем, нельзя тут задерживаться.

– Сталтехов бы из них по-быстрому сделать. – Корень скрипнул зубами.

– Скорги сами разберутся.

– И то верно… Пошли…

* * *

Иван медленно, но верно адаптировался к новому восприятию реальности.

Низкорослые, стелящиеся вдоль земли металлокустарники по мере удаления от Барьера стали видоизменяться, принимая формы исполинских деревьев, и вскоре тропа механоидов углубилась в настоящий металлический лес.

Идти было сложно. Корень то терял сознание, то ненадолго приходил в себя. Шершнев взвалил его на плечи и нес, используя всю мощь встроенной в бронескафандр сервомускулатуры. Ориентировался Иван по ярким сигнатурам механических существ. Повышенная плотность «изделий техноса» указывала направление на ближайшее энергополе, являющееся для порождений механической эволюции чем-то вроде пастбища.

Он понимал, что сильно рискует, углубляясь в металлический лес, но иного выхода в сложившейся ситуации не находил. Для успешного

выполнения задания ему необходима информация о точном местоположении базы наемников. Даже если Корень не обладал нужными сведениями, он оставался лицом заинтересованным. Учитывая его несомненный опыт выживания в отчужденных пространствах, отличное знание Пустоши и впечатляющие способности мнемотехника, он автоматически становился неоценимым союзником для быстрых и эффективных поисков оборудованных Радичем лабораторий.

– Шершень… Где мы?.. – Хриплый голос сталкера нарушил ход мыслей Ивана.

– К энергополю иду. С разряженным накопителем тебе не выжить.

Корень судорожно закашлялся.

– Твоя правда… – прохрипел он. – Наемники… твари… что-то с расширителем сделали… Никак не сориентируюсь, где мы… И мью-фон молчит вглухую.

– Ты силы не трать. Разберешься, когда полегче станет.

Корень ничего не ответил, видно, опять вырубился.

Количество механических тварей по сфере эффективного сканирования тем временем возрастало. Тропа, на которую Иван возлагал все надежды, внезапно свернула в сторону, металлический лес становился все более плотным, теперь между отдельными автонами почти не оставалось просветов.

Шершнев остановился. Неподалеку он заметил возвышенность и свернул к ней, с трудом продираясь через подлесок, образованный различными металлокустарниками.

* * *

В границах энергополя, под покровом металлического леса, окруженные гиблыми чащобами затаились приземистые строения. Ангары, выполненные из активного пластика, окружал периметр защитных сооружений, воздух мерцал и переливался над ними под воздействием работы генераторов маскирующего поля. На территории базы росли металлические деревья нескольких редких видов, подлесок вокруг них был срезан лазерами, пространство между ангарами вымощено толстыми плитами из полимера.

Тщательно подрезанные кроны металлорастений не смыкались друг с другом, что позволяло небольшим глянцевито-черным вертолетам беспрепятственно совершать взлет и посадку.

У основания металлических деревьев, на специальных площадках располагались необычные конструкции. Их образовывали сотни побегов,

проросших сквозь отверстия, специально оставленные в пластиковых плитах. Переплетаясь между собой, гибкие металлические ростки создавали сетку трехмерного моделирования, но изделия, прикрепленные к «родительским» автонам, не обладали четкими завершенными формами, скорее они были похожи на результат неудавшихся экспериментов.

Периметр загадочного лагеря патрулировали наемники техносиндиката, облаченные в герметичную броню, выполненную из такого же материала, что и окружающие постройки.

Особняком от ангаров стоял сборный щитовой дом. Внутри он делился на пять комнат, обставленных пластиковой мебелью, – роскошь по меркам отчужденных пространств.

За рабочим столом, в небольшом помещении, условно именуемом «кабинет», сидел Станислав Радич.

Перед ним переминался с ноги на ногу здоровенный наемник.

– Зигмунд, две плохие новости в один день, не перебор ли? – нарушил звонкую тишину Радич. – Отвечай, не молчи!

Наемник шумно вздохнул. В его глазах прятались искорки яростного блеска, но взгляда он не поднимал.

– Мы еще не выяснили, что стало с грузом, – с трудом сдерживая эмоции, произнес он. – Местность прочесали.

– Ну? Что нашли?

– Только трупы. Произошла стычка между нашим отрядом и колонной военных. Контейнер исчез.

На щеках Радича выступили пунцовые пятна.

– Каким образом?! Его сопровождали десять лучших бойцов!

– Случайность. Наш маршрут проложен по краю аномалии, проверен множеством успешных доставок.

– Так что случилось на этот раз?!

– Судя по положению тел, стычка произошла внезапно. Бой привлек внимание механоидов. Контейнер не был разрушен, но его маяк не работает.

– Почему?

– Я предполагаю, что груз вывезли за пределы Барьера.

Радич побледнел.

– Кто?

– Выясняем. Мы обнаружили две подбитые БМД, самоходную платформу, поврежденную и застрявшую в автонах. Но есть следы третьей машины. Ее судьба пока неизвестна.

– Зачем военные сунулись к аномалии?

– Они выпускали «на волю» древнюю сельхозмашину, напичканную разной аппаратурой. Подобными исследованиями занимался институт кибернетики ВКС России, но, по моим сведениям, программу свернули из-за проблем с финансированием.

– А ты не подумал, что это нацеленная против нас акция, спланированная спецслужбами? Если программу исследований свернули, то за каким скоргом им транспортировать в Пустошь новые контрольные образцы?!

– Я задействовал наших людей за Барьером. Они все выяснят. Сельхозмашину уже осмотрели, на борту нет специального оборудования, только устройства, фиксирующие стадии захвата скоргами нового носителя.

– Ты даже не представляешь, какие у нас будут неприятности, если контейнер не отыщется в течение суток!

– Мы его ищем, – сжав зубы, ответил Зигмунд.

– Хорошо. Теперь о мнемотехнике. Его схватили?

– Нет. Собираю группу, чтобы осмотреть место гибели наших людей и начать поиски. Со сломанной ногой и вырванным накопителем он далеко не уйдет.

– Сам возглавишь поиск. – Радич гневно взглянул на Зигмунда. – Потерянным грузом я займусь лично. Все, свободен.

Оставшись один, Радич некоторое время мрачно размышлял, затем, коснувшись сенсора на панели связи, отдал два распоряжения:

– Анатолий, выясни, кто из военных сталкеров сопровождал колонну бронетехники. Рихан, временно приостанови программу исследований, пусть мнемотехники займутся всеми механоидами, находившимися в четырнадцатом секторе на момент исчезновения контейнера. Да, и сталтехов тоже! Кто-то из них наверняка зафиксировал развитие событий! Все. Жду результата!

Радич порывисто встал, подошел к окну.

Два небольших вертолета, вмещающих по пять человек, как раз поднялись в воздух и исчезли в мутной пелене, беснующейся за куполом защитного поля.

* * *

Упырь не ушел далеко от места схватки мнемотехника и наемников.

Он, как стервятник, ожидал поодаль, наблюдая, как этот придурок Шершень возится с загибающимся от смертельных ран и истощения Корнем.

Жадность – вот тот порок, что выел остатки души.

А ведь когда-то он был совсем другим.

«Был да весь выгорел…» – подумал торговец, присев на корточки, спрятавшись за валуном, откуда мог видеть все происходящее на тропе.

Устал он и озлобился. Много лет назад катастрофа в считаные дни сломала его, как ребенок ломает сухую хворостину о колено. Был когда-то Федор Тимофеевич, хирург местной больницы в Сосновом Бору, а потом весь закончился вдруг. Осенью 2051-го, когда мир сошел с ума, он еще пытался помогать людям, попавшим в ловушку аномальных пространств, а потом, увидев первого прокаженного, инфицированного скоргами человека, попробовал его спасти и…

Нет, лучше не вспоминать.

Испугался увиденного. Бросил умирающего, забился в какой-то стылый подвал, бродил по нему как неприкаянный, пока случайно не набрел на вход в старое убежище. Затворился в нем, жил без счета дней, не открывая, не реагируя на стуки, затыкал уши, чтоб не слышать, как снаружи умоляют впустить. Потерял все человеческое…

Потом успокоился понемногу. В убежище оказался запас еды, в основном консервы, сухпайки, вода.

С запасов и начал. Открылась у него необъяснимая жадность, будто в тело вдохнули иную сущность. Начал открывать на стук, выменивал на еду и воду необходимые вещи, затем спустя несколько месяцев после катастрофы с той стороны Барьера пришли первые ходоки.

Поговорил с ними. Понял – возврата к прежней жизни нет. Консервы, вода – это для отчужденных пространств ценность, а во Внешнем Мире после катастрофы хаос уже пошел на убыль, тех, кого из-за Барьера эвакуировали, больше, по словам ходоков, и не видел никто. Говорят, где-то в секретных госпиталях министерства обороны их держат. Зато сами ходоки оказались сговорчивыми. Предложили хорошую цену за никчемные для забившегося в подвал старика вещи, принесенные сталкерами. Обещали деньги, если добудет н-капсул. За деньги, сказали, можно назад вернуться. В обход блокпостов, без проверок, куда-нибудь в глубинку, там, где эхо катастроф только по телевизору, в новостях далеким отголоском прорывается.

Так и стал Упырем.

За лишнюю н-капсулу готов был спорить до хрипоты, за банку консервов – удавить.

Не вышло вырваться. Не отпустили его аномальные пространства.

Затянула торговля, как трясина. Вскоре обзавелся имплантами и уже

не помышлял ни о чем ином.

Вот и сейчас, как он мог уйти, бросив на тропе трофеи стоимостью в полмиллиона как минимум?

Говорят, что сталкерам деньги не нужны. Все равно ведь назад уже не вырваться. Чушь. Бредни. Имея деньги и связи, можно устроиться и тут.

Он умел терпеть. Особенно когда речь шла о деньгах. Пока беглый послушник проявлял милосердие, пытался помочь загибающемуся мнемотехнику, Упырь достал небольшой контейнер, взятый из тайника.

Внутри лежали несколько н-капсул, с виду обычные, ничем не примечательные, но торговец отдал за них целое состояние. Сам лично рискнул идти через пространства, чтобы забрать товар из схрона. А причина – Алмазный Мангуст. Легенда ходячая… Вкрапило в него во время пульсации и рывка через иное пространство загадочные, прозрачные, как слеза, камни. Тверже алмаза. Явно неземного происхождения.

Упырь мечтал завладеть ими. Чего только не пробовал, но Мангуст никак не хотел с жизнью расставаться, чтоб старика ублажить. Вот теперь посмотрим. Наномашины, запрограммированные мнемотехниками, работающими на синдикат, должны сработать.

Размышления Упыря прервал шум шагов.

Упертый этот Шершень. Гляди-ка, Корня на себе тащит. Убогий. Так и сгинут оба ни за грош.

Подождав, пока беглый послушник Ордена скроется за поворотом тропы, Упырь быстро вернулся к месту недавних событий.

Трое наемников по-прежнему стояли, будто изваяния, опутанные и пронзенные медными побегами.

А экипировка хороша, ничего не скажешь. Только слышал о такой – Упырь погладил черный глянец антискоргового покрытия, затем приступил к делу. Кровь и мертвецы его не смущали. «Дырочки мы заделаем, будет экипировка, как новенькая…» – думал он.

Торговец так увлекся мародерством, что не заметил, как в небесах промелькнула стремительная точка.

Вздрогнул лишь, когда из-за поворота тропы появился отряд наемников синдиката.

Упырь резко выпрямился, развернулся. Невзирая на скверную погоду, шлем он так и не надел, даже защитной дыхательной маской не воспользовался. Порывистый ветер, несущий частички серебристой пыли, трепал его седые космы.

Зигмунд, возглавлявший отряд, остановился.

– Упырь, ты рехнулся от жадности?! – резко спросил он, увидев

окровавленные, сваленные в груду элементы экипировки.

– Кому Упырь, а кому и Федор Тимофеевич! – моментально взъелся торговец. – Мой хабар! Так что можешь забирать своих мертвяков и вали отсюда!

– В сторону отойди, пока цел! – Зигмунд схватил торговца за плечо.

– Нехорошо поступаешь… – прошипел тот. – Кто нашел, того и добыча, любой сталкер это знает!

– Я не сталкер!

– Ты – «мотылек» недоделанный! – Упырь взъелся. – Хочешь, чтобы тут еще трупов добавилось?

– Старик, ты меня достал! Мне нет дела до ваших диких неписаных законов!

– А если я заплачу? – ухмыльнулся торговец.

– Чем?

– Ну хотя бы информацией. Ты ведь мнемотехника ищешь? Корня?

– Допустим.

– Если скажу, куда он пошел и кто ему помог – один комплект экипировки дашь?

– Говори!

– Корень без сознания, – ни секунды не колеблясь выпалил старик. – Он бы до сих пор тут валялся, да сталкер один ему помог. Шершнем кличут. Беглый послушник из Ордена. Он Корня на себе потащил. К ближайшему энергополю.

– Не врешь?

– Я за ними наблюдал. Ждал, пока уберутся.

Зигмунд взглянул на миниатюрный экран нанокомпа, закрепленного на запястье. Да, действительно, тропа уводила в «жестянку», к энергополю.

– Ну так что?

– Ничего. Наглый ты, Федор Тимофеевич. А я со стервятниками сделок не заключаю. В машину его! Будет в лагере помои выносить!

* * *

С вершины холма открывался необычный вид: широкая полоса металлического леса окаймляла целый квартал полуразрушенных высотных домов.

Корень несколько раз сглотнул, приходя в сознание.

– Пить… – слабо попросил он.

Иван поднес флягу к его губам, позволил сделать несколько глотков.

Мнемотехник с трудом привстал.

– Где мы?

Иван указал рукой на широкую полосу металлического леса.

– За ним энергополе, – пояснил он. – Только ума не приложу, как пройти через эти дебри?

– Что-то местность мне незнакома… – Корень, вытянув шею, осматривался. – На карте у тебя что-то подобное отмечено?

– Нет. В Пустоши вообще никогда высотной застройки не существовало.

– Значит, последней пульсацией принесло. Узел еще и не такое вытворяет…

– Тропы в ту сторону нет, сплошная чаща.

– Сейчас будет. – Корень привстал, хотя каждое движение доставляло ему адскую боль.

Внезапное чувство тревоги охватило Ивана. Он машинально вскинул ИПК, удерживая оружие одной рукой. Сервоусилители мускулатуры чутко отреагировали на напряжение мышц, ствол оружия переместился плавно, автоматически сработали дополнительные системы стабилизации: из запястья с ноющим звуком выдвинулись цепкие манипуляторы – теперь Шершнев мог открыть огонь с одной руки.

– Не дергайся! – резко осадил его Корень.

Энергетическая матрица крупного техномонстра появилась внезапно. Исчадие техноса двигалось у подножия холма, проламывая себе путь через «жестянку».

Мнемотехник напряженно следил за продвижением монстра. Сколько и без того скудных жизненных сил отнимало у него дистанционное воздействие на механическую тварь!

– Хорошо… Сейчас свернет…

Действительно, многотонное «изделие техноса» вдруг начало забирать правее, двигаясь в сторону квартала разрушенных высотных зданий.

Лицо мнемотехника побледнело, мелкие бисеринки пота выступили на лбу.

– Давай за ним… – наконец сипло выдавил Корень, – только не спеши. Держи дистанцию… – Его голос слабел.

Иван обернулся. Мнемотехник хоть и находился в сознании, но идти явно не мог, он и так отдал все силы, чтобы направить механоида в нужном направлении, заставить его продавливать узкую просеку в металлическом лесу.

Шершнев ввел сервомускулатуру в режим максимальной нагрузки,

взвалил сталкера к себе на плечи. Датчики уровня заряда батарей моментально сползли в желтую зону, но Шершнев рассчитывал, что по мере приближения к границе энергетической аномалии два артефактных накопителя, встроенные в его экипировку, начнут заряжаться.

Механоид тупо и прямолинейно двигался к окраинным руинам квартала многоэтажных зданий. Несколько минут он придерживался заданного мнемотехником направления, затем внезапно свернул в сторону.

– Корень? – Шершневу пришлось остановиться. – Ты живой?

Ответом послужило молчание. Глаза мнемотехника были открыты, но взгляд потускнел, утратил осмысленное выражение, тело обмякло.

Отрубился. Немудрено… Перехват управления над самым примитивным «изделием техноса» требовал от мнемотехников полной отдачи всех моральных и жизненных сил – это Шершнев усвоил еще при подготовке к заданию. Базовые сведения об отчужденных пространствах, их обитателях, специализациях сталкеров были закачаны ему в память при помощи уникального оборудования, разработанного в ходе изучения технических мутаций мью-фонной сети.

Он присел, осторожно освободился от сковывающего движения груза. На проложенной механоидом просеке расплющенные, спрессованные металлорастения образовывали твердый покров, разная механическая мелочь разбежалась, два «магнита», оказавшиеся на пути многотонного исчадия, но не сумевшие остановить его, сейчас усиленно поглощали обломки металлических ветвей, выдавая свое местоположение ясно читаемыми сигнатурами.

«Ловушки нетрудно обойти, просека широкая», – подумал майор, пристально наблюдая за механической тварью, которая, оставшись без контроля, начала рыскать из стороны в сторону.

«Метров пятьдесят не дотянул до руин», – с досадой подумал Иван. Прошло не так и много времени с того момента, как Шершнев пересек Барьер, но в его психике уже произошли явные изменения. Пристально наблюдая за обитателем металлических джунглей, он несколько раз мысленно назвал его «чугунком». Среди военных было принято именовать подобные создания не иначе как «изделиями техноса», но рассудок, адаптируясь к реальности, избирал краткие определения, почерпнутые из лексикона сталкеров.

«Его должно манить к себе энергополе, – продолжал размышлять Иван. – Почему механоид кружит в нерешительности? До руин ему осталось каких-то пятьдесят метров. Досадно». – Шершнев переключился на компьютерное зрение. «Жестянка» плотная, без лазера сквозь нее не

пройти. Датчики фиксировали до сотни разновидностей автонов, тесно переплетающихся между собой причудливо изогнутыми ветвями. Можно попытаться проложить путь плазменными гранатами, но это привлечет внимание. Не вариант.

Иван взглянул на мнемотехника. Совсем мужику плохо. Плоть вокруг раны, куда варварским способом был «имплантирован» энергоблок, посинела и вздулась.

Шершнев и сам оказался в незавидном положении. Аккумуляторы бронекостюма вот-вот исчерпают свой ресурс, нужно прорываться к энергополю, других вариантов нет. Вопрос: как преодолеть последние пятьдесят метров металлических зарослей и разминуться с механической тварью?

Ну что он мечется?

Шершнев мысленно переключил несколько режимов сканирования, пока не обнаружил причину нерешительности техномонстра. На границе энергополя в плотных зарослях автонов гнездилось полтора десятка различных ловушек. Хищные колонии скоргов тщательно маскировались, не проявляя активности до тех пор, пока потенциальная жертва не оказывалась поблизости.

Этим и объяснялось странное поведение механоида. Его действительно манило энергополе, но стоило «чугунку» свернуть к руинам, как на пути возникали жадные язычки энергогейзеров, и он тут же давал задний ход, сворачивал в сторону, пытаясь обойти препятствие, но безуспешно – справа и слева его поджидали не менее агрессивные противники, способные в отличие от успешно пройденных «магнитов» серьезно повредить массивного обитателя отчужденных пространств.

Следовало подстегнуть механическую тварь, заставить двигаться в нужном направлении. Корень справился бы с подобной задачей в два счета, но рассчитывать на содействие мнемотехника, увы, не приходилось. Иван, продолжая следить за механической тварью, продвинулся вперед по просеке, отыскал удобную позицию на небольшом пригорке и приготовился действовать.

Механоид как раз сместился вправо, вышел к краю созданной им же поляны, два энергогейзера оказались слева от него, впереди в зарослях ртутно поблескивали лужи расплавленной субстанции, нечто среднее между «топью» и веществом, которое вытекает из созревших н-капсул. Скорее всего там располагались неровности рельефа, возможно, старые воронки, до краев наполненные миллиардами нанороботов.

Правее в нетронутых зарослях автоны росли особенно густо, их стена

поднималась на высоту двадцати метров, а еще выше в воздухе парили различные предметы.

«Лестница в небо». Зона аномально низкой гравитации.

Туда механоида направлять нельзя, толку никакого. Взмоет вверх, затем, преодолев аномалию, просто грохнется на землю.

В вязкую серебристую топь тоже нежелательно. Неизвестно, выберется ли из нее массивный, неповоротливый «чугунок»?

Иван остановил выбор на двух энергогейзерах. Ловушки опасные, но и механоид крупный. «Прорвется. Шкуру ему, конечно, оплавит», – подумал Шершнев, тщательно целясь.

Короткая очередь ИПК хлестнула по броне техномонстра, он начал разворачиваться, и в этот миг Шершнев разрядил подствольный гранатомет, выпустив плазменную гранату с таким расчетом, чтобы ее разрыв не причинил критического ущерба механоиду, но ограничил свободу маневра.

Он правильно предугадал реакцию механической твари.

Адская температура плазменного разрыва заставила механоида мгновенно избрать меньшее из зол – он рванулся в узкое пространство между двумя энергетическими ловушками, двигаясь в направлении руин.

Иван едва не ослеп, не помогла даже автоматически сработавшая система поляризации забрала боевого шлема. Две магниево-белые вспышки ударили одновременно, за доли секунд превратившись в ревущие столбы пламени.

Подобного Шершневу наблюдать еще не приходилось. Извержение двух энергогейзеров затмило даже плазменную вспышку!

Механоид, источая багряное сияние, двигался к руинам, разряжая мелкие ловушки, проламывая широкую просеку в густо переплетающихся автонах.

Нестерпимое пламя угасло.

Шершнев, взвалив на плечи бессознательное тело Корня, поспешил вслед механической твари, рассчитывая проскочить через опасный участок, пока энергогейзеры не успели восполнить истраченный заряд.

* * *

К крайнему зданию квартала руин Иван добрался, задыхаясь от надрывного бега. Сервомускулатура боевой брони практически не работала, штатные источники питания окончательно «сдохли», а артефактные накопители еще не успели включиться в работу.

«Далеко не пойду», – решил он, сворачивая к подъезду ближайшей постройки. Граница энергополя пройдена, углубляться в руины нет смысла.

Выщербленные бетонные ступени уводили в сумрак.

На первом этаже здания когда-то располагались офисы. Иван оказался в длинном коридоре с множеством дверей, на которых сохранились таблички с названиями арендовавших помещения фирм.

Миновав будку охранника, он остановился.

Позиция негодная. С одной стороны щерятся выломанными створками дверей две шахты лифтов. По ним с верхних этажей запросто могут спуститься обитающие в здании механические твари. Вход в подъезд скрыт поворотом узкого коридора. Оттуда также может прийти опасность. Что впереди – неизвестно.

«Нет, тут останавливаться не стану, – решил Иван. – Отыщу помещение с одним окном, его и оборонять легче, и путь отхода на случай непредвиденных обстоятельств будет».

Пошатываясь под тяжестью грузного тела мнемотехника, он направился к ближайшей двери.

Открыв ее, Шершнев заглянул внутрь. Не вариант. Три окна, смежные помещения, многовато вероятных направлений, с которых возможна внезапная атака.

Он попятился, выходя назад в коридор.

В полумраке тускло светились лужицы фрича, кое-где виднелись трещины в стенах, открытые двери вели в разгромленные помещения.

Тишина звенела. Следы искажений виднелись повсюду, именно они исподволь давили на психику, постоянно напоминая: это здание, как и все окрестные постройки, появилось тут в результате катастрофического явления – пульсации. Процесс, протекающий на уровне звездных энергий, связанный с катастрофической деформацией пространства и времени, до сих пор находился выше понимания современной науки, считался необъяснимым.

Сталкеры решали проблему достаточно просто. Они не пытались найти объяснение аномальным явлениям, принимая условия выживания на уровне данности. Лишь немногие из попавших сюда ученых всерьез занимались поиском истины, рисковали жизнями ради получения знаний…

Шершнев с возрастающим напряжением вглядывался в сумрак.

Каждый шаг, вздох, движение давались ему ценой огромных усилий. Сила воли, собранная в кулак, гасила эмоции, загоняя их в глубину сознания.

Восприятие реальности временами граничило с мистикой – чувством, вступающим в губительное противоречие с привычным образом мышления. Гулкие этажи здания, пропитанные ощущением исходящей

отовсюду смертельной опасности, казались живыми, словно таинственные силы наделили искаженные стены способностью воспринимать человеческое присутствие…

Мысли Шершнева были недалеки от истины.

Миллиарды наномашинных комплексов, созданные людьми, но радикально изменившиеся в результате взрывообразной эволюции техноса, таились повсюду, их колонии скрывались в стенах, полу, перекрытиях – серебристые разводы, похожие на узоры металлического инея, проступали сквозь трещины; тонкие нити, натянутые в струны, пересекали помещения; побеги металлокустарников пластались под просевшим потолком, тянулись к поломанным, хаотично разбросанным предметам, исчезали внутри давно не работающих кибернетических устройств и бытовых приборов.

Ствол импульсного пулемета плавно перемещался, контролируя коридор, заглядывая в разгромленные офисные помещения, но Иван уже достаточно пережил, чтобы усвоить: оружие в руках больше не является гарантом безопасности, оно годится при внезапном появлении крупных механических форм, при стычке с другими сталкерами, но бессильно в случае атаки микроскопических порождений эволюционирующего техноса…

– Осторожнее! – Хриплый голос мнемотехника резко прозвучал в настороженной, гулкой тишине полуразрушенного здания, ударил по нервам, оборвал мысли.

– Тише ты!.. – Иван невольно вздрогнул от неожиданности.

– В «зелень» не вляпайся! – Взгляд мнемотехника указал на лужи фрича.

Иван осторожно усадил Корня у стены.

– Вижу, не слепой. – От усталости Шершнев постепенно терял самообладание. – Потерпи немного. Мы уже в границе энергополя. Посиди пока тут, я помещения осмотрю.

Корень ничего не ответил.

Иван прошел вперед, заглянул в проем очередной двери.

Небольшой офис выглядел почти нетронутым. Мебель каким-то немыслимым образом устояла на местах, единственное окно закрыто, в нем даже стеклопакет не треснул, на стенах и потолке нет следов металлической растительности.

– Ну? Что там? – вновь раздался хрипловатый голос Корня.

– Да вроде нормально. Сейчас вернусь за тобой. Отлежишься, я подежурю.

– А что в твоем понятии «нормально»? – морщась от вернувшейся

вместе с сознанием боли, спросил мнемотехник.

– Ну, помещение нетронутое. Мебель на местах. Серебристой дряни нигде не видно.

– Чему тебя только в Ордене учили? – в голосе Корня прозвучала досада. – Убирайся оттуда, живо!

– А что такое? – Шершнев попятился, вновь оказавшись в коридоре.

– Мебель на местах – это ненормально, запомни! – Корень с трудом привстал, придерживаясь рукой за стену, заглянул в ближайший дверной проем. – Иди сюда.

Иван не стал спорить.

– Помоги доковылять. Здесь переждем. – Мнемотехник указал на небольшой пятачок свободного пространства среди нагромождения поломанной мебели и разбитой аппаратуры. – Пару часов еще выдержишь?

Шершнев кивнул. Он не понимал критериев выбора безопасного места, но пока от вопросов воздержался.

– Следи за обстановкой, не расслабляйся. – Корень тяжело опустился на пол. – Энергии тут хватает, за пару часов метаболический имплант справится с переломом и ранами, – уверенно заявил он. – Меня вырубит, так что смотри не усни.

– Ладно. – Шершнев занял позицию у дверного проема.

* * *

Корень скорчился на полу, затих, Иван же не находил себе места.

То чудились крадущиеся шаги в пустом полутемном коридоре, то вдруг за перекошенным окном раздавался рвущий по нервам пронзительный скрежет, затем все стихало, только вой ветра нагонял унылые мрачные мысли.

Задание, поначалу казавшееся вполне заурядным, укладывающимся в короткую формулировку «найти и уничтожить», теперь представлялось Ивану далеко не таким простым.

Нет, отступать он не собирался. Просто заставил себя трезво оценить обстановку. Если еще вчера отчужденное пространство Пустоши представлялось ему не более чем эпицентром давно отгремевшей техногенной катастрофы, то теперь он понимал: здесь катастрофа не завершилась… В голову приходили простые сравнения: одно дело пройти по старой гари и совершенно другое – забрести на территорию тлеющего торфяника, где подземный огонь не угас и каждый шаг может стать последним.

…На улице послышался царапнувший по нервам звук.

Быстро переместившись к окну, Иван затаился, ожидая, пока расширитель сознания уберет помехи.

Снаружи подвывал ветер, плутал между зданий, кружил смерчами на перекрестках улиц. Видимость оставалась скверной, но сканеры все же отследили в мятущейся мгле фигуры идущих след в след наемников. Иван с уверенностью опознал характерные бронекостюмы, покрытые глянцевитым слоем активного пластика.

Сканирование частот М-связи результата не дало. Наемники двигались молча. Одинакового роста и комплекции, они теряли всякую индивидуальность, словно являлись клонами.

У перекрестка группа остановилась.

Чего ждут?

Иван обернулся. Корень по-прежнему лежал на полу, скорчившись в болезненной позе. По его телу пробегали судороги. Рана на запястье уже не кровоточила, на коже появился серебристый блеск. Организм сталкера сросся с энергоблоком, закрепив его тончайшими серебристыми нитями, пронзающими плоть.

Выживет ли?

Вдали зародился рокот, затем над серыми контурами руин появилась темная точка.

Объект находился вне сферы эффективного сканирования, и в первый миг Иван ощутил острое чувство тревоги. «Неужели «дракон» – боевой вертолет, захваченный и модернизированный техносом?!» – промелькнула мысль. Встреча с подобными исчадиями технической эволюции сулила серьезные проблемы, но… на этот раз обошлось.

Темная точка стремительно выросла в размерах, материализуясь в форме легкого, собранного из композитных материалов многоцелевого вертолета. К «изделиям техноса» он не имел ни малейшего отношения. Подобные машины появились недавно, в их конструкции не использовался металл, бортовой компьютер, насколько знал Шершнев, был выполнен на базе оптических процессоров. Баснословно дорогой аппарат, идеально защищенный от скоргов, одна из последних засекреченных разработок европейской корпорации «NFS».

Вот, значит, куда тянутся ниточки, управляющие местным подразделением техносиндиката… Иван принял на заметку полученную информацию, хотя она нуждалась в тщательной проверке, машину ведь могли купить у корпорации…

Так или иначе, идеально адаптированный к условиям отчужденных пространств вертолет, практически неуловимый для большинства

сканирующих систем, совершил успешную посадку на перекрестке, высадил еще четверых наемников, затем вновь взмыл вверх и стремительно исчез за серой пеленой зарядившего дождя.

Объединившись, боевики синдиката скрылись в тени зданий. Их экипировка намного превосходила общеармейские образцы, антискорговое покрытие обладало такими же маскирующими свойствами, как и броня исчезнувшего во мгле вертолета.

Расширитель сознания не фиксировал их энергоматриц, хотя наемники в данный момент находились внутри хорошо сохранившегося высотного здания, на другой стороне перекрестка.

Их действия Шершнев предугадывал достаточно легко. Наемники все же отличались поведением от сталкеров. Неимплантированные, а значит, и не претерпевшие серьезных деформаций сознания наемные убийцы из Внешнего Мира наверняка использовали арсенал хорошо знакомых тактических приемов.

Почему они появились тут? Зачем запросили подкрепление?

Ответ напрашивался сам собой. Они искали беглого мнемотехника. Причем действовали не наобум, кто-то подсказал им направление поисков. Наверняка Упырь. Подсуетился, сволочь мстительная…

Как только они заметят тропу, проложенную механоидом, круг их поисков резко сузится. Квартал руин оцепят, для мобильной переброски отрядов у синдиката есть превосходные транспортные средства.

Нужно немедленно уходить. Иван обернулся. Корень по-прежнему находился в бессознательном состоянии, конвульсии прекратились, но хороший это знак или плохой, оставалось только гадать.

Нести на себе – не выход. Нужно отвлечь наемников, увести их по ложному следу. В руинах произвести отвлекающий маневр достаточно легко. «Обойду здание, чтобы оттянуть преследователей к противоположной окраине энергополя. Если удастся, выведу их на группу механоидов, а сам вернусь сюда. Пока разбираются – Корень успеет прийти в себя». Иных вариантов Шершнев не видел. Если чуть промедлить, ловушка захлопнется.

* * *

Мгла клубилась над перекрестком.

Шершнев прошел сквозь первые этажи зданий, используя проломы в стенах, затем короткой перебежкой преодолел улицу, проскочил в проем выбитой витрины, заметил лестницу, ведущую из помещения магазина на второй этаж, метнулся к ней, взбежал по ступеням.

Мебельный салон.

В сумраке выставленные в зале образцы напоминали экспонаты из прошлого. Закопченные, кое-где оплавленные, затронутые пульсациями, они порождали жуткое ощущение, что цивилизация уже погибла, а Внешний Мир лишь иллюзия из прошлого. Иван вновь испытал чувство глобального одиночества, но оно тут же исчезло, стоило лишь проскользнуть к выбитому панорамному окну, припасть на колено под прикрытием выцветшего рекламного щита.

Наемники.

Он заметил троих в здании напротив. Боевики синдиката вышли на уцелевший балкон, двое стали подниматься по ржавой пожарной лестнице, третий остался прикрывать их.

Ясно. Этих отправили на верхние этажи в качестве наблюдателей и снайперов. Остальные ждут их сигнала, чтобы приступить к прочесыванию улицы.

Шершнев откинул сошки ИПК, сместил вариатор темпа стрельбы.

Положить бы всех одной очередью, да нельзя. Он тщательно прицелился, дважды выжал спуск.

Выстрелы прозвучали сухо, отчетливо. На короткой дистанции огня заряд крупнокалиберного импульсного пулемета способен разнести в щебень бетонный блок полуметровой толщины, наемников не спасла броня, у них вообще не оставалось шансов. Двое умерли мгновенно, канув в клубящуюся мглу вместе с обломками покореженного фрагмента пожарной лестницы, на стене остались лишь кровавые брызги. Третий, сбитый с ног ударной волной, все же удержался, уцепившись руками за ржавые перила балкона. Иван отчетливо видел, как сервоусилители мускулатуры выпустили дополнительные механические манипуляторы, помогая наемнику вскарабкаться назад.

Чип мью-фона передавал лишь сдавленное участившееся дыхание.

«Нет. Ты должен меня заметить!..»

Выстрел. Из стены здания выметнуло фонтан раскаленной бетонной крошки. В ответ снизу ударила очередь, пули пробили рекламный щит, наискось вспороли потолок, мгновенно затопив помещение облаком белесой пыли.

Сработало… Заметили…

Иван огрызнулся несколькими выстрелами, затем метнулся в глубь здания. Теперь он не сомневался, что наемники последуют за ним.

Оставалось увести их как можно дальше, а затем, оторвавшись от преследования, вернуться к перекрестку. По большому счету – задача

несложная.

Майор Шершнев не учел одного: он находился в аномальном пространстве, где элементарное действие чаще всего оборачивается цепью непредсказуемых событий.

* * *

Большинство зданий в центральной части квартала выглядели неповрежденными, многие даже сохранили стекла. Шершнев быстро перемещался вдоль витрины расположенного на первом этаже универсального магазина, мысленно поражаясь происходящему. Ему казалось, что руины простираются всего на пару сотен метров, но он все бежал, изредка обозначая выстрелами свое местоположение, чтобы наемники не сбились со следа, а квартал перед ним растягивался, будто резиновый.

Большинство сталкеров в ответ на парадоксальное явление просто пожали бы плечами. Выходки аномального пространства. Что тут еще скажешь?

«Пора уже отрываться от преследования», – решил Шершнев, заглядывая в сумеречное пространство магазина сквозь припорошенное пылью витринное окно. Удобный момент, чтобы свернуть с маршрута, запутать следы.

Внутри торгового зала царил беспорядок. Роботизированные контрольно-кассовые машины разбиты, турникеты сломаны, большинство стеллажей перевернуто, понятно, что тут не обошлось без участия мародерствующей толпы, но как давно произошли события?

«Сталкеры вынесли бы все, подчистую, – подумал Иван, – ведь продукты питания и предметы первой необходимости являются в отчужденных пространствах наиболее востребованным, дефицитным товаром». Он шагнул в проем распахнутых дверей. Тусклый свет проникал с улицы, озаряя лишь небольшой фрагмент торгового зала, в пределах пяти-шести метров от входа. Дальше очертания предметов терялись в плотном мраке, рассмотреть, что расположено у дальних стен огромного помещения, не позволяли даже сканеры.

Странно. Расширитель сознания сбоит или что-то блокирует работу датчиков?

Ни металлорастений, ни пятен серебристой субстанции Иван не заметил. Магазин разграблен, странно, что сюда не проникли вездесущие скорги, ведь вокруг – абсолютное царство техноса.

Шершнев шагнул в сумрак, и снова его сопровождало необычное

явление: пятно света как будто переместилось вместе с ним, выхватив из мрака новые подробности окружающего.

Взгляд Ивана скользнул по полкам. На одной из них он заметил плотный ряд запыленных пластиковых бутылок с минеральной водой.

Пить захотелось нестерпимо. Рука сама потянулась к литровой емкости с драгоценной влагой. Взяв бутылку, он взглянул на название продукта. Странно. Незнакомая иностранная марка. Откуда бы появиться на прилавке иностранному продукту с этикеткой без обязательного перевода? Да и в условиях мирового продовольственного кризиса Россия давно не импортирует продукты из-за рубежа, тем более – воду.

В памяти вдруг шевельнулось далекое, тревожное воспоминание.

…Свет полуденного солнца прорывался сквозь плотные клубы пыли, играл оттенками зловещего багрянца, превращая улицы небольшого городка в сюрреалистическое пространство, где полыхал затянувшийся бой.

Мирные жители прятались по подвалам и убежищам, пока два взвода ООН пытались зачистить населенный пункт от мародеров, вторгшихся со стороны пустыни.

Выщербленные пулями стены, дымящиеся воронки, выбитые дверные проемы, языки пламени, вырывающиеся из окон, – все это явственно предстало перед глазами, как будто происходило здесь и сейчас…

Он уже не осознавал, где закончилась реальность и начались материализованные воспоминания.

…Лейтенанта Шершнева пошатывало от усталости. После контузии в голове стоял звон, губы потрескались от жажды, кровь засохла на правой щеке, система терморегуляции полевой формы, поврежденная осколками близкого гранатного разрыва, работала со сбоями, уже не спасая от жары, пыль скрипела на зубах, драла глотку.

Когда это происходило? Лет пятнадцать назад? Да в самом начале «продовольственных войн», охвативших Африканский континент…

«Проклятье… Где же я нахожусь?»

Шершнев резко обернулся. Моментальный взгляд на другую сторону улицы сквозь толстое, запыленное витринное стекло подтвердил промелькнувшую догадку. Подсвеченная багрянцем мгла, клубящаяся над перекрестком, где только что рухнуло несколько этажей здания, медленно поглощала пространство улицы, вспышки выстрелов рвали сумрак, в коммуникаторе звучали короткие отрывистые команды – взвод, преодолевая упорное сопротивление захвативших город боевиков, вязко, медленно зачищал улицу, выбивая мародеров из зданий, выдавливая их к

окраине распластавшегося в руинах североафриканского курорта.

Жутко хотелось пить.

Потрескавшиеся губы не сразу поймали горлышко пластиковой бутылки с водой…

Этого не может быть! Мысль резанула по нервам, морок воспоминаний начал таять, но слишком поздно. Не было никакого города. Вокруг возвышались древовидные металлорастения, их кроны, усеянные н-капсулами, смыкались над головой, холодный зеленоватый свет метался между ветвями автонов. Шершнев с леденящим душу ужасом понял, что стоит в чаще «жестянки», сжимая в руке горсть раздавленных металлических плодов. Ртутная жидкость текла между пальцами, капала на экипировку, безобразной кляксой растеклась по проекционному забралу боевого шлема.

Все только что увиденное, пережитое являлось иллюзией, бесконечный город был построен на основе фрагмента воспоминаний, выхваченного из его памяти.

Он резко обернулся.

Кто играет с сознанием, выдергивая из него фрагменты прошлого?

Брезгливо стряхнув с пальцев вязкую серебристую субстанцию, он вновь испытал леденящий ужас. Размазанное по бронепластиковому забралу пятно разрасталось, от него начали отделяться тонкие, изгибающиеся, стремительно растущие металлические волокна, они переметнулись на затылок, шею, плечи, словно липкая паутина, сковали движения. Шершнев рефлекторно попытался освободиться, но сервоусилители брони не ответили на напряжение мышц, обратная связь с системами экипировки оборвалась.

Отчаяние вмиг захлестнуло рассудок.

Взгляд не находил спасения. Вокруг простирались металлические дебри, земля под ногами шевелилась от множества мелких механических существ, холодные отсветы пульсирующей аномальной энергии, искажающие реальность, медленно плыли в воздухе.

Он в неимоверном усилии попытался вырваться, сделать хотя бы шаг, но металлическая паутина уже полностью спеленала его в тугой кокон.

Сканеры еще работали, но расширитель сознания выстраивал на их показаниях дикую, фрагментированную картину окружающего – Шершнев, словно кукла, повалился на землю, успев заметить, как от металлических зарослей отделились низкорослые человекоподобные фигуры.

Пустошь. База наемников синдиката…

Близился вечер, когда из мглы появились два вертолета. Пилоты отлично ориентировались на местности, машины одна за другой уверенно пошли на посадку, пересекая незримый купол энергетического поля. Казалось, что они снижаются прямо на кроны металлических деревьев, но метрах в двадцати над землей обе машины просто исчезли, словно их поглотило иное пространство.

На самом деле они исчезли за пологом маскирующего поля.

Над базой переливался холодный бледный свет. Купол защиты поддерживался постоянно, не давая скоргам проникнуть на территорию основательно оборудованного лагеря.

Вертолеты совершили посадку. Из первого четверо наемников выгрузили двухметровую капсулу, похожую на кокон, сотканный из тончайших серебристых нитей.

В воротах ближайшего ангара распахнулась калитка, группа из десяти человек направилась к доставленному грузу. Двое несли оборудование, остальные были вооружены баллонами, содержащими белесое пенящееся вещество, которое они тут же принялись наносить на серебристый кокон.

Плотно переплетенные металлические нити не выдержали соприкосновения с распыленным на них химикатом, они на глазах теряли прочность, превращаясь в ртутные лужицы.

Из ангара появился еще один человек, без шлема и бронеэкипировки.

– Что тут у нас? – Он подошел ближе, заинтересованно взглянул на сталкера, которого высвобождали из металлизированного кокона. – Мнемотехник? Тот самый?

– Нет. Мы обыскали руины на границе энергополя, но безрезультатно. Он ускользнул.

– Кого же вы приволокли?

– Он отвлек нас. Увел в глубь аномалии. Там угодил в «путанку».

– А мнемотехник?

– Сейчас вторая группа заново прочесывает руины.

– Ладно. Посмотрим, что он за птица. Подключите к экспериментальному комплексу, я позже сам займусь им.

В этот момент из второго вертолета на землю вытолкнули старика со связанными за спиной руками.

– Ба!.. Да это же Упырь! – Радич хищно оскалился. – Зигмунд, за каким бесом ты приволок на базу это отродье?

– Взял его на месте гибели группы, конвоировавшей мнемотехника. Пытался поживиться на трупах, стервятник.

Упырь, не вставая с земли, повернул голову. В его глазах промелькнул

огонек надежды.

– Радич! – прохрипел он. – Твои недоумки слишком много на себя берут!

– Это ты жадный кретин. – Станислав подошел ближе, прижал голову торговца рифленой подошвой ботинка.

– Мы с тобой деловые партнеры… – прохрипел Упырь.

– Были партнерами, – с издевкой уточнил Радич. – Отсюда никто из сталкеров уже не возвращается.

– На что я тебе сдался? Какая от меня польза? Все равно сбегу, – зло сверкнул глазами торговец.

Зигмунд криво усмехнулся, подойдя ближе.

– Не сбежишь, – произнес он. – Мы находимся в центре огромной аномалии, вокруг металлический лес. На помощь не рассчитывай, так что выкинь из головы всю дурь, если жить хочешь. А работа для тебя найдется. Здесь, к сожалению, невозможно использовать бытовую технику, а многие обитатели базы привыкли к комфорту, «цивилизации». Сами за собой убирать брезгуют, машины им подавай. Короче, мне от их нытья спасения нет. Не выдержу, убью кого-нибудь. Ты, главное, веди себя тихо. Может, и выживешь.

Радич, наблюдая за спектаклем, поманил к себе одного из наемников:

– Стас, вот тебе Зигмунд рабочую силу нашел. Забирай.

Упыря он давно собирался прижать. Слишком хитер, изворотлив, много знает и беззастенчиво торгует информацией направо и налево.

«Одной проблемой меньше, – подумал он, глядя, как торговца пинками заставили встать. – Если б еще найти исчезнувший контейнер да прибить сбежавшего мнемотехника. Ну это дело времени».

А что будет, если не найду?

Радич задумался, затем в его взгляде промелькнула зловещая искорка.

Сегодня, разговаривая с «боссами», он получил недвусмысленное предупреждение о последствиях пропажи бесценного груза.

«Интересно, как они собираются исполнить свои угрозы? Наберут отморозков, чтобы меня убрать? Ну это, как говорится, «вилами по воде писано». Радич никогда не отказывался от своих славянских корней, жизнь на Западе не отучила его мыслить на родном языке.

Он холодно осмотрелся вокруг.

Различные экспериментальные «изделия», выращиваемые тут, приносят баснословный доход, но возня с мнемотехниками уже стала неинтересной. Радич мыслил иными категориями. Его извращенный ум вынашивал апокалипсические проекты, не учитывающие интересы

спонсоров.

– Зигмунд?

– На связи.

– Что с информацией по грузу? Механоидов отловили?

– В процессе. Но некоторые данные уже получены. В колонне было три боевые машины. Одна из них возвращалась на место схватки. Думаю, наш груз уже за Барьером.

Радич нахмурился. Понятно, почему не работает маяк. Он выполнен на основе колонии скоргов, а они, как известно, отключаются за границей аномальных пространств. Устанавливать двойную систему не было смысла, хотя сейчас она определенно пригодилась бы.

Ну что теперь сожалеть? Нужно понять, как извлечь максимум пользы из случившегося.

Ответить угрозой на угрозу, ударом на удар, чтобы спонсоры особо не зарывались?

Да, такой ход определенно нравился Станиславу, был в его духе. Пусть Внешний Мир содрогнется. Корпорациям наглядный урок пойдет на пользу.

«Две недели. Что ж. Я умею ждать. К тому же эксперимент, проведенный на грани фола, придаст новый импульс исследованиям». Именно тем исследованиям, которые всегда интересовали Радича, но не вписывались в планы финансирующих его промышленных групп.

Решено.

– Зигмунд, отзови наших бойцов. Мы и так потеряли много людей.

– А контейнер?

– Ты прав, раз маяк молчит, он уже за пределами отчужденного пространства.

– Попал в руки военных?

– Не думаю. Я подключен к спутникам «Блаккет». Они контролируют периметр Барьера. Никакой суеты не наблюдается. Либо груз кто-то припрятал, либо военные не смогли вскрыть кофр и не знают, что именно заключено внутри.

– Но тогда его могут без лишнего шума транспортировать на какую-нибудь военную базу!

– Пусть. Им же хуже. Сам знаешь, что произойдет.

– Хочешь совершить теракт?

– Я? – Радич усмехнулся. – Я тут ни при чем. Мы не планировали транспортировать контейнер за Барьер. Но, согласись, ведь любопытно, что из этого выйдет.

Глава 4

Пустошь. Окрестности «тамбура»

Накрапывал дождь. Небо над Пустошью хмурилось, в районе конических сопок извергались клубы пара. Там, где небесная влага встречалась с подземным огнем непрекращающихся извержений, слышались громкое шипение, потрескивание, глухие взрывы, сливающиеся в монотонный гул.

Заросли металлорастений обрывались на границе лавовых полей. Дальше, меж замысловатой сетки огнедышащих разломов, ютились лишь редкие островки серебристой поросли да возвышались покрытые окислами строения техноса.

Корень остановился. Расширитель сознания медленно прорисовывал детали окружающей обстановки. Он чувствовал себя совершенно обессилевшим, хотелось лечь и лежать, прекратив изматывающую борьбу, но инстинкты сталкера, выработанные годами лишений, не давали смириться, заставляли искать крохи жизненных сил и вновь идти, удерживая взглядом найденные ориентиры.

Метаболический имплант пережигал последние ресурсы истощенного организма, накопитель энергии, вживленный в рану спасшим его сталкером, оказался малоемким, да и заряжался очень медленно.

«И зачем Шершня понесло в «Призрачный Город»? – Тяжелые, обрывочные мысли помогали мнемотехнику преодолевать сумеречное состояние рассудка. – Неужели он не знал об одной из наиболее опасных аномалий Пустоши? Сам сгинул и меня чуть не угробил». – Корень вновь остановился, заметив мостик, перекинутый через огнедышащий разлом. На вид хлипкий, ненадежный, роняющий расплав серебристых капель в бездонную пропасть. Никто из здравомыслящих сталкеров не решится переправляться через трещину столь рискованным способом, да и нет по ту сторону ничего интересного: очередной островок, покрытый шлаком и вулканическим пеплом почвы, окутанный дымкой ядовитых испарений. Сквозь пелену желтоватого марева смутно проглядывали очертания припорошенного пеплом остова бронезавра. Его некогда серебристая броня давно покрылась шелушащейся коростой, в корпусе зияли оплавленные дыры – огромного механоида подбили пару лет назад, и с тех пор он врастал в вулканическую почву, постепенно разрушаясь.

«Еще немного…» – мысленно приободрил себя мнемотехник,

направляясь к шаткой переправе.

Ноги по щиколотку тонули в пепле. Из трещины в десятке метров от обветшалого строения техноса внезапно вырвался гейзер раскаленной магмы, земля конвульсивно содрогнулась, несколько шлаковых бомб обрушились на соседний островок, одна угодила в остов бронезавра, рассыпалась источающими жар обломками. В красноватом сиянии стало отчетливо видно, как по безжизненному островку ползут камнееды – похожие на черепах порождения технической эволюции, медлительные, неагрессивные, питающиеся продуктами извержений и потому неопасные.

Мост, перекинутый через глубокий разлом земной коры, не являлся творением рук человеческих. Несколько лет назад в пространстве Пустоши появился новый, неизвестный ранее вид эволюционировавших скоргов. Колонии наномашин начали стремительное развитие в богатых энергополями и металлами регионах, возводя так называемые городища – огромные, похожие на термитники постройки.

С тех пор архитектура техноса стала своеобразной визитной карточкой Пустоши. Скорги видоизменяли металлорастения, создавая из них сотни различных строений, истинное предназначение которых до сих пор оставалось загадкой. Городища и «засеки» соединяла между собой запутанная структура надземных коммуникаций. Кроме того, в недрах отчужденного пространства исчадия техноса прорыли сотни километров разветвленных тоннелей.

Затем эволюционировавшие колонии нанороботов неожиданно выродились, оставив после себя загадочные постройки. Сейчас многие из созданных ими укреплений понемногу обживали сталкеры, коммуникации же ветшали, постепенно приходя в негодность, зарастая «жестянкой»…

Мостик, изгибающийся над трещиной, привел обессилевшего мнемотехника на небольшой островок, окруженный со всех сторон источающими жар разломами земной коры.

Он осмотрелся, затем осторожно приблизился к краю пропасти, там, где куст покрытого окислами металлического растения свивал ветви в условном знаке.

Далеко внизу вздувалась волдырями кипящая лава.

Добрался… Корень с облегчением выдохнул, заметив старый бетонный лестничный марш, частично «вкрапленный» пульсацией в отвесную стену огнедышащего разлома.

Мало кто рискнет ступить на искаженные ступени без перил, но истощенный мнемотехник, собрав последние силы, тяжело припадая на правую ногу, все же начал спуск.

Шаг. Еще шаг…

Он прижимался к отвесной стене, дрожащими от напряжения пальцами цеплялся за ее неровности, пока не преодолел десять ступеней.

Жаростойкая дверь открывалась наружу, не следовало забывать об этом.

Условный стук прозвучал глухо, но мнемотехник был уверен, что его услышат. Прошло немного времени, и дверь вдруг резко распахнулась. Тому, кто явился сюда с дурными намерениями, грозило неминуемое падение в бездну. Бежать некуда, лестничный марш вибрирует, снизу рвется жар, сверху видна лишь кромка обрыва, трудно сохранить самообладание и равновесие, но Корень знал о ловушке и заранее отступил на пару ступеней вверх, прижался к стене.

– Заходи, – раздался знакомый голос.

Корень стоически дождался, пока массивная термостойкая дверь щелкнет фиксаторами, и только тогда преодолел две последние ступени, шагнул в тесный переходной тамбур.

Внутренняя дверь скользнула вертикально вверх.

Добрался…

Он переступил порог, оказавшись в низком сводчатом зале.

Сильная рука хозяина поддержала его, помогла сохранить равновесие.

– Скверно выглядишь. – Аскет никогда не задавал лишних вопросов. Он окинул мнемотехника пристальным взглядом и добавил: – Снимай экипировку, сейчас тебя осмотрю.

Корень кивнул, хотел что-то ответить, но не смог – силы окончательно покинули его.

Аскет успел подхватить внезапно обмякшее тело сталкера, не дал ему упасть.

– Дарлинг! – не оборачиваясь, позвал он. – Помоги.

В глубине бункера зажегся свет, выхватив из сумрака фигуру девушки.

Пустошь. Двое суток спустя…

– Ну рассказывай, что случилось? – Аскет уселся в кресло, искусно сплетенное из металлических растений, протянул Корню пластиковую бутылку с водой, заметил, что тот поежился. – Холодно?

Мнемотехник с трудом сделал глоток воды.

– Знобит. – Он откинулся на удобную, приподнятую под наклоном спинку кровати. – Хорошо у вас. Уютно. А где Титановая Лоза?

Аскет пристально взглянул на него. Не хочет рассказывать?

– Дарлинг сейчас в Ордене. Ты пробыл без сознания двое суток. Она

ушла сразу после твоего появления, скоро должна вернуться.

Корень, утолив жажду, поставил бутылку с водой на прикроватный столик, перехватил взгляд Аскета.

– Кто-то сдал мое убежище наемникам, – произнес он. – Взяли грамотно, ни один датчик не пискнул. Ловушки обошли.

Аскет удивленно приподнял бровь. Корня он знал не первый год. Мнемотехник сильный, опытный, в пространствах едва ли не со дня катастрофы.

– Что им было нужно?

– Сам не понял. Убивать явно не собирались, на артефакты даже не взглянули. Ворвались, саданули импульсом, но расчетливо, так чтобы скоргов на время вырубить. Импланты не сожгло, но сознание я потерял. Очнулся связанным. Чувствую, рука горит, правую ногу не чувствую. Они мне имплантированный накопитель с мясом вырвали, чтобы сопротивляться не мог, мью-фон заглушили, ногу сломали. Немного оклемался, спрашиваю: что надо? Ответили, что теперь я, с какого-то перепуга, буду работать на них. Пластиковые кандалы на меня надели, наружу выволокли, заставили самого понемногу хромать. Двигались в сторону Барьера. По пути подходящие автоны попались. Наемники думали, я без накопителя ничего поделать не смогу. – Корень криво усмехнулся. – В общем, просчитались. Они даже понять ничего не успели.

– Бешеные побеги?

Корень кивнул.

– На такое воздействие требуется много энергии, – заметил Аскет.

– Сколько было – все отдал, – признал мнемотехник. – Без накопителя пришлось метаболический имплант в форс-режим загнать, использовать силы организма. Я так решил: будь что будет, но наемников кровью умою.

– Умыл?

– По полной программе. Никто не ушел. Только двигаться я уже не смог. Ударил и «поплыл». Нога сломана, все жизненные силы в удар вложил, да и крови перед этим потерял изрядно.

– Как же выбрался?

– Сталкер меня выручил. Кличут Шершень. Говорит, из Ордена сбежал.

– А подробнее?

– Странный. Элементарных вещей не знает. Но не из робких. Я когда очнулся, сначала подумал: галлюцинации. Знаешь, с кем он в паре шел?

– Ну?

– С Упырем.

– Старик-то что в Пустоши делал?

– Понятия не имею. Ну ты Упыря знаешь, он любого подыхать бросит. А Шершень уперся – надо помочь.

– Странное поведение для начинающего сталкера.

– Для начинающего он поступил нормально. Душой еще видно не успел очерстветь.

– Возможно. – Аскет инициализировал поиск в сети. – Ты говори, я пока базы данных Ордена просмотрю.

– Да особо рассказывать нечего. Вколол мне какую-то дрянь, по его словам – боевой стимулятор. Метаболический имплант поначалу не отреагировал, препарат не перехватил, вот я и очнулся. Смотрю – поодаль Упырь топчется, а подле меня сталкер незнакомый, в герметичной броне. Упырь хотел с мертвых наемников экипировку содрать, так Шершень ему не дал. Иди, говорит, Федор Тимофеевич, своей дорогой, а с раненым я сам разберусь. Типа дальше – не по пути.

– Можно подумать, Упырь его послушал… – покачал головой Аскет.

– Я говорю – парень не из робких. Он ему стволом пригрозил. Старик-то стервятник известный, но на пулю нарываться не стал. Выматерился, но ушел.

– Что-то не сходится, – покачал головой Аскет. – Сталкеров с позывным «Шершень» в пространствах четверо. Но ни один из них не имплантирован в Ордене.

– Я клеймо видел на импланте. На подробное сканирование сил не было, а внешне – полный порядок.

– Засланный он. Причем легенду ему дилетант готовил. Знаю я такое мышление. Мол, каждый второй сталкер в Ордене имплантирован. Если Цитадель стороной обходить да на тщательные проверки не нарываться, то прикрытие неплохое, но долго все равно не продержишься. Имитация имплантов, как и легенда, предназначены для быстрой, разовой акции.

Аскет взглянул на запястье мнемотехника.

– А этот накопитель откуда?

– Шершень мне его на старые контакты приживил, да он разряженный оказался. – Корень пренебрежительно махнул рукой.

– Интересная вещица, – заметил Аскет. – Ну рассказывай, что дальше.

– Стало понятно: нужно к энергополю сворачивать. Я поначалу кое-как держался, а потом совсем худо стало. Расширитель сознания какое-то время вообще не работал, вот я и не смог правильно сориентироваться. Не распознал, что за границей энергополя аномалия начинается. Ну «Призрачный Город» знаешь, да?

– Знаю. Бывал там. Места неприятные.

– Короче, потерял я сознание в самый неподходящий момент. Считай, что основные события пропустил. Когда очнулся – накопитель уже немного зарядился, метаболический имплант в форс-режиме, на прямом питании организм подлатал. Лежу, пространство сканирую. Вокруг ни души, только ветер воет да аномалия «Призрачного Города» мертвым светом брызжет.

– А Шершень куда подевался?

– Я так понял, он наемников за собой увел. Не знал Шершень про аномалию. Думал запутать следы в руинах и вернуться, а получилось, что в гиблые чащобы ушел.

– Почему ты так решил?

– Я мертвых наемников видел. По следам понял – Шершень зашел им в тыл, двоих убил, остальных в погоню за собой выманил. Я, когда очнулся, выстрелы вдалеке слышал.

– Да, невеселая у тебя история вышла. – Аскет внимательно посмотрел на накопитель энергии. – Корень, ну ты уже вроде в чувство пришел?

– Да.

– Отсканируй подарок Шершня, скажи, что думаешь.

Мнемотехник некоторое время сосредоточенно молчал, затем по его лицу проскользнуло выражение недоумения.

– Егор, – он машинально назвал Аскета по имени, – а ведь это не артефакт!

– Что же тогда? – Аскет вопросительно приподнял бровь.

– Обычный энергоблок, замаскированный под «сердце зверя»!.. Фальшивый, как и импланты этого Шершня! И кто он? Наемник?! – Корень привстал.

– Не думаю.

– Но не черный старатель. Эти не маскируются. Ухватят добычу, и назад, за Барьер. Известные аномалии за версту обходят!

– Он из военных.

Корень откинулся на подушку. От внезапного напряжения тело покрылось испариной.

– То-то он мне тебя чем-то напомнил, – тихо произнес мнемотехник.

* * *

Их разговор прервал вибрирующий гул – открывалась внешняя огнеупорная дверь, а через минуту на пороге убежища появилась Дарлинг. Боевая броня Ордена скрадывала очертания ее фигуры.

– Всем привет! – Она подняла забрало шлема, поставила тяжелый ИПК в крепление подле двери, коснулась сенсора, позволяя сервомоторам сдвинуть бронепластины экипировки в положение «открыто», затем попросту вышла из массивного бронекостюма.

– Дарлинг! – Корень привстал, опираясь о край кровати.

– Лежи, лежи, я тоже рада, – полушутливо произнесла Титановая Лоза, удивив старого мнемотехника разительной, бросающейся в глаза переменой облика. Приемная дочь командора Хантера снискала себе славу беспощадного бойца, отчаянного, преданного Ордену сталкера. Корень знал Лозу не понаслышке, привык видеть ее сосредоточенной, сдержанной, скупой на слова, погруженной в свои мысли.

Она определенно похорошела, ожила, словно сбросила с плеч непомерный груз, лишь глаза остались прежними серо-стальными, но ее взгляд, способный приструнить любого, самого отчаянного сталкера, стал теплее.

– Привет, Егор. – Она коснулась губами щеки Аскета.

– Есть новости?

– Да, поговорила с Шепетовым. – Дарлинг улыбнулась, на ее щеках обозначились ямочки, и Корень, пристально наблюдавший за девушкой, вдруг ощутил тепло в груди. Мрачноватое убежище как будто наполнилось светом, стало уютнее, сердце кольнуло давно позабытым чувством: он смотрел на женщину и невольно любовался ею, впитывал тепло, излучаемое обликом Дарлинг.

Неужели такое возможно? Он старый, битый, циничный, весь покрытый шрамами, давно позабыл простые человеческие чувства, а тут…

Корень невольно отвел взгляд.

– Так, я смотрю, к еде не притрагивались?

Аскет кивнул:

– Точно. Корень только недавно очнулся. Некогда было. Разговаривали.

– Ну тогда продолжим за столом. Ты гостю помоги, а я сейчас вернусь.

Дарлинг прошла в соседнее помещение бункера. Дверь за ней плотно закрылась.

– Встать сможешь? – Аскет протянул руку.

* * *

Дарлинг быстро накрыла на стол.

– Ну рассказывай, что Шепетов?

– Готовится к имплантации.

– Решился?

– Ну да. Генерал, конечно, боится, как все новички, но вида не показывает.

Корень только диву давался. Совсем одичал в глухомани – мысленно укорил себя мнемотехник.

– Хорошо у вас… – Он вскинул взгляд. – Только как решились?

– Ты о чем? – Аскет сурово осадил его взглядом, но Корень не принял немого запрета, продолжил тему: – Я смотрю, у вас все серьезно?

Дарлинг кивнула:

– Серьезнее некуда.

– Не страшно?

– Корень, смени тему!

– Егор, пусть. – Дарлинг нисколько не смутилась. – Ты, Сережа, хотел сказать – смерть кругом? – Она назвала мнемотехника по имени, которое тот уже начал забывать. – Технос эволюционирует, а мы чем хуже?

Вопрос Титановой Лозы поставил Корня в тупик.

– Вспомни, каким ты пришел сюда, и подумай, кем стал теперь.

Мнемотехник призадумался. Действительно. С чего начинали? Излучатель да кодировщик были единственным средством воздействия на дикие колонии скоргов. С их помощью удавалось спасти лишь малую часть людей, инфицированных сбойными наномашинами, запрограммировать последние на формирование полезных имплантов, а не бесконтрольное размножение.

Те, кто выжил, необратимо изменились. А когда я в последний раз пользовался громоздкими, морально и технически устаревшими устройствами? Их заменили специализированные импланты, искусство мнемотехники давно вышло на новый качественный уровень. Выходит, Дарлинг права: в отчужденных пространствах эволюционировал не только технос?

– Мы выжили, – произнес Аскет. – Не спрашивал себя, что дальше?

Корень отрицательно покачал головой.

– Некогда было. Не задумывался.

– Каждый из нас все эти годы втайне мечтал вырваться отсюда. Мы думали, что найдем способ избавиться от скоргов, вернуться во Внешний Мир, к «нормальной» жизни.

– Не выйдет. – Мнемотехник прекрасно понимал, о чем говорит Егор. – Скорги в наших организмах останутся навсегда. Да и возвращение уже не кажется хорошим вариантом.

– Вот и мы с Дарлинг решили: пора избавляться от иллюзий, мысленно сменить свой статус. Мы не пленники отчужденных пространств, а их обитатели. Чувствуешь разницу?

– «Оставь надежду всяк сюда входящий»? – процитировал Корень. – Да, согласен. Надо жить. Только не оставят нас в покое. Военные, черные старатели, перекупщики, наемники – они тоже пытаются поспевать за эволюцией техноса. Видел экипировку боевиков синдиката? Они могут совершать глубокие рейды без риска заражения скоргами. Боюсь, рановато вы решили жизнь налаживать. Как бы нам защищаться не пришлось, но теперь уже не только от техноса.

– Пусть приходят, – спокойно отреагировала Дарлинг. На миг выражение ее лица стало прежним, жестким, холодным, решительным.

– Да они уже тут. – Корень вдруг махнул рукой, как бы отметая проблему. – Ладно, все нормально. Действительно, чего говорить. Вон я-то отбился, так что забыли. На самом деле ничего интересного…

Аскет хмуро посмотрел на него, затем произнес:

– Ненормально. За два месяца одиннадцать мнемотехников пропали без следа. Ты первый, кому удалось уйти. У наемников где-то поблизости крупная база. И они затеяли что-то серьезное.

Корень поперхнулся.

– Одиннадцать?! А в сети почему тишина?

– Профессионально работают. Охотятся на одиночек, чтобы шума не поднимать. Группировки пока не задевают.

– Выходит, они меня к себе на базу конвоировали?

– Скорее всего, – кивнула Дарлинг. – Ты, Сережа, пойми правильно: мы с Егором не забились под землю. Не выпали из событий. Отчужденные пространства теперь наша земля, навеки. И нам не все равно, что происходит вокруг. Когда ты пришел, рухнул на пороге без сознания, мы догадались, кто на тебя напал. Сомнения вызывал только вживленный тебе энергоблок. Он военного образца. Вот я в Орден и ходила, с Шепетовым поговорить, пока весть о его имплантации не дошла до командования изоляционных сил.

– А он при чем?

– Его связи. Уровень доступа к секретной информации. – Дарлинг показала микрочип. – Генерал дал попользоваться. Через него мы выйдем на сервер управления спецопераций. Теперь ведь нам известен позывной спасшего тебя сталкера?

– Ну да.

– Поищем его в закрытой базе данных. А там решим, что делать.

Пустошь. За гранью реальности…

Полная неподвижность медленно сводила с ума.

Разум Шершнева бодрствовал, но он не ощущал собственного тела, словно сознание отделили от физической оболочки, поместив в пространство без света и звука.

Паралич?

Он мысленно перебирал варианты, но даже не догадывался об истинном положении дел, пока серую хмарь небытия не прорезал яркий, нестерпимый свет.

Восприятие мира вернулось, но оно носило избирательный характер. Ощущения тела по-прежнему отсутствовали, но появились звуки: тихо и ровно шипел пневматический привод, вне поля зрения что-то монотонно попискивало, затем вернулось обоняние, и он ощутил резкий запах нашатыря.

Раздался металлический звук, словно кто-то придвинул стул, сияние умерило интенсивность, позволяя рассмотреть расплывчатые нечеткие черты лица.

Радич…

Иван попытался напрячь мышцы руки, но безрезультатно, их словно не существовало!

– Пришел в себя? Отлично. – Станислав действительно присел на стул, его лицо теперь фиксировалось периферийным зрением. – Навел справки о тебе. Пришлось сделать анализ ДНК и приобрести одну особо секретную базу данных. – Радич усмехнулся. – Опознание обошлось недешево, но оно того стоило. Помнишь меня, Шершнев?

Иван при всем желании не мог ответить на вопрос. Станислав прекрасно понимал беспомощное положение пленника и потому продолжил монолог:

– Информация, снятая с расширителя сознания, расстраивает. Ты знаешь мое имя, род занятий, но не помнишь меня. Это скверно. Ситуацию придется исправить, иначе предстоящие тебе мучения лишатся изюминки – ты не будешь понимать, за что страдаешь.

Свет внезапно начал тускнеть. Лицо Радича слилось с мглой, вновь окутавшей сознание Ивана, и вдруг…

…Яркий свет полуденного солнца приглушала работа адаптивного покрытия «хамелеон», нанесенного на забрало боевого шлема. На многие километры вокруг простиралась потрескавшаяся от нестерпимого зноя земля, брошенные, но еще не успевшие обветшать строения небольшого

населенного пункта плавились, искажались в горячем мареве, истекающем от земли.

Африка. 2044 год – подсказала очнувшаяся память.

Майор Штокман отыскал взглядом плоскую известняковую плиту, подошел к ней, растопырил пальцы правой руки, и множество лучей микролазеров, вмонтированных в перчатку, вычертили на камне подробную карту местности.

– Капитан, ко мне!

Шершнев сделал знак лейтенанту Нечаеву: остаешься за старшего, а сам, низко пригибаясь, маскируясь иззубренным выступом горной породы, поспешил выполнить приказ.

Присев подле камня, избранного майором в качестве проекционного экрана, Иван взглянул на изображение в ожидании приказа или пояснений.

– Что думаешь, Шершнев?

Иван ответил не сразу. Обдумывал варианты, проверял себя, но крути ни крути выход напрашивался один.

– Штурмуем, – произнес он.

В центре проекции появилось третье измерение – контур П-образного здания потянулся вверх, вырос пропорционально масштабу на высоту четырех этажей.

– Больничный корпус. Построен пять лет назад, еще до начала глобальной засухи. Типовой проект.

Иван кивнул. Подобные больницы возводились за счет средств ООН. По всему континенту насчитывалось более четырехсот аналогичных строений.

– Здесь содержатся заложники. По моим данным, девяносто пять человек.

Шершнев понял, какую дилемму предлагает решить Штокман. Слезть с елки, ничего не ободрав, не выйдет. Местность вокруг открытая, в окраинных зданиях выставлены наблюдательные посты, незаметно проникнуть на территорию населенного пункта в данной ситуации нереально, а значит, у наемников Радича будет достаточно времени на ликвидацию заложников и уничтожение следов проводимых тут экспериментов.

Штокман израильтянин. Штабист, педантичный служака. Террористов ненавидит всей душой, особенно наемников. В таком сочетании видна его слабость. Часто производной от ненависти является пренебрежение к противнику, его недооценка. Педантичность в данном случае тоже порок. Действуя по стандартным схемам, успеха не добьешься, но майор под

пулями еще не побывал и потому не склонен к импровизациям.

Работать с таким командиром – одна головная боль.

– Мы уже трижды блокировали Радича. И каждый раз ему удавалось ускользнуть. Существуют несколько ключевых специалистов, с которыми он работает. Их тоже взять не удается. Таким образом, Радич сохраняет ядро группы и вновь разворачивает деятельность в другом месте. Получить новое оборудование и человеческий материал для него не проблема – финансирование экспериментов, по самым скромным оценкам, исчисляется миллиардами евро.

Штокман насупился.

– Вероятно, вы, капитан, предлагаете решить, что важнее – сохранить жизни заложников или уничтожить Радича с его ближайшими сподвижниками?

Шершнев кивнул.

– Заложников мы не спасем в любом случае. Эксперименты, проводимые группой Радича, несовместимы с понятием «жизнь». Он испытывает импланты, разработанные некоторыми остающимися в тени корпорациями.

– Я знаю, – сухо ответил Штокман. – На подопытных тестируются два типа вживляемых устройств – кибернетический расширитель сознания и метаболический корректор. Но вы сами только что упомянули, капитан, за деятельностью Радича стоят транснациональные преступные группировки, тесно связанные с бизнесом. Вы верите, что с устранением нескольких наемников чудовищные опыты прекратятся?

– Станислав Радич не простой боевик. Он учился в институте кибернетики, прекрасно разбирается в нанотехнологиях, имеет обширные знания в области медицины. К тому же он талантливый организатор, имеющий прочные связи в криминальных кругах всего мира. Ликвидировав его, мы не решим проблему полностью, но спасем тысячи жизней и надолго приостановим чудовищные испытания.

Штокман выслушал его с недовольным видом. Слишком лестная, по его мнению, характеристика для террориста задела майора за живое, но, взглянув на русского спецназовца, он сдержал эмоции.

– У нас два десятка отлично подготовленных бойцов. Мы в состоянии провести полноценную операцию! – недовольно напомнил он.

– У Радича полсотни боевиков на заранее подготовленных позициях, – спокойно осадил его Шершнев.

– Предлагаете вызвать авиацию? Превратить все это, – Штокман указал на покинутый жителями городишко, – в огненный котел?

– Нет. Есть другой план.

– Изложите.

– Пусть четверо бойцов возьмут патрульный джип и «засветятся» на окраине населенного пункта. После того как по ним откроют огонь, нужно, чтобы водитель действовал профессионально. Внедорожник хорошо бронирован, если его загнать вот сюда, – Шершнев указал на карте небольшую расселину меж двух выступающих из потрескавшейся земли скальных образований, – бойцы окажутся как бы в ловушке, но на самом деле позиция выгодная, ее можно удерживать довольно долго.

– Смысл? – хмыкнул Штокман.

– Отвлечь внимание боевиков. Появление патруля ООН не вызовет переполоха. Угроза поначалу будет выглядеть минимальной, но, когда они попытаются атаковать позицию и понесут потери, Радичу придется перебросить часть сил к северной окраине. Он ослабит южное направление, где местность совершенно открыта и достаточно пары наблюдателей…

– …которые успешно заметят штурмовую группу и поднимут тревогу!

– Нет. При условии, что патруль продержится минут двадцать.

– Что это даст?

– Я со своими бойцами успею преодолеть открытый участок местности, подобраться вплотную к окраинным зданиям, ликвидировать наблюдателей, проникнуть на территорию больницы. Мы попытаемся взять Радича живым, сохраним жизни заложникам, в случае необходимости займем оборону, чтобы не позволить уцелевшим боевикам уничтожить экспериментальное оборудование и документацию.

В глазах Штокмана появился блеск. Возможно, сейчас он подумал о своей карьере, которая, безусловно, выиграет от столь дерзкой и блестящей операции. И тут же во взгляде израильтянина промелькнуло сомнение – не много ли берет на себя русский капитан спецназа? Так ли хорошо подготовлены его бойцы, чтобы ползком преодолеть открытый участок, не совершив ни единого промаха, ни одного неверного движения?

Голографическая проекция погасла.

– Выводите отделение на исходную позицию, – пристально взглянув на Шершнева, распорядился он. – Начнете, как только патруль завяжет перестрелку. Четверых бойцов я оставляю в своем распоряжении.

Шершнев не ожидал, что майор так быстро согласится с его планом. Что-то задумал? Или просто поверил в профессионализм российского спецназа?

* * *

Жара стояла невыносимая. От лучей палящего полуденного солнца не спасали даже специальные термокостюмы.

Щекотливая капля пота скатилась по щеке, к подбородку.

Шевелиться нельзя. Мимикрирующая ткань экипировки плохо адаптировалась к экстремальной температуре, иногда, под определенным углом зрения, со стороны, были заметны сбои, способные выдать бойца. В большинстве случаев подобные неприятности случались в движении.

На защищенной частоте связи изредка потрескивали помехи. Похоже, где-то вдалеке бушевала «сухая гроза» – из-за резкого изменения климата подобные явления стали вполне обыденными для Африканского континента.

«Пылевая буря сейчас не помешала бы», – подумал Иван, но небо от горизонта до горизонта оставалось ясным.

Звуки ожесточенной перестрелки на северной окраине усилились, раскатисто ухнуло несколько гранатных разрывов.

– Третий, вижу группу боевиков. Покинули здание, движутся к северу.

– Четвертый, подтверждаю.

– Седьмой, фиксирую наблюдателя, – пришел доклад от снайперской пары. – Снять не могу, еще один боевик осматривает южную окраину в бинокль.

– Первый, принял. Действуем по плану. Начинаю движение.

Ползти по каменной плите, с которой горячие ветра давно сдули слой почвы, нелегко: пот заливает глаза, жар исходит отовсюду, кажется, что ты попал на раскаленную сковородку…

Иван прополз десять метров, затаился.

Пара бойцов бесшумно продвинулась чуть дальше, заняла позиции.

Теперь очередь снайперов.

Отделение продвигалось медленно, метр за метром сокращая дистанцию до окраинных зданий.

Наконец пришел долгожданный доклад.

– Девятый, зафиксировал позицию второго наблюдателя. Могу работать.

– Седьмой, доложи, – потребовал Шершнев.

– Вижу «своего». Он переместился. Работать могу.

– Третий, что у тебя?

– Часовые выходят на связь каждые пять минут, – доложил компьютерный техник группы.

Пять минут… Достаточно, чтобы проникнуть на территорию больницы.

Одного из боевиков он видел в проеме окна. Тот как раз шевельнул губами, произнеся условную фразу, потянулся к пластиковой бутылке с водой.

– Снайперам, работать!

Неслышно ударило два одиночных выстрела. Боевик, за которым наблюдал Иван, дернулся и, даже не вскрикнув, мешковато осел, выронив простреленную бутылку с водой.

– Цель: первый корпус больницы. Заходим тихо. Внутри работать на поражение. Пленных не брать.

В приказе Шершнева прозвучала жестокая логика многолетней борьбы с террористами. Осуждали рядовых боевиков. Лидерам групп наемников чаще всего удавалось избежать заслуженного наказания. Взять Радича и его ближайших помощников живыми – означало дать им еще один шанс, позволить корпорациям вызволить своих наймитов, чтобы те продолжили начатое дело. Иван уже испил эту горькую чашу, спрашивая себя у экрана сферовизора, за что гибли ребята, если власть денег в международном трибунале решала практически все?

Так родилось негласное правило, прозвучавшее в короткой формулировке отданного приказа.

Кривая улочка выводила к двухметровому забору больницы. Бойцы действовали четко, слаженно.

– Периметр вырубил. – Дыхание техника группы чуть сбилось. – Минута, пока поймут, откуда помехи.

Бойцы уже прильнули к бетонному ограждению. Одни подставили плечи, другие вскарабкались на них, осторожно выглянув поверх преграды.

Двое снайперов отделились от группы минутой раньше, заняв позиции в зданиях, откуда просматривался двор больницы.

– Работаем по доступным целям!

Приказ командира как будто освободил энергию туго сжатой пружины. Сипло ударили короткие очереди «Штормов», звонко и жалобно посыпалось оконное стекло, первая пара уже находилась по ту сторону преграды, двое выскочивших из здания боевиков тут же рухнули, подкошенные снайперским огнем.

Иван, преодолев ограждение, рванулся к зданию.

Первый этаж.

Группа втянулась в узкий коридор. Двери, ведущие в палаты, оказались плотно заперты, подле каждой тускло светился монитор,

показывая жертв, на которых проводились испытания запрещенных имплантов. Жуткие картины открывались взгляду. Уже не люди, а некие биокибернетические существа находились в изолированных помещениях. Контрольные мониторы, разделенные на оперативные окна, демонстрировали не только общий план стерильных боксов, но и точки имплантации. У большинства подопытных головы фиксировались в специальных приспособлениях, черепные коробки несчастных были вскрыты, к ним тянулись компьютерные кабели.

Невольная дрожь пробегала по спине от увиденного. Спасать здесь уже некого, вряд ли вживленные в мозг устройства можно извлечь без фатальных последствий.

Мысли промелькнули и ушли.

Конец коридора. Лестничная клетка, марши, ведущие в подвал и на второй этаж.

Шершнев жестом распределил людей.

Двое в подвал, четверо наверх.

Второй этаж занимали лаборатории. Здесь, как и во всем здании, поддерживалось постоянное избыточное давление, пост охраны отсутствовал, видимо, рядовых боевиков сюда не пускали, опасаясь нарушения стерильности.

Зато звери в белых халатах исчислялись десятками. Они не ударились в панику, не замерли от внезапного шока – у каждого оказалось оружие, которым они владели не хуже боевиков, находящихся вне здания.

В коридоре завязалась ожесточенная перестрелка. Прозрачные раздвижные двери из пулестойкого пластика держали попадания игольчатых боеприпасов, но под огнем ИПК разлетались искрящимся крошевом, изнутри помещений по шестерым ворвавшимся на этаж бойцам российского спецназа били автоматы, в коридоре рванула дымошумовая граната, и все погрузилось в молочную пелену, лишь на проекционных забралах БСК четко фиксировались тепловые контуры пытающихся ускользнуть «врачей».

Трое бежали к холлу, через который открывался доступ ко второму корпусу больничного здания.

Иван мгновенно понял – этих успеет перехватить только пуля, резанул очередью, зафиксировал падение.

– Штокман, первый корпус взяли! Снайпера держат подступы к больнице! Подтягивай подкрепление к западному крылу. Радич попытается сбежать, не дай ему уйти!

– Понял тебя, капитан. Бронетехника пошла.

Бой в здании разгорался с новой силой.

* * *

Один из троих «врачей», срезанных выпущенной Шершневым очередью, пришел в сознание.

Дикая боль сковывала тело.

Он со стоном перевернулся на спину, замер в луже собственной крови.

Мимо пробежало несколько человек в боевой экипировке.

Спецназ… – рыхлое сознание Радича фиксировало лишь обрывки реальности. Один остановился, не наклоняясь, осмотрел тела.

Сквозь дымчатое полупрозрачное забрало боевого шлема Станислав сумел рассмотреть черты лица русского капитана.

«Сейчас узнает меня и добьет».

Не узнал. Лицо, забрызганное кровью, искаженное гримасой предсмертной муки, обмануло русского. Он не произвел контрольного выстрела, Радич невероятным усилием воли заставил себя лежать неподвижно, будто мертвец.

Командир группы спецназа рванул дальше, через холл, к входу во второй корпус.

Минуту Радич лежал, не в силах бороться с болью, затем, стиснув зубы, пошевелился, сдерживая стон, перевалился на бок и медленно пополз в задымленный коридор, оставляя за собой широкий кровавый след.

Двери ближайшей лаборатории, выбитые очередью импульсного пулемета, позволили заползти внутрь помещения.

Радич понимал – ранение смертельно. У него не было шансов выжить. Еще несколько минут, и он умрет от потери крови.

Расплывчатое, нечеткое сознание упорно пыталось ускользнуть в сладковатую дымку забвения.

Перед мысленным взором искажались черты лица русского спецназовца.

Станислав был упрям. Даже сейчас, в безвыходной ситуации, он боролся за свою жизнь. Дополз до сейфа, встроенного в стену лаборатории, теряя силы, набрал код замка, открыл, вслепую нашарил устройство, схожее с двадцатисантиметровым механическим пауком. Сжав его в окровавленной ладони, Радич перевернулся на спину, застыл, сипло дыша, затем последним усилием положил кибернетическую тварь себе на грудь.

Устройство ожило. Тускло затлели индикационные сигналы, механические конечности безжалостно вонзились в плоть, тончайшие шунты достигли всех жизненно важных органов, из небольших емкостей,

расположенных в корпусе «паука», система дозированно подала необходимые препараты.

Тело Радича конвульсивно дернулось.

* * *

– Вспомнил меня?

Чужой голос возник в рассудке Ивана.

Все происходящее объяснялось бредом. «Я не справился. Провалил задание. Мое тело захвачено скоргами, я заблудился в металлическом лесу, ушел в грезы, не распознал исполинской ловушки».

– Это не бред, Шершнев. Я тут. Рядом. Ты не валяешься в «жестянке», а помещен в специальный реанимационный бокс. Так что не пытайся списать мое появление на галлюцинации. Вы ведь обыскали всю больницу, но моего тела не нашли. Плохо искали. Мне пришлось уползти в подвал, зарыться там в груду биологических отходов. Было тяжело, больно и страшно. Но я выжил. Благодаря экспериментальному метаболическому импланту, который мне пришлось носить на груди еще два с половиной года, прежде чем удалось его деактивировать и удалить. Я жил в аду. Теперь пройти через ад предстоит тебе.

Иван молчал. Он по-прежнему не ощущал тела.

– Говори со мной! Говори мысленно! У тебя теперь новый, очень качественный расширитель сознания! Я старался, Шершнев. Мне очень хотелось, чтобы ты меня слышал. И ты слышишь, я ведь знаю!

Хорошо. Пусть это не бред.

– Чего ты хочешь? Говорить со мной? Причинить боль?

– Ну, всего понемногу. Вообще-то, тебе крупно повезло, Шершнев. Сдох бы в металлическом лесу, если б не мои ребята.

– Собираешься отомстить?

– А как ты думал? Такие подарки жизнь преподносит редко. Хотя месть меня уже не заводит. Попадись ты мне через годик после тех событий – убивал бы тебя медленно, с наслаждением. А сейчас уже неинтересно.

– Зачем тогда спас? Оставил бы скоргам.

– Нет, так легко не отделаешься. Я сделаю из тебя ручного пса. Лучшего пса из когда-либо созданных мной. Ты ведь на самом деле не умеешь ничего, кроме как убивать по воле хозяев. Это твое предназначение.

– Ты подонок, Радич.

– Откуда тебе знать? Из моего досье? – Голос на секунду умолк, затем продолжил: – Такие, как ты, слепы. Художник видит душу. Музыкант

создает настроение. Писатель формирует личности. А что видят и создают такие, как ты? Зафиксировал тень, резанул очередью, убил, едва взглянув?

Шершнев промолчал.

– Мы все кому-то служим, – продолжал Радич. – Ты – системе. Я – прогрессу. У каждого свой идол. Но ты всего лишь легализованный государством убийца, а я творец. Мир не сегодня, так завтра рухнет. Твоя хваленая цивилизация уже давно приговорила сама себя. На земле больше нет места биологическим видам. Всем управляет техносфера. И поэтому я здесь.

– По заданию корпораций?

– Да пошли они!.. – отмахнулся Станислав. – У меня своя цель, свои достижения. Корпорации могут поддерживать мои исследования, но они никогда не получат их истинного результата. Ты ничего не понимаешь, Шершнев. Система, которой ты так рьяно служишь, тупа, прямолинейна и неповоротлива. Она создала отчужденные пространства. Ваши ученые выпустили на волю технос, создали пространственную аномалию. А как отреагировал цивилизованный мир? Разве кто-то изучает зоны отчуждения? Нет. Их бомбят, изолируют, на них делают деньги и политические карьеры. Никто ничего не понимает, не хочет понимать, не в силах изучать, большинство просто дрожит от страха, а те, кто поумнее, греют руки, ловят последних рыбок в мутной воде, пока мир катится к гибели.

– А ты понимаешь?

– Отчасти. Хочешь узнать, чего я достиг? Не напрягайся. Всему свое время. Я покажу тебе такое, отчего кровь стынет в жилах. Это будет в тебе. И ты никогда не избавишься от моих даров. Но выживешь, когда вся цивилизация рухнет. Выживешь, чтобы служить мне.

Голос отдалялся. Все услышанное казалось бредом свихнувшегося маньяка. Радич философствовал, хвастал, угрожал – он был болен, глубоко и неизлечимо. Личность, сочетающая в себе черты хладнокровного, циничного убийцы, замучившего тысячи людей, и задатки гениального ученого, презирающего взрастившую его цивилизацию, – все это говорило само за себя.

Сознание Шершнева вновь начало погружаться в дымку беспамятства.

* * *

Дождь стеной…

Чужие мысли запутались в голове.

Бестелесный голос, будто нож, взрезающий полотнище мрака, открывающий панораму хмурого осеннего дня.

Мокрые ступени.

Катушка автоматных гильз под слабеющими пальцами.

Что происходит? Очередной бред? Память выталкивает образы, плетет замысловатый узор агонизирующих мыслей?

– Откуда ты меня знаешь?

Голос не принадлежит Радичу. Он другой. В нем нотки усталости от жизни, оттого и вопрос звучит сухо, без тени удивления.

Шершнев не знал, как можно сопротивляться происходящему. Что вообще может рассудок, лишившийся тела, окруженный мглой?

– Откуда ты меня знаешь? – повторил голос.

– Понятия не имею, кто ты, – решился ответить Шершнев.

– Ты мыслишь моими воспоминаниями.

– Они уже не твои.

– То есть как?

– Общие. Если я правильно понимаю ситуацию, ты пленник Радича? Мнемотехник, который умирал под дождем на перекрестке улиц? Это действительно так?

– К сожалению.

– Твой расширитель сознания транслировал в сеть мысленные образы. Их перехватила одна из военных станций слежения, подключенная к мьюфонной сети.

Некоторое время незримый собеседник молчал.

Дождь хлестал по стенам зданий.

Гулко, пусто, холодно и неуютно вокруг.

– Проклятье. Ошибся, подстраивая частоту… – Тьма вновь начала смыкаться вокруг сознания Шершнева, очертания руин исказились, начали блекнуть.

– Эй, погоди! – не выдержав, мысленно окликнул он.

– Ну? – зыбкая реальность на мгновенье стабилизировалась. – Чего хотел?

Терять совершенно нечего. Новые способы восприятия мира, прямое мысленное общение, физическая беспомощность – все это жестко било по психике, но Иван все же сумел собрать волю – последнее, что у него еще не отняли, побороть отторгающее чувство ирреальности происходящего.

– Мне нужна помощь.

Очертания руин на перекрестке стали четче, вновь вернулся шум проливного дождя.

– С чего мне тебе помогать? Откуда я знаю, что ты не работаешь на наемников? Кусок моих воспоминаний в твоей башке? Маловато, да и смахивает на провокацию.

– Радич действовал бы тоньше.

– Кто?

– Станислав Радич. Он тут главный.

– Тут – это где? – Нотки заинтересованности проскользнули в вопросе мнемотехника.

«А может, со мной играют? – промелькнула в сознании Шершнева отрезвляющая мысль. – Я даже не знаю, выжил ли тот сталкер?»

Никому не верить. Всегда ожидать удара исподтишка. Лгать, чтобы самого не обвели вокруг пальца.

Зыбкое болото – вот что напоминал Ивану такой стиль общения. Он чувствовал гадливость, словно испачкался о собственные мысли. «Людям нужно верить? И куда привела тебя презумпция невиновности? – ехидно осведомился внутренний голос. – Получил пулю в спину от своих же…»

– Ну и каша у тебя в голове… – Среди руин материализовались очертания человеческой фигуры, затем словно текстура на компьютерной модели появилась одежда, проявились черты лица.

Сталкер был невысок, коренаст, лицо, как и у большинства обитателей отчужденных пространств, осунувшееся, обветренное, взгляд серых глаз цепкий, изучающий и одновременно отталкивающий, источающий угрозу.

– Читаешь мысли?

– Сам виноват. Расширителем сознания пользоваться не умеешь, – ответил он. – Здесь тебе не Внешний Мир. Думать надо тихо.

Шершнев насторожился.

– Не только ты, но и Радич может услышать? Мы ведь находимся в его информационной сети?

– За кого меня принимаешь? Я не идиот. Мы на частотах техноса. Одного в толк не возьму, как ты тут держишься?

– Понятия не имею.

– Ладно, давай знакомиться.

– Мысли мои убедили?

– Ну и они тоже, – уклонился от прямого ответа мнемотехник. – Проверил кое-что. Тебе мозги взломали, знаешь об этом?

– Нет.

– Вся подноготная как на ладони. Раскрытая книга. Если подстава, то очень сложная. Никто не стал бы столько усилий тратить, создавая полноценную модель воспоминаний.

– Что это значит?

– Тебе имплантировали необычный расширитель сознания. Очень мощный. Хотя пользоваться им ты не умеешь.

– Объясни, я ничего не понимаю!

– Скоргов тебе в башку напихали. Структура как у заправского сталтеха. Но контролируемая, раз личность не пострадала. Я с таким раньше не встречался, но нежити механической много повидал. Можешь поверить на слово. Знаю, о чем говорю.

– Мой мозг открыт для чтения данных?

– Ну примерно так. Если упрощать. Не повезло тебе.

– Это навсегда? – невольно ужаснулся Иван.

– Скорги-то? Навсегда. – Мнемотехник даже не пытался сгладить острые углы. – Пока ты не научился пользоваться расширителем, с тобой можно делать что угодно. Наслаждение или боль, коррекция личности, имплантация памяти. Но тебя, похоже, подготовили для какой-то изощренной пытки.

– Виртуальный ад? – содрогнулся Иван.

– Ну, долго ли умеючи? Хотя рассудок у тебя сильный. Сам инстинктивно спасения ищет. Вон на частоты техноса выскочил. Прячется, типа. Сейчас тот, кто тебя инфицировал, наверное, сильно расстроен.

– Погоди. Я не все понимаю.

– Тебе и не нужно. Блин, интересный случай. Первый раз с таким сталкиваюсь.

– Мне нужно знать, что происходит!

– Мне тоже.

– Так давай поговорим!

– Ладно. – Фантомная фигура мнемотехника уселась на забрызганные кровью ступени. – Меня Яндексом кличут. Был такой поисковик в ранних компьютерных сетях. В общем, неважно.

– Иван Шершнев.

– Военный?

– Да. Подразделение «КТ».

– Контртеррор? Теперь понятно, почему тебе рассудок так легко ломанули. Силовик, в общем? К компьютерам и сетям отношения не имел?

Иван кивнул.

Яндекс задумался, затем пристально взглянул на Шершнева.

– Шершень, слушай внимательно. Я тебе в общих чертах ситуацию обрисую. В общем, нас тут пятеро. Все мнемотехники. Невыдающиеся, но многое умеем. Всех взяли в разных пространствах, куда переместили –

понятия не имеем. Обращаются жестко. Связь с физической оболочкой у всех утрачена. Думаю, действуют через метаболические импланты. Общая сталкерская сеть недоступна, что-то ее блокирует. Частоты техноса мы используем для локального соединения рассудков. Тот, кто тут заправляет, не очень-то сведущ в мнемотехнике. По крайней мере все лазейки перекрыть не сумел. Общение между собой мы наладили. В остальном – полный тупик.

– Кое-что я могу прояснить, – ответил Иван. – Во-первых, нас держат в Пустоши. Во-вторых, наемниками командует Станислав Радич. База расположена недалеко от периметра Барьера, в секторе двенадцать, там, где военные используют старую дорогу. Помню руины и ржавый лес. Дальше начались глюки, словно выпал в прошлое.

– Все ясно. – Яндекс нахмурился. – А ты молодец, Шершень. Хотя нам от этого не легче.

– Почему?

– Мы в границах аномалии «Призрачный Город».

– Это плохо?

– Хуже не придумаешь. Теперь понятно, что блокирует связь. Но кто такой Радич? Расскажи о нем подробнее.

* * *

Выслушав Шершнева, Яндекс задумался.

– Что-то не складывается, – наконец произнес он. – По твоим словам выходит, что Радич – «мотылек»?

– Не знаю. Он вполне может использовать внешние импланты, – предположил Иван.

– Логично. И устройства наверняка разработаны не в зонах отчуждения. В них нет скоргов, – вот как наемникам удалось организовать базу в таком гиблом месте. И экипировка у них специфичная.

– Что нам делать? Есть способ вырваться?

– Не знаю. Надо поразмыслить.

– Может, с другими мнемотехниками посоветоваться?

– Разберусь. Ты вот что, Шершень, посиди пока здесь. Только тихо. Не вздумай психовать. Твое подсознание использовало расширитель, чтобы ускользнуть. Ну это как переход на более высокий, защищенный уровень сети. Матрица твоей личности удерживается в информационном поле техноса.

– А что с моим телом?

– Понятия не имею. Вероятнее всего, Радич сейчас ищет ошибку. Он

не понимает, куда подевался твой рассудок.

– Неужели он не знает о частотах техноса?

– Знает. Но выйти на них можно только через имплант, созданный на основе скоргов. Отсюда вывод – он «мотылек». И все его бойцы тоже.

– А если найти способ освободиться? Мы выберемся из «Призрачного Города»?

– Не факт. Гиблое место.

– Яндекс, еще один вопрос. Зачем вас захватили? Что заставляют делать?

Мнемотехник усмехнулся.

– Да так, по мелочи. Механоидов выращиваем.

– То есть?!

– Самому пока непонятно. Стабилизируем колонии скоргов, придаем им определенные формы. На мой взгляд – это детали корпусов каких-то машин.

– А внутреннее наполнение?

– До него дело еще не дошло.

– А ты уверен, что вас всего пятеро? Может, существуют другие группы?

– Не думал об этом. Надо бы проверить. В общем, ты не дергайся пока. Ускользнул сюда, так радуйся. Я свяжусь с остальными и по возможности вернусь.

Фигура мнемотехника начала стремительно таять.

* * *

Оставшись один, Шершнев глубоко и безрадостно задумался над сложившейся ситуацией. Он не был готов к подобному обороту событий, но рассудок реагировал на удивление спокойно, словно существование вне связи с телесной оболочкой являлось для него обычным делом.

– А что, по-твоему, связывает разум и тело? – раздался голос, от которого Иван мысленно вздрогнул. Медленно повернув голову, он увидел Радича. Тот стоял посреди улицы, скрестив руки на груди, и снисходительно смотрел на сгорбленную фигуру Шершнева. – Не ожидал меня увидеть, да? – Станислав подошел ближе, уселся рядом на ступеньки.

Дождь прекратился, ветер утих, словно Радич имел власть над клочком реальности.

– Отлично справился, Шершнев. Наверное, втайне возгордился способностями своего подсознания? – с издевкой спросил он. – Зря. Никуда твой рассудок не «ускользнул». Я не ищу ошибок, потому что не допускаю

их.

Шершнев с трудом сохранял самообладание. Хотя что он мог сделать в сложившейся ситуации?

Радич тем временем забавлялся вовсю. Ему доставляло явное удовольствие видеть, как растерян Шершнев.

– Хочешь взглянуть на свое тело? Молчишь? Боишься? А я все же покажу.

Иван вздрогнул, когда посреди перекрестка вдруг возникло огромное металлическое дерево с неохватным, покрытым шелушащимися окислами стволом. Ветви у древовидного металлорастения начинались примерно на десятиметровой высоте, свисая как у плакучей ивы.

У основания гигантского автона прямо на земле лежало несколько тел. Часть металлических ветвей тянулась к ним, вонзалась в плоть.

– Узнаешь себя?

Разум на миг помутился.

«Он лжет. Создает фантомы», – отчаянно пытался убедить себя Иван, но Радич лишь мерзко усмехался, наблюдая за гримасой, исказившей лицо Шершнева.

– Ты никуда не сбежишь. И телом и разумом ты теперь мой.

– Лжешь!.. – хрипло воскликнул Иван.

– Почему? Тебе просто не хочется верить в очевидную безвыходность ситуации!

Иван испытывал губительное раздвоение. С одной стороны, он ощущал себя живым и здоровым, способным связно мыслить, а с другой – отчетливо видел свое тело, лежащее в неприятно поблескивающем коконе, пришпиленное к нему побегами древовидного металлорастения.

– Я не дышу. – Он с трудом поднял руку, указав на собственное тело.

– Заметил. Надо же.

– Ты морочишь мне голову!

– Нет. – Станислав поджал губы, о чем-то размышляя, затем махнул рукой. – Ладно. Хотел знать, чем я занимаюсь? Пожалуй, немного информации даст тебе повод задуматься, стоит ли сопротивляться неизбежному? Так вот. – Он указал на неподвижные тела. – Ты действительно не дышишь, как и другие пленники. Но разве мозг способен обойтись без кислорода? Мои исследования существенно продвинулись с тех пор, как образовались аномальные пространства и я получил возможность работать с эволюционировавшими наномашинами. Ты жив, Шершнев, хотя и не дышишь. Все необходимое метаболический имплант извлекает из окружающей среды. Сердце еще бьется, заменить его

механическим приспособлением, качающим кровь, нетрудно, но я не того добиваюсь. Моя цель не киборгизация человека, а создание имплантов, которые позволят людям выживать в условиях недалекого будущего, когда биосфера планеты окончательно погибнет. Как видишь, я неразборчив в методах, но, согласись, цель оправдывает средства.

– Ты лжешь… – хрипло повторил Иван.

Станислав насупился.

– Хочешь испортить мне настроение?

– Ты лжешь. Эти импланты не спасут никого – скорги отключаются за Барьером.

– В том и фишка моих исследований, – самодовольно ответил Радич. – Я ведь не зря расположил базу в центре огромной аномалии. Знаешь такое выражение «глаз циклона»?

– Ну?

– Мы в центре аномалии. По аналогии с известным атмосферным явлением здесь царит настоящая тишь. Никакого энергополя. Скорги впадают в «спящий режим» уже через несколько часов, как только попадают сюда. Великолепные условия для организации базы и проведения исследований. Моим людям не грозит инфицирование, автоны тут не растут, а дикие микромашинные комплексы полностью зависимы от моей воли. Они получают ровно столько аномальной энергии, сколько необходимо для постановки экспериментов и поддержания некоторых производств.

Создал плацдарм в зоне отчуждения? Иван осмысливал информацию, неприязненно глядя на Радича, чтобы тот не заподозрил, сколь важны для Шершнева полученные сведения и как велика его решимость любыми способами донести их до сведения командования группировки изоляционных сил.

– Сталкеры-мнемотехники в подавляющем большинстве самородки, не имеющие представления о системном, научном подходе к технологическим задачам. Да, в отчаянной борьбе за выживание они научились стабилизировать дикие агломерации наномашин, написали программы для создания колоний-скоргофагов, создали на основе нанитов с десяток полезных устройств.

– А ты, надо думать, шагнул дальше? – Шершнев постарался, чтобы издевка в его голосе задела Радича.

– Тупой вояка… – Станислав клюнул на провокацию, нервно, порывисто встал, прошелся по пространству виртуального перекрестка, остановился подле замысловатого сплетения ржавых труб, затем, уняв

эмоции, обернулся.

– Сталкеры озабочены только проблемами собственного выживания! – резко заметил он. – Ни один мнемотехник не проводит настоящих исследований! Никто из них, даже в отлично оборудованных лабораториях Ордена и Ковчега, ни на секунду не задумался о главном аспекте, который является ключом к проблеме: исходные колонии наномашин созданы нами!

– Это известно любому сталкеру. – Шершнев старался поддержать разговор, показать скептическую заинтересованность, вызвать Радича на откровение, какого от наемника не добьешься и под пыткой. Уязвленное самолюбие, помноженное на иллюзию полной власти над собеседником, в сумме давали неплохой шанс узнать истину, получив ее из первых рук.

– Исходные колонии созданы нами, а разнообразие видов диких скоргов лишь следствие замысловатых смешений частиц с различным функционалом! При правильном подходе к проблеме их легко классифицировать, ими можно управлять, культивировать, создавать новые виды, изготавливать миллионы полезных приспособлений…

– …которые бесполезны за Барьером, – вновь подогрел ситуацию Шершнев. – Ты считаешь сталкеров ленивыми тупицами, которые ходят по золотым россыпям и не видят, что у них под ногами? Ошибаешься. В борьбе за выживание они используют все важные свойства наномашин. А что до количества и разнообразия имплантов, то сочетания уже созданных наборов оптимальны. Нет смысла плодить модификации.

– Нет смыла?! Да в этом и заключен смысл настоящего исследования! Что толку достичь мизерного результата и остановиться? Нет. Иначе мы до сих пор летали бы на фанерных самолетах!

Иван не узнавал Радича. Сейчас перед ним был уже не наемник, не убийца, работающий за деньги, ставящий власть и материальное благополучие во главу угла всей жизни. Он изменился, задатки ученого, когда-то вытоптанные, теперь вновь пошли в рост, но сути это не меняло. Радич нашел себе иную цель, но средства ее достижения остались прежними.

– Я сломаю стереотипы мышления, – тем временем продолжал Станислав. – В том числе и твои, майор.

– Не хватает собеседников? – поддел его Шершнев.

– Представь – не хватает! – Радич вернулся, сел на край выщербленной пулями ступени. – Думаешь, я не вижу, чем ты сейчас занят? Тянешь из меня информацию, лихорадочно соображая, как вырваться? Забудь. Только время попусту потратишь.

– Это почему?

– Либо проникнешься моими идеями, либо банально сдохнешь! – вновь раздражаясь, ответил Радич. – Перестань тупить! Ты в моих руках!

Иван сделал вид, что вынужденно кивнул, соглашаясь. Радич действительно выиграл раунд, но не весь бой. Хотя ему вовсе незачем знать об этом.

– Вы спрятались друг от друга! – тем временем продолжил Станислав. – Как страусы, воткнувшие голову в песок! Одни тут, другие там, за Барьером. Внешний Мир тешит себя иллюзией «стабилизированных зон отчуждения», сталкеры по большинству смирились с безвыходностью ситуации, признав, что после заражения скоргами способны выжить только тут.

– И кто же не прав?

– Все! – Радич пренебрежительно фыркнул. – Барьеры не вечны!

– Но они существуют уже много лет… – попытался возразить Иван.

– Брось. Я же попросил: не тупи! Даже в Ордене, где нет настоящих ученых, сумели предположить, что источником пульсаций является звезда, состоящая из скоргиума! Она расположена за миллиарды световых лет отсюда, может быть, в ином измерении, это не имеет принципиального значения. Важно, что она связана с Землей через узел образовавшихся в результате экспериментов Сливко гипертоннелей и, значит, именно она влияет на все, определяет наше будущее, понятно?

– Не совсем, – признался Шершнев.

– Ну, конечно, ведь, как и большинство сталкеров, ты далек от науки. Хорошо, приведу простой пример: вспышки на солнце. Надеюсь, это явление тебе известно и понятно?

– Ну да.

– Наше солнце периодически выбрасывает в космическое пространство часть фотосферы в виде плазменных протуберанцев. В результате частицы ионизированного газа достигают атмосферы Земли, провоцируют возмущения геомагнитного поля. Но это мизерные проявления звездной активности. Теперь представь звезду, состоящую из скоргиума. Она нестабильна, в результате ее «вспышек» освобождается огромное количество энергии, которую мы называем аномальной. Неподалеку от звезды расположена точка разрыва метрики пространства. Если говорить проще – постоянно открытый гипертоннель. Через него энергия скоргиума проникает в Узел, а оттуда выплескивается в отчужденные пространства. Пока звезда находится в стабильном состоянии, Узел всего лишь «фонит», перехватывая энергию, сравнимую с солнечным ветром нашего родного светила. Но как только там происходит

вспышка, здесь зарождаются волны пульсаций, заметь, – одновременно во всех пяти зонах отчуждения! Сила пульсаций, которую принято определять, наблюдая за причиненными валом аномальной энергии разрушениями, варьируется. Вслед за первым ударом пульсации начинаются вторичные явления – такие как перенос вещества из одного пространства в другое. Но я отклонился от темы. Исследования эволюционировавших наномашинных комплексов ясно указывают: там, где расположено скопление скоргиума, время течет иначе. Наномашинам, выброшенным первой пульсацией в то пространство, понадобились сотни тысяч, а может, и миллионы лет, чтобы перейти на новый источник энергии. Теперь они зависимы от излучения скоргиума, как древний тостер зависим от наличия электричества в сети здания. Пример понятен?

Шершнев кивнул.

– Заметь, использование аномальной энергии не уничтожило программное обеспечение нанитов. Они по-прежнему реагируют на воздействие, что и позволяет мнемотехникам создавать различные импланты. Дикие скорги – это сырая глина. Заново изучив их, получаешь абсолютную власть над техносом. Способность не только управлять случайно возникшими изделиями, но и создавать свои. Но главное, в чем я уверен, – Барьеры не вечны. Одна Сверхпульсация создала их, другая, не менее мощная, способна уничтожить. Через день, год или в отдаленном будущем произойдет еще одна катастрофа, и технос вырвется из резерваций. Либо возможен другой вариант: разрыв метрики пространства закроется, исчезнут гипертоннели, и тогда Барьеры, не получая постоянной подпитки «фоновой» энергией Узла, перестанут существовать как явление. Наномашины отключатся, а все население отчужденных пространств погибнет. В том числе и сталкеры.

– Мрачная перспектива.

– Это наше будущее. Вы пытаетесь остановить поток техноартефактов, тормозите исследования, но катастрофа пятьдесят первого дала человечеству уникальный шанс. Мы можем измениться, использовать эволюцию техноса как импульс в развитии. Обуздать нанокомплексы, заново приручить их, открыть для себя массу новых возможностей.

– К чему ты клонишь?

– Мир меняется. Планета медленно погибает. И я, и ты прекрасно знаем, как это происходит. Мы были по разные стороны баррикад, но наблюдали одни и те же события. Гибнет биосфера. На смену ей приходят города-муравейники. Миллионы людей остаются за бортом жизни,

растущему в числе человечеству не хватает ни продовольствия, ни энергии, ни пресловутого жизненного пространства. Здесь, в зонах отчуждения, решение всех проблем. На отравленной земле, где биосфера постепенно замещается техносферой, уже через поколение будет невозможно выжить без имплантов, без новых источников энергии, без киборгизации наших организмов. Засунув голову в песок, мы дождемся лишь гибели, не решим ни одной проблемы, хотя в потенциале способны совершить немыслимый прорыв, достичь других звезд!

Радич искоса взглянул на Шершнева.

– Перед грядущими потрясениями не устоит ни твоя система, ни корпорации, на которые я работаю.

– И что ты задумал? Кинуть своих работодателей?

– Они обречены кануть в прошлое. Все изменится слишком круто, потрясения будут слишком серьезны. Я хочу подготовиться к ним. Стать человеком совершенным. Деньги уже практически утратили смысл. Только технологии скоргов дадут настоящую власть в новом мире.

– Все-таки власть? А я уж начал думать об альтруизме.

– Все насмехаешься? Почему?

– Ты ни в чем не знаешь меры, Радич. Мне казалось, что в отчужденных пространствах уже есть один маньяк, прочно занявший свою нишу. Но ты будешь похлеще Хистера. Ты убивал сотни людей ради сомнительных экспериментов еще до катастрофы. Скольких ты убьешь сейчас?

– Неважно, – отмахнулся Радич. – Научно-технический прогресс прожорлив. Те, чью смерть мне инкриминируют, все равно погибли бы, если не от голода и климатических катаклизмов, так в бессмысленной бойне за еду или клочок орошаемой пустыни.

– А их смерть в лабораториях что-то дала?

– Ну ты же застрелил меня, Шершнев. А я, как видишь, выжил, хоть и пришлось носить на груди не доведенного до ума кибернетического симбионта.

– Зачем ты излагаешь мне вероятности? В чем твой интерес, Радич? Доставляет удовольствие моя беспомощность?

– Я собираюсь выжить при любых катастрофических раскладах. Для меня не важно, станет Земля одной большой аномальной зоной или отчужденные пространства исчезнут. Моя цель – идеальный комплекс имплантов, способный работать только на энергии человеческого тела!

– И ты готов убить в своих лабораториях столько сталкеров и «мотыльков», сколько потребуется для получения результата?

– Да. И ты меня не остановишь. Мы были врагами, согласен. Но ситуация изменилась. Я не стал бы разговаривать с тобой, но ты мне нужен.

– Зачем? Я и так в твоей власти.

– Расходного подопытного материала у меня хватает.

– Но в единомышленники я не гожусь.

– А подумать не хочешь? Мне нужны подготовленные, опытные, решительные бойцы. Просто включи логику, Шершнев. Обдумай все услышанное. Оцени предложенный выбор. Может быть, рассудок подскажет, что я прав?

– Я подумаю. Хотя по-прежнему не понимаю, как ты собираешься использовать скоргов за Барьером? Ведь им недостаточно энергии наших организмов!

– Этого я тебе не скажу. Рановато. Ты еще ничем не заслужил моего доверия. А чтобы думалось лучше, скажу: тебя действительно имплантировали. Ты в экспериментальной группе. Не примешь быстрого решения – скорее всего умрешь. Попытаешься солгать, надеясь играть со мной, – тем хуже для тебя. Импланты в твоем организме позволят выжить в отчужденных пространствах, но при работе они станут причинять тебе такую боль, что сам приползешь назад, молить меня о смерти.

– Тебя?

– Меня, Шершнев, меня. Сам ты ничего поделать не сможешь. Решишь застрелиться – скорги тебя вытащат и с того света. Попробуешь еще раз – снова воскреснешь. Если тебе нужны грабли, чтобы расшибить себе лоб, – я освобожу тебя.

Иван понял – более внятной и конкретной информации от Радича не добиться. Но соглашаться на его условия при только что полученном предупреждении – безрассудно. Постоянная боль, от которой нет спасения, способна сломить любую волю. А становиться марионеткой Радича Ивану вовсе не улыбалось. Нужно искать другой путь.

– Я подумаю, – повторил он.

– Давай, но недолго. Да, и не рассчитывай на помощь мнемотехников. Я прекрасно осведомлен, что они контактируют друг с другом. Просто не препятствую их общению – пока у них остается иллюзорная надежда на побег, они стараются вести себя покладисто, старательно выполняя порученную работу.

«Уже зацепка», – подумал Иван.

– Я не очень-то на них рассчитывал, – произнес он.

Радич ничего не ответил.

Иван обернулся, но рядом уже никого не было. Станислав исчез, его

фантом растворился, не оставив и следа своего пребывания на пространстве виртуального перекрестка.

Плохо дело… Но выход нужно искать…

Глава 5

За границей Барьера…

– Ну все, лейтенант, дальше нам не по пути. – Водитель «Муромца» притормозил у перекрестка. Главная дорога была проложена недавно, она тянулась вдоль Барьера, огибая его внешний периметр на почтительном расстоянии, второстепенная, изрытая траками гусениц, пересекала поле и углублялась в мрачный неприветливый лес.

– Спасибо. Выручил. – Рыжов спрыгнул с подножки, забрал из кабины объемистую спортивную сумку.

«Везет лейтенанту. В отпуске побывал», – подумал водитель.

Дверь кабины захлопнулась. Тяжелый армейский грузовик плавно тронулся с места и покатил дальше. Рыжов некоторое время смотрел ему вслед, затем повернувшись зашагал к опушке леса.

Две недели он скрывался в захолустном городке, километрах в пятидесяти от Барьера. Хорошо, что деньги, документы – все оказалось при нем на момент бегства из части. Вообще-то, перед боевым выходом положено оставлять лишь личный чип, для остального имелись специально оборудованные сейфовые ячейки в офицерском общежитии, но при царящем в батальоне бардаке на такие мелочи никто внимания не обращал.

Спецпропуск, дающий право перемещения в границах прилегающей к Барьеру внешней зоны отчуждения, и пара кредитных карточек помогли Рыжову успешно скрыться. До городка, название которого он поначалу не запомнил, лейтенант добрался на попутках, некоторое время скрывался буквально под носом у военной комендатуры, в заштатной гостинице, где к постояльцам относились с полным безразличием. Есть деньги – живи, нет – попутного ветра.

Несколько дней Рыжов пил, снимая стресс.

На четвертые сутки, больной от жестокого похмелья, он задумался: что дальше?

Опухший, в грязной гражданке, купленной в соседнем магазине, но уже замызганной во время беспробудной пьянки, он сидел на краю двуспальной кровати гостиничного номера, мучаясь от головной боли, страха и неопределенности своего положения.

«Да, как веревочке ни виться… И что теперь делать?» – мрачно размышлял он. Денег, заработанных на контрабанде артефактов, надолго не хватит. Потопейко, сволочь, платил по минимуму. Все призрачные

надежды, что теснились в воспаленном сознании Рыжова, так или иначе были связаны с загадочным контейнером, который ему удалось припрятать.

Нужно тайком вернуться в часть.

«Но ты даже не знаешь, что внутри», – попытался урезонить лейтенанта внутренний голос, но у Рыжова тут же нашелся встречный аргумент, похоронивший остатки здравого смысла: десять матерых наемников синдиката погибли, отчаянно защищая груз. Не побоялись вступить в бой с армейской колонной, хотя легко могли бы бросить контейнер и уйти от столкновения.

Нет, там внутри что-то очень ценное. Скудное воображение Рыжова откровенно буксовало, когда он пытался интуитивно представить, что за артефакт достался ему по случаю. Дальше горсти н-капсул, собранных с какого-нибудь редкого металлорастения или плененного механоида небольших размеров, фантазия не шла.

«Нет, там что-то другое. Более ценное», – убеждал себя лейтенант.

Дело за малым. Вернуться, забрать кофр и проверить его содержимое. А уж покупателя я найду, что бы там ни оказалось внутри.

…Шагая в сторону леса, Рыжов испытывал оторопь. Он рассчитывал выйти в расположение батальона глубокой ночью и сейчас, в медленно подкравшихся сумерках, невольно вздрагивал от каждой тени или шороха. Лес, сильно пострадавший во время катастрофы пятьдесят первого, почти вплотную примыкал к свалке техники. Проселочная дорога была проложена самоходными грузовыми платформами, доставлявшими всякий металлический хлам от железнодорожной станции к месту складирования.

Рыжову было наплевать на исследования ученых. За год службы он интересовался только артефактами.

Лес расступался просекой. Среди старых деревьев, накрененных в противоположную от Барьера сторону, за истекшие годы густо разросся кустарник. Дорогу никто не охранял, она даже на картах не значилась, а после того как ученым урезали финансирование, на свалку техники уже не доставляли новые образцы, так что встретить здесь патруль либо нарваться на колонну Рыжов не опасался.

Оторопь внушал сам лес. Казалось бы, чего бояться лейтенанту, регулярно участвовавшему в рейдах через Барьер?

Тем не менее Рыжов трусил. Без экипировки и оружия он чувствовал себя голым, беззащитным. Частые вылазки в отчужденные пространства серьезно деформировали психику. За Барьером разрешалось открывать огонь по любой тени, и это правило, призванное сохранить жизнь, становилось опасной привычкой, грань между отчужденным

пространством и Внешним Миром постепенно истончалась, а затем и вовсе исчезала.

Лес становился все мрачнее. Старая просека порядком заросла, в темноте чудились зловещие силуэты, несколько раз Рыжов сбивался с пути, забредал в колючие заросли ежевики, ему казалось, что прошла целая вечность, прежде чем за деревьями забрезжил скупой свет нескольких фонарей, освещающих территорию части.

Выйдя на опушку, он затаился, некоторое время наблюдал, пока не уверился – все спокойно, нет никакого усиления режима, дополнительных постов или патрулей. Все как обычно. Даже странно, учитывая события двухнедельной давности.

До ангаров – рукой подать. Они обычно не охранялись, отреставрированные механизмы, приносимые в жертву техносу ради получения крупиц данных, числились на балансе исследовательского отдела, ученые сами несли ответственность за сохранность своих «изделий». Видимо, ситуация ничуть не изменилась, по крайней мере подле ангаров лейтенант не заметил никакого движения. В принципе все понятно. Злодеев арестовали, проверка уже наверняка завершилась, и все вернулось на круги своя.

Он выбрался из кустарника и, крадучись, направился к ближайшей постройке.

Вокруг стояла звонкая тишина, лишь в отдалении, у блокпоста, слышался невнятный гул работы двигателя боевой машины. Призрачный свет Барьера заливал окрестности. Рыжов перешел с шага на бег, осмелел, чувствуя, что все пройдет удачно.

Вот и заветный ангар.

Обойдя его, лейтенант нашел дверь запасного выхода, через которую бежал две недели назад, приоткрыл ее, невольно съежившись от протяжного скрипа проржавевших петель, заглянул внутрь.

Темно, сыро и тихо.

Вот и хорошо… Рыжовым овладело лихорадочное возбуждение. Он и не думал, что все пройдет так просто. Ожидал встретить усиленные караулы, переживал, что уже назначили нового командира батальона, который с рвением начнет исправлять недоработки Петренко, но, к своему облегчению, ошибся.

Пыльные стеллажи с разобранными на детали механизмами, остов трактора, установленный на подъемнике, знакомая гора промасленной ветоши…

Он присел, запустил руки под стеллаж, нащупал торец контейнера.

На месте.

По спине струился холодный пот. Но ничего, скоро все закончится. Рыжов с усилием потянул кофр, тот сдвинулся с мягким царапающим звуком.

Освободив добычу от ветоши, он вновь обратил внимание на три индикационных сигнала, просвечивающих сквозь пластиковую поверхность.

Теперь они трепетали злобными ярко-красными искорками.

Рыжов вдруг почувствовал необъяснимое беспокойство. Цвет индикаторов ему не понравился, хотя лейтенант понятия не имел, что за процессы происходят внутри герметичного кофра.

Включив фонарик, он тщательно осмотрел контейнер. Должна же тут быть какая-то система замков. Наверняка спрятанный внутри артефакт легче и компактнее защитных оболочек. О нарушении герметичности он не переживал, по-прежнему полагая, что любой аномальный объект за пределами Барьера теряет свои свойства. Или лучше не трогать, забрать в упаковке? Он расстегнул объемистую спортивную сумку, попытался впихнуть в нее добычу, но не вышло, кофр оказался длиннее и никак не хотел помещаться внутри.

Проклятье… Все же придется вскрывать на месте. Он выпрямился, осветил стеллажи лучом фонаря. Взгляд остановился на кувалде. Нет. Наделаю шума.

Рыжов снова склонился над злополучным кофром. Просвечивающие сквозь наружный слой пластика индикаторы навели его на мысль о сенсорной панели управления. Контейнер был испачкан грязью, и он, взяв кусок ветоши, принялся вытирать его, внимательно исследуя очищенные участки полупрозрачного дымчатого покрытия.

Точно. Так и есть!

Сквозь поверхность проступили очертания сенсорной панели управления. К досаде Рыжова, обозначения на сенсорных кнопках выглядели совершенной бессмыслицей. Какие-то пиктограммы.

«Ладно. Буду пробовать по очереди. Может, что и получится. Ну а если не выйдет вскрыть контейнер, оттащу его в лес, там и кувалдой можно разбить, никто не услышит».

Прикосновение к первой пиктограмме верхнего ряда тут же дало неожиданный эффект: внутри кофра что-то щелкнуло, затем раздался напряженный гул, словно от работы трансформатора, и вдруг…

Он отшатнулся, едва не заорав.

Взгляд Рыжова похолодел, внутри все сжалось в ледяной комок, лицо

покрылось капельками пота – он увидел слабую зеленоватую ауру, словно кофр начал светиться.

Для тех, кто бывал в отчужденных пространствах, с понятием «смертельная опасность» прочно ассоциируется именно такое изумрудное, холодное, неживое свечение.

– Нет… Не может быть… – Лейтенант попятился, мгновенно забыв обо всем – о деньгах, амбициях, горячечных мечтах. Зеленоватое мерцание пригасло, стало менее ярким, но начало стремительно разрастаться, разделяясь на переливающиеся полосы – именно такой визуальный эффект вызывало аномальное излучение энергополей!

Рыжов почувствовал, как ноги стали ватными. Ужас парализовал его, разумом лейтенант понимал – надо бежать сломя голову, как можно быстрее и дальше.

«Господи…» – Запоздалое раскаяние уже не могло помочь, зеленоватое мерцание коснулось его лица, рук, груди, словно зловещая сила благодарила жадного и недалекого лейтенанта за его несравненную тупость, – думая только о деньгах, он, сам того не ведая, вывез через Барьер то, что никогда, ни при каких условиях не должно было покинуть границ отчужденного пространства.

Ноги Рыжова подкосились, он рухнул на колени, уперся ладонями в пол, что-то бессвязно бормоча себе под нос.

За стеной ангара, в соседнем помещении, куда уже проникли сполохи зеленоватого мерцания, внезапно что-то зашевелилось, ожило.

Царапающий звук почти мгновенно превратился в грохот, металлическую стену разорвало, словно лист бумаги, и на простор пустующего ангара выкатилось несколько шипастых шаров.

Они устремились к излучающему свет контейнеру, но не врезались в него, а плавно затормозили, изменив направление, теперь миниатюрные версии перекати-зон начали кружить вокруг источника аномальной энергии, жадно поглощая ее…

Рыжов заорал от боли, когда острые шипы пронзили его.

Через минуту шипастые полуметровые шары прекратили жуткий хоровод, обратив внимание на распростертое в луже крови тело лейтенанта.

В его ранах поблескивала серебристая субстанция, попавшая туда с игл, в момент, когда они пронзали плоть.

Перекати-зоны подобрались ближе, окружили потерявшего сознание человека, и вдруг от них к серебристо-кровавым ранам потянулись тонкие энергетические разряды, похожие на извивающиеся ниточки. Часть из них соприкоснулась с поблескивающей в глубине ран серебристой субстанцией,

издавая характерный, напряженно вибрирующий звук, другие коснулись лица, ощупывая его, затем внезапно полыхнула яркая вспышка, тело Рыжова выгнулось, глаза выкатились из орбит, на губах выступила пена.

Рот лейтенанта исказился в безмолвном крике, а через секунду все закончилось, он обмяк и уже не двигался.

Зеленоватое сияние, стремительно проникая через тонкие материальные преграды, уже охватило два соседних ангара, сполохами потянулось к ближайшей груде металлического лома.

На территории сто семнадцатого батальона назревали события, каких еще не знала история отчужденных пространств.

Пустошь. База наемников…

– Эй, ты куда запропастился, тварь ленивая?! – Зычный окрик наемника, возглавлявшего внутренний караул, застал Упыря врасплох. Он только задремал, найдя тихий закуток, и вот на тебе. Издеваются, сволочи!

– Да тут я… – Торговец уже не пытался выказывать норов. Затаил дикую злобу, но терпел, веря, что подходящий случай для мести и бегства ему обязательно подвернется.

– Одежда почему нестираная? – Рев рыжеволосого детины раздавался по всему ангару, приспособленному в качестве казармы для боевиков.

– Иду, иду!

Упырь, старчески шаркая ногами, брел по коридору. В ангаре кроме спальных помещений располагались медпункт и столовая. Двери были открыты, никто и не думал запирать их на ночь.

Он остановился, переводя дыхание.

За две недели его практически уничтожили. Такого унижения Упырь не испытывал никогда. К тому же без аномальной энергии отключились импланты и навалилась настоящая немощь.

«Сдохну… Не выдержу…» – Он тяжело оперся о косяк двери, ведущей в медпункт.

На глаза попался бокс с медикаментами. Некоторые упаковки он узнал сразу. Одна из них содержала боевой стимулятор. Обычно старик на такие сомнительные с точки зрения метаболического импланта препараты внимания не обращал, но теперь все изменилось.

Он воровато огляделся, проскользнул внутрь, схватил две стерильные упаковки с разовыми инъекторами.

«Станет невмоготу – введу себе, может, хоть сколько-то этих тварей положу…» – промелькнула мысль.

Сейчас рыжий опять орать начнет.

Внезапно ангар наполнился неожиданным звуком – взвыла сирена тревоги!

Упырь от неожиданности присел, а когда из спальных помещений начали выскакивать боевики – вжался в стену, чтобы не сбили с ног и не затоптали ненароком.

На Упыря никто не обратил внимания, с улицы донеслись крики, затем раздался гул двигателей вертолетов.

Непонятно, что произошло.

Старик доковылял до окна, выглянул. Вертушки одна за другой взмывали в ночное небо. Торговец едва поверил собственным глазам. Неужели ему улыбнулась судьба? Он увидел, как Радич и Зигмунд спешат к очередному вертолету. На стоянке осталась лишь одна машина, резервная, все остальные покинули лагерь!

Значит, здесь осталось всего человек десять из состава внутреннего караула?

Это был шанс. Если не отомстить, то бежать.

Он сжал во вспотевшей ладони упаковку со стимулятором. «Нельзя действовать сгоряча. Нужно осмотреть территорию, может, сумею найти, где они хранят оружие?»

Злоба душила Упыря. Он чувствовал собственную немощь, и в мысли закрадывалось сомнение: смогу ли перебить караул и выбраться отсюда?

«Вертолетом я управлять не умею… – лихорадочно соображал он. – А может, использовать те странные машины, что видны в обособленном, обычно хорошо охраняемом секторе базы?»

Он выбрался на улицу и, никем не замеченный, перебегая от укрытия к укрытию, начал пробираться к так называемой промышленной зоне.

* * *

Звездная ночь.

Редчайшее явление в отчужденных пространствах.

Россыпи холодного огня выглядят тусклыми, знакомые с детства очертания созвездий искажены незримым в данный момент куполом Барьера.

Лунный свет заливает обширную площадь поделенного на сектора лагеря наемников.

Не лучшее время для диверсий, но выбора нет.

Упырь, собравшись с силами, быстро перемещался от укрытия к укрытию. Со стороны он выглядел как мистическое порождение потустороннего мира, в лунном свете сгорбленная фигура старика больше

походила на зверя, использующего четыре лапы для стремительных рывков.

Вокруг возвышались могучие металлические деревья. Сотни гибких, иногда пульсирующих лиан свисали к земле, причудливо изгибались, срастаясь с телами подопытных либо вливаясь в корпуса выращиваемых механизмов.

Энергоблоки, набранные из артефактных накопителей, таинственно светились, разгоняя сумрак. Невнятный скрежет металлических ветвей скреб по нервам. Редкие фигуры часовых неторопливо перемещались от сектора к сектору, то исчезая во тьме, то появляясь в призрачном свете.

Упырь замер.

Тяжелые шаги приближались, и он спрятался за корпусом легковой машины.

С ума сойти. За две недели рабства он насмотрелся всякого, но ночная вылазка в промышленную зону лагеря наемников впечатляла. Десятки металлических деревьев, расположенных симметричными рядами, скрывали в тени лениво искрящих крон удивительные объекты. Поначалу Упыря, знающего толк в техноартефактах, поразила их кажущаяся бесполезность, но интуиция торговца тут же сделала поправку на несомненную коммерческую ценность изделий. Витиеватая металлическая мебель, плавные аэродинамические обводы корпусов спортивных машин, различного рода безделушки, гроздьями украшающие ветви некоторых древовидных автонов, – все это выглядело бесполезным для использования в отчужденных пространствах, но стоит переправить выращенные тут товары за периметр Барьера, и каждый предмет уже не будет представлять угрозы, зато приобретет баснословную стоимость.

«Вот зачем наемники содержат в рабстве нескольких мнемотехников, – догадался Упырь. – Хотя производство штучных артефактных изделий для корпораций Внешнего Мира скорее всего побочный продукт либо ширма, скрывающая за собой истинные, но неочевидные для стороннего наблюдателя исследования».

Злоба, смешанная со страхом, кипела в душе Упыря.

Его унизили, смешали с грязью, но сопротивляться силе неодолимых обстоятельств он не мог. На территории огромной базы не работали импланты, здесь вообще отсутствовали признаки энергополя, каждое металлическое дерево питалось от артефактных накопителей, которые периодически меняла специальная команда наемников.

Шаги стихли. Часовой остановился в нескольких метрах от затаившегося Упыря.

Он отлично видел освещенную лунным светом фигуру, закованную в тяжелую сервоприводную броню.

Первоначальный план добраться до промышленных секторов, завладеть «сердцем зверя» и оружием, зарядить собственные импланты, перебить караул уже не казался таким очевидным, простым, как некоторое время назад. Что толку? Вокруг металлический лес, известный как аномалия «Призрачный Город». «Ну вырублю часового, вырвусь в «жестянку», а дальше? Как пройти через металлический лес, где полно разных тварей?

Угнать вертолет».

Мысль здравая, но вот управлять летающими машинами Упырь не умел. Взять под контроль механоида средних размеров старик бы смог, а разобраться с аппаратом, в котором нет колоний нанороботов, оказывается, выше сил и возможностей обитателя отчужденных пространств.

Что же делать?

«Вернуться в казарму, снова выносить отходы, драить полы, надеясь на милость отморозков из Внешнего Мира, так вольготно обосновавшихся в самом центре опаснейшей аномалии? Нет уж. Они меня не выпустят, продержат тут, пока не сдохну…»

О собственной жадности, что привела его в ловушку, Упырь не вспоминал. Что толку? Выход нужно искать.

Часовой тем временем развернулся, зашагал обратно.

Упырь дождался, пока массивная фигура скроется во тьме, выглянул из своего укрытия.

Ближайшее металлическое дерево окружали непонятные выпуклые образования каплевидной формы.

Низко пригибаясь, он подобрался поближе. Любопытство на миг пересилило страх. Плетение металлических лиан, образующих каплевидную форму, оказалось неплотным, сквозь прорехи можно рассмотреть, что заключено внутри одного из странных коконов.

Упырь последовательно изучил несколько сросшихся с металлическим деревом образований, пока лунный свет, падая под углом, не позволил ему рассмотреть содержимое одного из них.

Торговец вздрогнул, увидев бледные осунувшиеся черты лица… сталкера!

Он инстинктивно отпрянул, затем вновь подался к прорехе. Мнемотехник? Имплантов не видно. И лицо кажется знакомым. Где я его видел?

Озарение пришло, как вспышка.

Шершень! Точно он!

Упырь воровато осмотрелся по сторонам, лихорадочно соображая, какую пользу можно извлечь из сделанного открытия.

Пока взгляд шарил по окрестностям, пальцы рук скользили по ребристой поверхности «саркофага».

«Ага. Он открывается. Уже лучше. Ну, допустим, освобожу его. Что это даст?»

Упырь вновь заглянул внутрь тесного узилища. Импланта с клеймом Ордена он не заметил. На виске ни царапины. Это как понимать?! Я же видел своими глазами, был у него расширитель сознания!

На память старик не жаловался, свою недавнюю встречу с Шершнем возле схрона помнил в деталях. Он еще тогда показался странным. Слишком решительно действовал. Да и с умирающим мнемотехником повел себя совершенно неадекватно.

Он не сталкер!

Значит, имплант был внешним, имитацией, способной обмануть сканеры. У обычных «мотыльков» все жизнеобеспечение завязано на экипировку. Выходит, версия о диком старателе тоже отпадает? Тогда кто он? Разве что военный?

Мысль не лишена оснований.

Упырь продолжал лихорадочно соображать.

Бойцы изоляционных сил поодиночке в отчужденные пространства не ходят и под сталкеров не маскируются. Если только он не выполнял особого задания. Уже теплее. Знать бы наверняка, чтобы не ошибиться.

А как проверить?

Рука Упыря машинально коснулась украденного в медицинском блоке шприц-тюбика со стимулирующим препаратом. При неработающем метаболическом импланте он собирался ввести себе дозу боевого стимулятора, но сейчас решение созрело мгновенно. Все равно нет иного способа привести Шершня в чувство. Шанс мизерный, но действовать самому – вообще не вариант.

Упырь унял дрожь, просунул руку внутрь кокона и вогнал боевой стимулятор в обнаженное предплечье Шершня.

* * *

Из состояния небытия Ивана вырвала вспышка боли.

В первый миг он испытал чувство полнейшей дезориентации, не понимая, где находится и что происходит.

Затем боль понемногу начала отступать, багровый туман рассеялся, и

он увидел блеск часто переплетенных между собой побегов металлорастения.

Попытка пошевелиться не удалась. Что-то удерживало его.

На фоне мрака внезапно появилось смутно знакомое лицо. Оказывается, в сплетении металлических ветвей было несколько прорех.

– Шершень, – раздался сдавленный сиплый шепот. – Слушай внимательно и отвечай быстро. Иначе так и сдохнешь внутри кокона. Понятно?

Упырь!

Появление торговца граничило с мистикой. Еще одна каверзная выходка Радича? Продолжение бредовых видений?

– Федор Тимофеевич… – с трудом выдавил Шершнев. – Ты… как тут оказался?..

– Ага, очнулся! – Упырь заметно повеселел, хотя и нервничал изрядно. – В плен меня захватили. Наемники. А теперь отвечай быстро и честно – ты военный?

Иван с трудом повернул голову.

Он находился внутри металлического кокона. Оценив ситуацию, Шершнев понял – без посторонней помощи не выбраться.

– Допустим, военный.

– Вертолетом управлять умеешь?

– Да…

Кровь горячим током струилась по жилам. Все тело покалывало, затем начались ощущения жжения, будто живым опускали в кипяток. Знакомые симптомы. Не иначе как боевой стимулятор.

– Шершень, у нас очень мало времени.

– Тогда… по существу… – Иван сделал над собой усилие, стараясь сосредоточиться на лице старика.

– Мы на базе наемников.

– Не новость…

– Здесь неподалеку есть вертолетная площадка. – Упырь говорил, постоянно озираясь. – Я видел одноместную машину. Легкая, из пластика. Скорги такому вертолету нипочем. Я бы сам сбежал, да управлять не умею. А пешком через «жестянку» не пройдешь, вокруг аномалия.

– Твои… предложения?..

– У меня есть еще одна доза стимулятора. Я могу открыть кокон. Ты доберешься до вертолетной площадки. Наемников вокруг немного, недавно большинство из них куда-то рванули, по тревоге. Обещай, что свяжешься с полковником Фирсовым. Он мне должен. Пусть пришлет сюда бойцов.

– Это твой план?

– Других вариантов нет. Сам я бежать никак не могу.

– А мне поверишь… на слово?

– Придется… Ты вот что, Шершень, если согласен, говори сразу. Мне нужно время, чтобы тихо вернуться в барак. Не хочу, чтобы меня заподозрили, понял? Камеру я открою, но ты выждешь минут пятнадцать. Дальше твои проблемы. Где расположены вертолетные площадки, покажу.

– Согласен… – выдавил Иван. Упустить такой шанс он не мог.

– Тогда держись! – плеча коснулось что-то холодное, затем огонь окатил тело, заставив мышцы рефлекторно сокращаться. – Колпак я открыл, – теперь голос Упыря долетал издалека, словно через слой ваты. – Выберешься, двигай к скоплению автонов медного цвета. Вертолет там. Удачи, Шершень. Помни, ты пообещал меня вытащить!

Иван ничего не ответил. Не было сил. По мышцам пробегали конвульсии.

Лицо Упыря исчезло. Теперь в прорехе меж металлических ветвей был виден клочок ясного звездного неба.

Он ощущал себя совершенно беспомощным, но чувство быстро прошло, действие второй дозы боевого стимулятора мобилизовало все жизненные силы.

«Я дышу… Мое сердце бьется… Может, Радич врал про имплантированных мне скоргов?»

Ответом послужила дикая вспышка боли.

«Нет, сволочь, не врал…» – Иван чувствовал, как в его голове раскаляются пульсирующие нити.

«Ничего… Справлюсь. Выбраться за Барьер… там скорги бессильны, а медики в центре ВКС что-нибудь сделают…»

Рваные мысли поначалу не складывались в полноценное ощущение окружающего мира, но боль вновь начала притупляться – видимо, решающую роль играло фоновое излучение артефактных накопителей энергии, подключенных к определенным металлическим деревьям, и он, собрав все силы, уперся руками в сплетение металлических ветвей, чуть приподняв каплевидный колпак.

Ночная мгла тянула сыростью, холодом. Упырь не обманул, верхний сегмент приподнялся достаточно легко, теперь Иван смог повернуть голову, осматривая окрестности в образовавшуюся щель.

Группы автонов сочно-медного цвета он заметил сразу. Луна освещала окрестности, играя на различных металлических поверхностях змеящимися узорами бликов. Фигуры часовых, патрулирующих площадь

огромной базы, выделялись темными массивными силуэтами, обострившийся настороженный слух ловил тихие, приглушенные расстоянием звуки шагов и шелест сервоприводов тяжелой экипировки.

Прошло несколько минут, прежде чем Иван почувствовал новый прилив сил. Постепенно возвращалась чувствительность, мышцы, онемевшие от длительной неподвижности, покалывало.

Один из часовых развернулся, направляясь в его сторону, и Шершнев притих, отпустил верхний сегмент своего тесного узилища. Движения позволили ему понять: просто так изнутри кокона не выбраться. При каждом усилии он ощущал, как натягивается кожа во многих местах, краем глаза замечал неприятный блеск множества нитей, соединивших его тело с металлическим коконом.

Рвать их придется с мясом. Другого варианта он не находил, под рукой нет инструмента, чтобы перекусить тонкие проволочки, да и времени в обрез, Упырь не сообщил, который сейчас час и как скоро начнет светать.

Боевой стимулятор заглушил боль, оставался открытым вопрос: насколько глубоко металлические нити вонзаются в тело?

Иван опасался обильной кровопотери и потому действовать начал предельно аккуратно. Дождавшись, пока часовой развернется и удалится по маршруту, он приподнял руку, почувствовал неприятное натяжение кожи, затем сделал резкое усилие.

Боли он практически не ощутил, сопротивление металлических нитей ослабло, на освободившемся запястье выступили мелкие капельки крови. Значит, соединения неглубокие, подкожные. Теперь надо действовать быстро. Неизвестно, каким образом металлическое дерево и сросшаяся с ним капсула отреагируют на потерю контакта с нервной системой узника.

В очередной раз приподняв крышку, Иван рискнул выбраться наружу. Боль обожгла тело, как будто по коже хлестнули крапивой, но сознание осталось ясным, сконцентрированным, он выбрался, перевалился через борт камеры и присел, настороженно оглядываясь.

Никаких признаков тревоги Шершнев не заметил. Вокруг все оставалось по-прежнему. Ни один из наемников не свернул с маршрута, не было слышно криков.

Стояла удивительно теплая, звездная, тихая ночь. Иван только сейчас обратил внимание на полное безветрие. Все стихло, но к добру или худу – непонятно.

Лунный свет сочился сквозь кроны металлических деревьев, заливая окрестности бледным сиянием. Нерезкие размытые тени ложились на землю камуфляжной сетью.

Он ждал, напряженный, безоружный, почти парализованный внезапно вернувшейся болью, согревая себя лишь надеждой, что Радич не лгал, здесь отсутствует энергополе, а значит, боль не та, она пройдет, как неприятный, неизбежный пост-эффект длительной неподвижности.

Силы возвращались очень медленно. Тело обдавало жаром, пот выступал мелкими бисеринками, смешиваясь с кровью от множества ранок, усиливая зуд и жжение.

Наконец тишину вновь нарушили тяжелые медленно приближающиеся шаги.

Шершнев медленно переместился вдоль борта металлического кокона, прикрываясь им от вероятного сканирования.

Из полумглы появилась фигура часового. Иван намеренно пропустил его мимо себя, стараясь рассмотреть детали экипировки.

Та же самая модель легкого, но прочного боевого скафандра, выполненного из композитных материалов, какую он уже видел на месте схватки мнемотехника с группой конвоиров. Даже здесь, на территории базы, дымчатое забрало шлема было опущено, значит, наемник использовал системы ночного видения и замкнутый цикл жизнеобеспечения.

Иван сконцентрировался.

Поднимать тревогу не хотелось, но идти голым через половину территории огромного лагеря безрассудно.

«Одна попытка… – мысленно напомнил он себе. – Одна попытка…»

Неслышно ступая, будто тень, он оказался за спиной наемника. Единственное уязвимое место бронескафандра – соединение гермошлема с шейным кольцом. Там расположен прочный, но пластичный уплотнитель, иначе наемник не смог бы поворачивать голову, а он изредка посматривал по сторонам, Иван не зря пропустил его мимо, внимательно наблюдая за движениями противника. Обычно в системе подобных соединений использовались механические ограничители, останавливающие поворот головы на пределе пластичности соединения.

Чтобы сломать шею часовому, ему предстояло приложить усилие, которого не выдержит механизм ограничения. Иван коротко разбежался, прыгнул, обхватил голову опешившего от неожиданности наемника с таким расчетом, чтобы вес его собственного тела придал дополнительный импульс инерции вращения.

Наемник, на свою беду, совершил инстинктивное усилие, пытаясь устоять на ногах. Сервоусилители отработали как положено, что дало Ивану надежную точку опоры, рывок оказался столь силен, что

ограничитель с хрустом подломился, и тут же противник потерял равновесие, падая уже мертвым, со сломанной шеей.

Шершнев не отпустил внезапно обмякшее тело противника, принял его вес на себя, не давая с грохотом упасть.

Еще секунда, и они оба лежали на земле.

Вязкая тишина. Лунный свет струится с небес.

Сердце бешено колотилось в груди. «Упырь, скотина… – промелькнула мысль. – Вкатил лошадиную дозу боевого стимулятора и слинял по-тихому. Спасайте его…»

Иван с трудом разжал пальцы, отпустил гермошлем поверженного противника.

Теперь предстояло быстро снять с него экипировку. А там уже к вертолетной площадке.

* * *

Завладеть бронескафандром оказалось непросто. Минут десять ушло у Шершнева на возню с замками, еще пять – на переодевание.

Подтащив мертвое тело часового к металлической капсуле, он поместил его внутрь, неприязненно заметив, как десятки тонких серебристых проволочек тут же пришли в движение, вонзаясь в остывающую плоть мертвеца.

Сухо щелкнул коммуникатор:

– Двенадцатый, почему молчишь? Уснул?

– Не… На звезды засмотрелся…

– Дебил. Откуда вас только набирают!.. – выругался по связи начальник караула.

Иван мысленно усмехнулся. Повезло. В карауле новички. Плохо знают друг друга, в отчужденных пространствах недавно. Ну да, Упырь же говорил, основные силы наемников спешно покинули лагерь. Что-то произошло.

На последнюю реплику он не ответил, аккуратно поместил на место верхний сегмент каплеобразной металлической капсулы и зашагал назад, по маршруту, который услужливо чертила на проекционном забрале шлема система бронескафандра.

Завладев экипировкой и вооружившись трофейным «Штормом», Иван почувствовал себя увереннее. «Теперь бы добраться до вертолетной площадки без лишнего шума», – подумал он.

БСК работал без сбоев. На территории лагеря сфера эффективного сканирования достигала трехсот метров в диаметре, там, где излучение

соприкасалось с периметром, начинались явные сбои.

Шершнев, двигаясь по маршруту часового, внимательно изучал обстановку. Упырь, конечно, сволочь изрядная, но время для побега он выбрал удачное. Непонятно, куда и зачем отбыли наемники, но в лагере осталось человек десять-пятнадцать. Судя по короткому разговору с начальником караула, службу этой ночью несут новички.

«Что ж. Буду действовать напористо», – мысленно решил он. Главное – завладеть вертолетом, преодолеть Барьер. А там уже армейская операция поставит точку в деятельности Радича. Не нужно усложнять. У Новикова наверняка все готово – действуя быстро, он получит и информацию, и реальные экспериментальные образцы.

Собственная судьба Ивана беспокоила, но не в той мере, чтобы «зависнуть» от противоречий и переживаний. «В границах отчужденного пространства мне долго не выжить», – рассудил он. Зная, что у Радича слова с делом не расходятся, Шершнев не сомневался, что загнется от боли, причиняемой скоргами, раньше, чем успеет разыскать толкового мнемотехника. Нет уж. Лучше госпиталь ВКС, чем медленная агония в «жестянке».

Конечная точка маршрута патрулирования.

Алый маркер моргнул на проекционном забрале гермошлема.

Так, до «медных» автонов сто девяносто метров. Ближайший часовой в пятидесяти шагах. Еще один медленно удаляется. Остальные маркеры рассыпаны по ту сторону вертолетных площадок.

Устраивать бойню в лагере не было ни времени, ни сил. Проверив оружие, Иван переключился на подствольный гранатомет. Разрыв плазменной гранаты вызовет переполох, отвлечет внимание. Он действовал спокойно, методично, не испытывая излишних эмоций. Остановившись, он позволил системе просчитать траекторию выстрела с максимальной дальностью полета гранаты, избрав точкой попадания небольшую проплешину, расположенную вдали от строений и древовидных металлорастений. Граница условного периметра. Как раз то, что нужно для имитации попытки вторжения извне.

Глухой хлопок разорвал тишину. Спустя три секунды окрестности осветил слепящий разрыв. Тугая ударная волна всколыхнула кроны металлических деревьев, наполнив пространство лагеря зловещими скрежещущими звуками, и тут же вспыхнула беспорядочная стрельба – часовые в противоположной части лагеря, сбитые с ног близким разрывом, довольно резво пришли в себя, открыв огонь по предполагаемому противнику. На сканерах у них сплошная засветка, край жестяных

зарослей, опаленный плазмой, тускло светился, создавая помехи. Понять, исходит ли оттуда реальная угроза или в оплавленных автонах нет ни единого «изделия техноса», не сумел бы сейчас даже опытный боец, так что поведение перепуганных часовых Иван оценил на твердую «четверку» – заняв позиции за ближайшими укрытиями, они вели подавляющий огонь в сторону раскаленных зарослей, в надежде, что неведомая сила проявит себя, дав более четкое целеуказание.

Шершнев, переключившись на импульсный автомат, не торопился, наблюдая за реакцией ближайших к нему наемников. Двое явно смещались в сторону эпицентра внезапных событий, и лишь тот, что находился ближе всех, застыл как вкопанный.

Скверно.

Он выждал еще пару секунд, но неопытного бойца, похоже, парализовало от страха. Двигаться к вертолетной площадке, оставляя за спиной перепуганного насмерть часового, способного открыть беспорядочную стрельбу, было бы крайне неосмотрительно, и Иван, не колеблясь, выжал спуск, срубив противника короткой очередью.

Часового развернуло вокруг оси, швырнуло на землю. Сигнал от его датчиков мгновенно стал алым, но, учитывая нестихающую, беспорядочную стрельбу, это лишь играло Ивану на руку.

Начальник караула, пытаясь разобраться в происходящем, вызывал бойцов, но внятных объяснений, естественно, не получал, отчего медленно выходил из себя.

– Двенадцатый! Куда рванул?!

Иван ответил на бегу:

– Седьмого подстрелили!

– Вижу, не слепой! Откуда стреляли?!

– Сейчас, пытаюсь определить… – Иван намеренно задержался подле снятого им же часового. – Стреляли со стороны восьмого сектора!

– Как определил?

– По положению тела.

Командир наемников грязно выругался.

– Всем – прекратить огонь! Сканировать периметр! Номера с первого по пятый – перекрыть восьмой сектор! Остальным оставаться на местах!

Иван тем временем продвинулся еще на пятьдесят метров. Теперь ему была отлично видна разметка пустующих вертолетных площадок. Единственная машина, оставшаяся в лагере, стояла особняком. Наверное, резервная. В любом случае к полету подготовлена.

– Двенадцатый, я же сказал, всем оставаться на местах!

Тридцать метров… Двадцать…

– Куда несешься, спрашиваю?!

Беспорядочная стрельба стихла, теперь Иван привлекал к себе повышенное внимание.

– Сигнатуры! – заорал он. – Не видите вы, что ли?! Ослепли все?! Сталтехи! Восьмой сектор!

Упоминание о самых жутких исчадиях техноса возымело мгновенное действие. Пятеро наемников, отправленных в восьмой сектор, замерли от неожиданности. Говорят, у страха глаза велики, а когда неподалеку светится опушка расплавленного металлического леса, над головой скрежещут кроны древовидных автонов, по земле мечется замысловатый танец теней, то принять игру воображения за действительность не так уж и сложно. Здесь скрыт один из подвохов продвинутых компьютерных систем, управляемых через интерфейс мысленных команд. Нервное возбуждение, страх, разыгравшееся воображение мгновенно забили все остальные сигналы рассудка, бойцам, невольно метнувшимся к ближайшим укрытиям, действительно показалось, что из чащи окружающих лагерь металлорастений выходят зловещие фигуры механической нежити.

Вновь ударили отчетливые очереди. Иван уже вскарабкался в кабину небольшого одноместного вертолета, когда к рокоту двух ИПК добавилась серия гранатных разрывов.

Так, что с управлением?

Беглый осмотр приборных панелей указал на полное отсутствие электроники.

Прекрасно. Все системы механизированы. Схема управления проста и надежна. Двигатель внутреннего сгорания. Корпус из композитного материала.

Другой на месте Шершнева впал бы в ступор. Кибернетические элементы настолько плотно встроены в жизнь современного человека, что механизм, лишенный электроники, вызывает недоумение, растерянность, но Иван отлично знал, как управлять подобными аппаратами, более того, он высоко оценил надежность машины, разработанной с учетом всех негативных воздействий аномальных пространств на современную технику.

Он пристегнулся, завел двигатель, взялся за штурвал управления.

Вертолет оторвался от земли, панорама базы наемников начала проваливаться вниз, отдаляться, никто, видимо, не понял истинного смысла происходящего, по машине Шершнева не было произведено ни одного выстрела, он же набрал высоту и лег на курс, ориентируясь на неровное, пульсирующее сияние Барьера.

Наступал бледный, холодный рассвет.

Глава 6

Внешний периметр Барьера…

Раннее утро.

Рассветы в расположении 17-го блокпоста выглядели явлением мистическим. В ясных небесах зарождалась блеклая полоска зари, тускнели и исчезали с небосвода звезды, но отсюда невозможно было увидеть, как диск солнца встает над горизонтом. На востоке клубилась стена Барьера, а из недр металлических холмов, расположенных в тылу укреплений, каждое утро начинали высачиваться тонкие струйки испарений. Серо-молочный туман скапливался в ложбинах, неторопливо тек, омывая контуры неподвижных машин, а чуть выше, метрах в пяти над землей, расползалось эфемерное седое кружево, формируя замысловатые дымчатые фигуры.

В бункерах, казематах и долговременных укреплениях врезанного в скалы блокпоста царила сонная тишина.

Система укреплений, протянувшаяся вдоль внешнего периметра Барьера, по убеждению многих, являлась данью прошлому, когда прорыв техноса «с той стороны» рассматривался как реальная угроза.

Накопленный с годами опыт утверждал обратное, но рубеж по-прежнему оставался действующим, с той разницей, что теперь сюда отправляли в десятки раз меньше людей и техники, отказавшись от сплошной оборонительной линии, располагая наблюдательные посты с интервалом в километр, а пространство между ними минировали и оснащали датчиками.

Капитан Лапин дремал в кресле. Голографическая модель участка местности, находящейся в зоне ответственности его поста, тускло сияла по правую руку. Ни единого энергетического всплеска, все спокойно, датчики хранят молчание, не подавая тревожных сигналов. Старая асфальтированная дорога, почти нетронутая искажениями, проходила через блокпост и исчезала в глубинах Барьера. Здесь редко появлялись посторонние, проводники из числа сталкеров предпочитали пользоваться своими тайными тропами, лишний раз не связываясь с военными.

Через два часа смена.

Лапин потянулся, встал, разминая ноги, взглянул на обзорный экран и вдруг замер. Клубящаяся, подсвеченная изнутри стена Барьера вспухала медленно формирующимся пепельным волдырем, растущий «нарыв»

внезапно пронзил сполох холодного зеленоватого мерцания, похожий на разряд ударившей вдоль земли молнии.

Искажение?! По спине пробежал холодок, но здравый смысл все же взял свое: Барьер поглощает аномальную энергию, это известно каждому.

Ночные смены на блокпосту малочисленны. Сегодня дежурили три офицера, усиленные наряды выставляли только днем, когда по дороге возможно движение техники.

Лапин, пытаясь понять, что происходит, пристально смотрел на приборы.

Датчики указывали на усиление ветра, анализаторы фиксировали частицы Пепельного тумана – явление хоть и редкое, но знакомое, не выходящее из ряда вон. Иногда в глубинах Барьера формировались мощные воздушные течения, извергающие во Внешний Мир миллионы наночастиц.

Выбросы Пепельного тумана происходили примерно раз в два-три месяца, явление считалось вполне обыденным, не несущим угрозы. Влекомые ураганным ветром микромашины отключались где-то в недрах гравитационной аномалии и достигали укреплений в виде безвредной металлической поземки.

Утром придется вызывать команду утилизации, местность чистить от металлической пыли.

– Серега!

– Ну? – Голос лейтенанта Зорина прозвучал сонно. Он дежурил в БМД, капонир располагался в тридцати метрах от основного укрепления.

– Ничего не заметил?

– Не-а… Холодно тут. Можно я движок запущу?

– На приборы посмотри, – приказал Лапин. – Доложи показания!

– Все, что ли? Лучше я телеметрию дам. Лапа, тебе что, больше всех надо? Тихо как в могиле, клянусь. Дай поспать, до смены…

На тактическом комплексе вспыхнул индикатор приема данных. Кибернетическая система обработала показания датчиков боевой машины, но вопреки тревожному предчувствию источника опасности не выявила.

Точно, померещилось. Лапин вернулся в кресло, обежал взглядом терминалы, затем активировал чип М-связи:

– Байрун?

– Слушаю.

Старший лейтенант Байрунин дежурил в передовом укреплении. Против обыкновения, он откликнулся сразу, что вновь заставило Лапина насторожиться.

– Не спишь?

– Холодно. Страшно.

– Чего испугался? И почему не докладываешь?

– Смеяться станешь.

Лапин вдруг почувствовал, что весь взмок. Да что происходит?! Он впился взглядом в обзорный экран, но там кроме Пепельного тумана да неровного мерцающего свечения не видно ни зги… Все проклятый Барьер, подумалось ему. Постоянно держит в напряжении. Тот, кто хоть раз побывал в отчужденных пространствах, уже не в силах абстрагироваться от пережитого там…

– Шайтан! – Вскрик старлея, переданный М-связью, резанул по нервам и тут же, вторя ему, ударил звонкий, оглушительный звук очереди, выпущенной из импульсной зенитной установки.

Кресло автоматически приняло боевое положение, с тонким визгом поднялись манипуляторы управления комплекса орудий, легкое покалывание в кончиках пальцев мгновенно возвестило о готовности систем обратной связи.

– Байрун?!

Ответом послужила зловещая тишина.

Не выходя из состояния полной боевой готовности, Лапин вызвал соседние посты.

Никто не ответил. Рассудок на миг помутился.

– Байрун?! Зорин?!

На терминале тактической системы внезапно вспыхнул сигнал сбоя. Голографическое изображение местности подернулось рябью помех, а через пару секунд вместо прилегающего рельефа он увидел лишь ровное однотонное свечение.

Да что же такое происходит?!

Связь словно обрубили. Неужели прорыв? Паническая мысль отдавала безумием. Нет, это невозможно!

Сколько раз «изделия техноса» пытались вырваться за периметры Барьеров, но ни одному из исчадий не удавалось преодолеть трехкилометровую толщу аномалии – примерно на середине пути скорги, лишившись подпитки энергией Узла, отключались.

Лапин не находил себе места. Инструкции запрещали ему покидать кресло управления орудийным комплексом, но что он мог предпринять, когда все датчики ослепли, система наведения «зависла», а на экранах не видно ничего, кроме мутной пепельной мглы?

Здесь от меня нет никакой пользы… Глобальный сбой М-сети на

памяти капитана происходил лишь один раз, во время грозы, бушевавшей в толще гравитационной аномалии. По сравнению с ней все самые жуткие атмосферные явления периода глобального изменения климата выглядели совершенно безобидно.

Нужно что-то делать! Лапин не выдержал, отпустил бесполезные в сложившейся ситуации сенсорные рычаги наводки орудийного комплекса, встал и, на ходу герметизируя шлем, рванулся к выходу из укрепления.

* * *

Снаружи завывал ветер.

Погода изменилась резко, в течение нескольких минут.

Боевой сканирующий комплекс выдавал на проекционное забрало полную бессмыслицу. По его показаниям получалось, что Лапин, покинув бункер, оказался в окружении металла.

Дрожь крупными мурашками пробежала по коже. Если датчики не лгут, то получается, что ветер несет миллиарды активных металлических частичек!

Этого не может быть!..

Рассудок лейтенанта не выдержал, теперь ему мерещились жуткие фигуры, проступающие из мглы, Пепельный туман, сминаемый порывами шквалистого ветра, играл с его сознанием, порождая чудовищ…

Нет. Он до крови закусил губу. Сервомоторы экипировки позволяли преодолеть напор шквалистого ветра, и Лапин пошел вперед, взяв примерное направление на капонир, где стояла боевая машина десанта.

Зеленоватый сполох внезапно разорвал мглу.

Сердце молотилось в груди как бешеное. В следующий миг длинная ветвистая молния ударила неподалеку, холодное зеленоватое мерцание потонуло в ослепительной вспышке. Лапин инстинктивно отшатнулся, но на этот раз пронесло – разряд впился в комплекс антенн, возвышающийся над покинутым укреплением.

Брызги расплавленного металла вишневыми каплями оросили землю.

Нет худа без добра. Внезапный удар стихии осветил окрестности, и в мертвенном свете молнии он успел заметить боевую машину десанта.

Удар грома разорвал реальность. Пепельный туман взвихрился десятком гаснущих смерчей, на пару секунд нормально заработали датчики БСК, прорисовав на проекционном забрале ужасающую картину: десятки неопознанных объектов, излучающие слабые сигнатуры, снижались, ведя ракетный обстрел укреплений блокпоста. В ответ по ним работали автоматические зенитные комплексы – не получая явных целеуказаний,

кибернетические системы поставили стену заградительного огня.

Сгустившийся мрак рвали вспышки, мимо капитана промелькнул превратившийся в факел, беспорядочно вращающийся в неуправляемом падении вертолет.

Через мгновение ударил взрыв.

Связь по-прежнему не работала, Лапин рванулся к капониру, но добежать до него не успел.

Внешние микрофоны внезапно донесли отчетливый звук: где-то неподалеку отрывистыми очередями бил автомат, затем глухо лопнуло два гранатных разрыва.

Капитану оставалось преодолеть несколько метров, когда башенное орудие БМД резко повернулось и вдруг ударило длинной очередью.

Оранжевые всплески разрывов вздыбили землю метрах в двадцати от капонира. Лапин что есть сил рванулся к машине, но его взгляд невольно фиксировал точку попадания, он обмер, когда среди яростных вспышек вдруг появился и тут же исчез контур пылающего вертолета.

Кто же пытается вырваться из пространства Пустоши?

Скат брони.

Люк. Он постучал кулаком, надеясь, что Серега услышит, но в этот миг со стороны Барьера полыхнуло несколько ракетных запусков.

Чудовищной силы удар обрушился на капитана, взрывная волна с легкостью опрокинула его, отбросив назад, в беснующуюся мглу…

* * *

– Все не так! – Радич не находил места от ярости. – Слишком близко к Барьеру!

Зигмунд отшвырнул использованную пусковую трубу реактивного гранатомета.

– Мы потеряли все машины, Станислав! Спаслись немногие… – Он подошел ближе. – Что дальше?

– Ищем контейнер по пеленгу сигнала!

– Какой пеленг? Пепельный туман прорвался через Барьер! Сканеры сбоят!

– Значит, нужно выйти из зоны помех! – раздраженно ответил Радич. – Собирай людей!

Все. Все пошло не так! Сначала долгожданный сигнал от контейнера активизировался слишком близко к Барьеру, затем вертолеты попали в сильнейшее атмосферное течение, которое, как исполинский насос, перекачивало через гравитационную аномалию миллиарды хищных

скоргов. Потеряв визуальные ориентиры, машины уклонились в сторону от безопасного маршрута, неожиданно попали под огонь зенитных комплексов проклятого блокпоста…

Радич с трудом взял себя в руки.

Конечно, происходящее потрясало! Найден способ прорыва через Барьер! Что произойдет дальше, неведомо никому. Такого еще не было в истории аномальных пространств!

Нельзя, чтобы контейнер достался воякам. Нужно успеть добраться до него раньше, эвакуировать или уничтожить груз.

Две недели назад Радич представлял себе иной сценарий событий. Он думал, что пропавший контейнер активируется где-то в густонаселенном районе планеты, он представлял себе миллионы жертв, хаос, панику, которая охватит весь мир. А что вышло? Прорыв Пепельного тумана за границы отчужденного пространства? Несколько погибших солдат изоляционных сил? Да военные замнут эту историю в два счета. Радича совершенно не устраивал подобный сценарий. Но все же происходящее впечатляло, жаль, что зрителей маловато. Ну ничего. Главное, не дать воякам завладеть бесценным грузом. Теперь, когда стало ясно, на что он способен, потрясти мир можно и позже, подготовив настоящую, продуманную до мелочей операцию, а не следуя череде слепых случайностей.

– Зигмунд!

– Здесь.

– Обходим выброс Пепельного тумана. Нужно подняться на возвышенность, оттуда зафиксируем маяк контейнера!

– Я собрал всех. Уцелело лишь пять человек.

– Плевать на жертвы! Прикажи включить аппаратуру на запись! – Лихорадочное возбуждение владело Радичем. – Людей мы наберем еще, а вот груз бесценен! Мы творим историю, Зигмунд. Ты свидетель первого прорыва Барьера!

Зигмунд невольно поежился. Не видел он в происходящем ничего, кроме жути, но перечить Радичу не посмел.

Пустошь…

Шершнев вел машину, ориентируясь на пульсирующее необычайно яркое пятно, замеченное им на фоне бледного сияния Барьера.

Внизу проносились футуристические пейзажи отчужденного пространства Пустоши, но Шершневу было не до жутких красот. Как только машина вошла в границы энергополя, окружающего лагерь

наемников, он почувствовал боль.

Казалось, что мозг пронзило раскаленными нитями.

Сознание на миг помутилось, если бы не двойная доза боевого стимулирующего препарата, он вряд ли удержал бы управление норовистой машиной.

Первую вспышку пожирающей рассудок боли он вытерпел скрипя зубами, отчаянно сопротивляясь ей.

Скорги, имплантированные в его организм, ожили. Расширитель сознания заработал первым, следом подключился метаболический имплант, и тут же между двумя колониями наномашин началась бескомпромиссная борьба.

Боль, причиняемая угнездившимися в голове скоргами, вызвала ответную реакцию со стороны нанитов, призванных поддерживать жизнь своего хозяина.

Иван почувствовал облегчение, боль отступила, стала терпимой, но ненадолго. Отключить расширитель сознания он не мог, ситуация заставляла его пристально всматриваться в полумрак, и это вело к усилению деятельности наномашин, вызывая все новые и новые приступы ошеломляющей боли.

Вертолет двигался неровно, рыская из стороны в сторону, он едва справлялся с управлением, все чаще замечая препятствия в самый последний момент, когда особо высокий автон или покосившиеся строения техноса выныривали из багряного сумрака боли, грозя неминуемым столкновением.

Он держался как мог.

Борьба двух колоний наномашин причиняла Шершневу неописуемые страдания. Мышцы дрожали от перенапряжения, метаболический имплант сжигал ресурсы организма, пытаясь справиться с источником адской боли, сознание то уплывало в багряную пелену, то возвращалось, резко и болезненно.

Сколько бы он выдержал, неизвестно.

Радич не солгал, сказав, что при попытке побега Шершнев скорее умрет в муках, чем выберется из металлического леса, но передвижение по воздуху дало Ивану шанс – скорость вертолета в десятки раз превосходила скорость пешего перемещения, да и курс он избрал верный, направив машину к Барьеру по наикратчайшему маршруту.

Минут через пять, когда дальнейшая борьба с болью уже казалась невозможной, адские ощущения вдруг начали понемногу отступать – мощное энергополе осталось позади, рассудок вновь прояснился, и

Шершнев внезапно увидел знакомые ориентиры – вдоль земли ураганный ветер пластал языки Пепельного тумана, из серой хмари, озаренной мертвенным сиянием Барьера, вырастали контуры искажений, образующих неповторимый складчатый рельеф деформированной земной коры. Зловещая сетка тектонических разломов дышала жаром, источая красноватое сияние, по гребням искажений вилась знакомая дорога, значит, если набрать высоту и удерживать курс, вскоре появится блокпост…

Как отреагируют бойцы караула на появление одноместной летающей машины, Шершнев не знал, но это казалось сейчас наименьшей из проблем. Боль стремительно отступала, зато увеличивалась сила тяжести, машину заметно трясло, двигатель ревел, работая на пределе мощности, высота росла очень медленно, затем подъем прекратился вовсе – машина начала неуклонное снижение, явно не справляясь с воздействующей на нее троекратной гравитацией.

«Разобьюсь…» – промелькнула мысль.

Застывшие волны искажений приближались, но набранные еще на подлете к Барьеру высота и скорость все же спасли Шершнева. Вскоре гравитация начала слабеть, двигатель удержал машину в воздухе, а через минуту подъемной силы уже хватило, чтобы прекратить снижение, взмывая над опасно приблизившимся морем застывших каменных волн.

Еще немного…

Весь организм казался раскатанным в лепешку, но боль, сжигавшая мозг, больше не возвращалась. Иван держался на пределе сил, он начал пологое снижение, рассчитывая выйти из границ мутной пелены на малой высоте, чтобы успеть совершить посадку, прежде чем по нему откроют огонь автоматические орудия передовых укреплений блокпоста.

Вертолет пронесся над очередным искажением, внезапно зацепил остекленевший выступ одной из посадочных опор. Из-под днища ударил фонтан мелких обломков, раздался скрежет, машину несколько раз развернуло вокруг оси. Вертолет потерял управление, ударился о склон, перевернулся и, продолжая терять куски обшивки, принялся скользить по пологому склону.

Иван сгруппировался в ожидании неминуемого удара, но скольжение постепенно замедлилось, фюзеляж лопнул в нескольких местах, но не развалился на части, а затем, последний раз покачнувшись, застыл.

* * *

Некоторое время Шершнев сидел, не в состоянии пошевелиться, совершенно обессиленный, раздавленный, с трудом осознавая, что все же

спасся и до внешнего периметра Барьера ему остается пройти несколько сотен метров.

Наконец, собравшись с силами, он отстегнулся от кресла, выбрался из деформированной кабины, придерживаясь за лопнувшее ребро жесткости, со стоном выпрямился в полный рост, ощущая, как его усилие подхватили послушные сервоприводы.

Ничего… Жить будем…

Первый шаг дался нелегко, ноги скользили по остекленевшей поверхности, но из подошв тут же автоматически выщелкнуло шипы, и Иван удержал равновесие, балансируя руками.

Пологий спуск продолжался, вокруг мутными завихрениями тек Пепельный туман. Он задрал голову, посмотрел вверх и понял, что над гребнем возвышенности беснуется шквалистый ветер.

Воздушные потоки указывали направление к внешней границе гравитационной аномалии, ориентируясь по стремительно несущимся пепельным облакам. Он зашагал вниз по склону, с каждой минутой возвращая себе чувство уверенности.

Боль не возвращалась, после яростной пытки ее отсутствие порождало чувство эйфории, но Иван, концентрируясь на ходьбе, старался не поддаваться эмоциям.

Дойти.

Вот единственная цель, задача, которой он подчинил себя.

Он брел, считая шаги, поглядывая в разрывы Пепельного тумана, текущего по ложбине, пока вдруг не вышел на небольшой взгорок, откуда взгляду внезапно открылся участок нормальной ровной поверхности, за которым виднелось пологое искажение с врезанными в него укреплениями блокпоста.

На расчищенной от стекловидной массы полосе горело пять вертолетов, похожих на тот, что использовал он для побега, в мятущемся свете пламени были видны разбросанные повсюду тела наемников в черной экипировке.

Укрепления блокпоста, взломанные попаданиями ракет, зияли безобразными пробоинами в стенах, щерились трещинами, истекали дымами.

Шершнев машинально переключил частоту связи, послал запрос, но ответила ему зловещая, не предвещающая ничего доброго тишина.

Внешний периметр Барьера был прорван, а уцелевшие в бою наемники, похоже, ушли, даже не осмотрев разбитые укрепления блокпоста.

* * *

От блокпоста в расположение батальона вел укатанный тяжелой техникой проселок, это Иван запомнил, и сейчас ему не составляло особого труда сориентироваться на местности.

Шагая вдоль линии укреплений, он пытался понять, что случилось.

Сканеры скафандра работали со сбоями. Над расположением батальона сформировалось непонятное пятно, словно густые низкие облака медленно кружили над проржавевшими горами сваленной там техники.

Развороченный взрывом капонир, в котором застыл выгоревший корпус БМД, он заметил издалека. Сильный порывистый ветер разгонял дым, относил его в сторону, заметно улучшая видимость.

Неподалеку сканеры экипировки зафиксировали характерную сигнатуру.

Боец в армейском бронескафандре! Живой!

Иван бегом устремился на пеленг. Точно! Из-под дымящейся почвы торчала рука в гермоперчатке.

Быстро откопав засыпанного землей бойца, он вскрыл аварийную панель на предплечье его бронескафандра, нажал определенное сочетание кнопок, и через пару секунд боец вздрогнул всем телом, приходя в сознание.

Чтобы избежать недоразумений, Иван поднял забрало боевого шлема.

Несколько секунд они смотрели в глаза друг другу.

– Я не наемник, – первым заговорил Шершнев. – Экипировка трофейная.

– Чем докажешь? – сипло выдавил Лапин. Он помнил только близкий разрыв, дальше в памяти зиял провал.

– Извини, личного чипа нет. Вырезали. Лицо по базе данных идентифицируй. Только не дергайся, ладно?

– М-сеть не работает…

– У тебя в системе скафандра есть оперативная база данных, – спокойно напомнил Иван.

– Верно…

Лапин затих, затем, произведя поиск, взглянул на Ивана.

– Майор Шершнев?

– Он самый. – Иван чуть ослабил хватку.

– Капитан Лапин.

– Что тут произошло?

– Прорыв Пепельного тумана. Затем блокпост атаковали наемники.

– Да, я видел их сбитые машины. Связи, говоришь, нет?

– Нет. – Лапин с трудом сглотнул. – Двое моих погибли.

– Соберись. Ты сказал: «прорыв»? Что это значит?

– Технос… прорвался.

– Уверен? Я не заметил ни одного «изделия». Только сбитые зенитным огнем вертушки наемников.

– Пепельный туман активен. Клянусь – я видел микросигнатуры скоргов, прежде чем сканеры дали сбой!

Иван осмотрелся. Кроме яркого пульсирующего пятна в клубящейся стене Барьера да странной облачности, закручивающейся в подобие водоворота над военным городком, иных настораживающих явлений он не заметил.

– Мне нужна связь. Нужно информировать штаб группировки о происходящем.

Лапин с усилием кивнул.

– В расположении батальона есть узел связи, подключенный к подземным кабельным линиям.

– Тогда пошли.

– Я не могу.

– Капитан, не дури. Блокпост разбит. В одиночку ты тут ничего не сделаешь. Из штаба группировки получим указания.

– Ты иди. Я останусь. – Он взглянул на выгоревший остов БМД, отвернулся.

– Неизвестно, где сейчас наемники и что они затеяли. Вдвоем у нас больше шансов.

Лапин несколько секунд молчал, затем все же подавил эмоции, внял голосу рассудка:

– Ты прав. Пошли.

Пустошь. Район конических сопок…

Двое бойцов в экипировке Ордена, перейдя шаткий мостик, перекинутый через огнедышащую трещину, остановились на небольшом островке. Вооружены они были основательно: два «карташа», два армгана, боевые ножи в пластиковых ножнах, в подсумках – плазменные гранаты, контейнеры для н-капсул[12], колбы с фричем да еще энергетические плети, рукоятки которых виднелись в специальных фиксаторах, расположенных на внешней части брони предплечий.

Лицевые проекционные забрала их шлемов закрывали

дополнительные наплывы брони, расположенные «елочкой».

На правой плечевой бронепластине у каждого из адептов была нанесена символика Ордена: изображение кандального узла с идущей поверх него надписью на латыни: «NODUS SANCTI EST».

От низкой серебристой поросли автонов им навстречу вышли трое сталкеров.

Обменявшись краткими приветствиями, они перешли к делу.

– Готово? – спросил Аскет.

– Да. Макс все сделает, – кивнул Апостол.

– Он сам не пойдет? – уточнил Корень.

– Нет. Обещал прислать двух «драконов». Желания ввязываться в драку у него нет.

– Не похоже на Макса, – удивилась Дарлинг.

– Он сильно изменился после поисков «Светлого Тоннеля»[13], – пожал плечами Саид.

– Егор, что за операция предстоит? Командор ввел нас в курс дела, но только в общих чертах. Хантер сказал, что вы обнаружили базу наемников в Пустоши?

– Пока ее местоположение определено лишь приблизительно, – ответил Егор. – Речь идет об аномалии «Призрачный Город». Для того и понадобились «вертушки». Пешком туда, сам понимаешь, попасть сложно.

– Что на этот раз затеял синдикат? – спросил Саид. Наемников он ненавидел и своего отношения к ним не скрывал.

– За последние два месяца пропали многие из вольных мнемотехников. Есть основания подозревать, что они содержатся в плену на той самой базе. Корня тоже взяли, но по дороге он перебил конвоиров. Отсюда мы и начали разматывать клубок событий. Примите данные, рассказывать нет времени.

Прямая передача информации через мью-фонное соединение заняла несколько секунд.

– Сталкера, что спас Корня, мы идентифицировали по базам данных управления спецопераций. Майор Шершнев. Я знал его, когда-то пересекались по службе, – добавил Аскет. – Мужик нормальный. Хотя сомневаюсь, что он выжил.

Апостол, приняв данные, кивнул.

– Теперь понятно. Дело серьезное. Надо было весь манипул брать.

– Сами справимся, – произнесла Дарлинг. – Все равно «драконы» больше шести человек на борт не возьмут.

– Правильно говоришь! – завелся обычно немногословный Саид. – Сами шакалов передушим!

– Базу «чистим» с воздуха? – уточнил Апостол.

– Нет. Велик риск задеть своих. «Драконы» до поры останутся в небе. Их проконтролирует Корень. Если возникнут осложнения, вертушки поддержат нас огнем.

– Летят! – Саид первым заметил две модернизированные техносом «Пустельги», появившиеся в небе над Пустошью.

Облитые серебристыми наплывами брони «драконы» шли в боевом построении. Соосные несущие винты легендарных «Ка-85» резали влажный воздух, в кабинах выл ветер, врываясь туда через давние пробоины в бронированном остеклении, в креслах пилотов, сросшиеся с ними, сидели сталтехи. Именно их сумел перепрограммировать Макс.

Обе модернизированные техносом «Пустельги» совершили посадку на соседнем островке.

Сталкеры, перебравшись по шаткому мостику через огнедышащую трещину, направились к открывшимся диафрагменным люкам.

Со стороны картина происходящего выглядела зловеще. Стоило взглянуть, как пятеро отчаянных бойцов спокойно, без лишних движений и суеты исчезают в чреве исчадий техноса, чтобы понять: они не просто выжили, но, пройдя все круги ада, стали истинными обитателями отчужденных пространств.

Саид, поравнявшись с кабиной «Пустельги», заглянул внутрь.

В кресле пилота сидел сталтех. Его глаза сочились красноватым тепловым излучением. Заметив человека, исчадие техноса повернуло голову, пристально взглянув на него.

«Силен Макс, ничего не скажешь», – подумал Саид, направляясь к открытому люку. Лишь немногие из мнемотехников были способны подчинить своей воле самых опасных и продвинутых созданий техноса, Макс же превзошел их всех, сумев полностью перепрограммировать управляющие колонии скоргов двух «драконов».

Внутри машины царил красноватый сумрак. Модернизированная «Пустельга» лишилась громоздких механизмов, большинство компьютерных блоков заменили собой утолщения в серебристой обшивке, так что места для трех человек хватало вполне.

Саид уцепился за изгиб толстой металлической ветви, растущей из пола и расползающейся по стене отсека узловатыми побегами.

– Готовы?

– Контакт установил, – пришел ответ мнемотехника.

– Все на местах, – доложил Апостол.

Два «дракона» синхронно поднялись в воздух и, набрав высоту, взяли курс на аномалию «Призрачный Город».

* * *

Бледный рассвет занимался над Пустошью.

В лагере наемников царила необычайная тишина. Лис, обматерив оставшихся в живых подчиненных, ушел в отсек слежения и связи.

Радич не посвящал его в свои планы. Куда он направился, забрав большинство боевиков, Лис не имел ни малейшего понятия. Докладывать о происшествии в лагере не хотелось, но, вернувшись, Радич все равно узнает о побеге.

Тяжело вздохнув, Лис активировал спутниковый комплекс связи, настроенный на автоматический вызов абонента «Командир».

К немому удивлению наемника, отклика не последовало.

Он попытался еще раз, но результат остался прежним. Пришлось подключить экстренную резервную систему, открывающую доступ к спутниковой группировке корпорации «Блаккет».

Заработал голографический проектор, в воздухе возникла объемная карта Пустоши.

Лис побледнел, взглянув на изображение. Вместо привычного мутно-серого «пузыря» он увидел полупрозрачную полусферу с явной деформацией на одном из участков периметра.

Наемник оторопел. «Вот почему ночь сегодня звездная», – невольно подумалось ему. Он плохо разбирался в физике отчужденных пространств, не для того был нанят, но даже его скудных представлений хватило, чтобы понять: происходит нечто катастрофическое. Казалось, что все ветра Пустоши вдруг изменили направление и устремились в одну точку. Непонятная сила неуклонно сводила их вместе, образуя мощное атмосферное течение, пронзающее гравитационную аномалию Барьера. Вырываясь за пределы внешних границ Пустоши, оно постепенно теряло напор, растекаясь мутными, бесформенными облаками Пепельного тумана, охватившими площадь в десятки квадратных километров, но что самое поразительное – пульсирующую «пуповину» и клубящиеся за периметром Барьера облака пронзали огненные росчерки активных сигнатур.

Лис почувствовал оторопь. Даже ему было понятно: миллиарды скоргов, захваченные воздушными потоками, перекачивало сквозь аномальный разрыв в структуре Барьера, но, оказавшись во Внешнем Мире, микромашины, против обыкновения, не отключились, а продолжали

функционировать, собираясь в плотные скопления…

Визуализированные данные со спутников наводили на ассоциацию с огненной рекой, изливающейся сквозь прореху в Барьере…

Лис попытался при помощи спутников отыскать маркеры Радича и ушедших с ним боевиков.

Сигналы маркеров так же сканировались за Барьером! Но почему всего семь откликов, когда со Станиславом ушло больше полусотни бойцов?

Лис нахмурился, пытаясь осмыслить увиденное, когда дверь отсека внезапно распахнулась.

– Нас атакуют! Технос! «Драконы»! – Бессвязные вопли насмерть перепуганного наемника оборвались – очередь, ударившая ему в спину, буквально вбила того внутрь тесного, до отказа заполненного аппаратурой помещения.

Лиса сбило с ног, а когда он сумел выбраться из-под навалившегося на него мертвого тела, в дверях уже стоял рослый сталкер в экипировке Ордена.

– Хочешь жить? – глухо спросил он.

Лис инстинктивно потянулся к оружию и едва не поплатился жизнью – пуля разнесла вертикальную крепежную стойку в сантиметре от головы наемника.

– Предпочитаешь умереть?

Лис бессильно осел на пол.

– Что от меня нужно? – выдавил он.

– Где основные силы? Почему на базе только внутренний караул?

– Я не знаю! Радич поднял всех по тревоге! Они погрузились в вертолеты и улетели в сторону Барьера!

– Зачем?

– Там что-то происходит!.. – Лис указал на продолжающий работать голографический монитор.

Несколько секунд сталкер внимательно изучал объемную карту Пустоши, смоделированную по показаниям со спутников, затем произнес:

– Аскет, срочно зайди в ангар. Тебе нужно на это взглянуть!

– А что происходит? – выдавил Лис.

– Тебе теперь не все равно? – холодно ответил Апостол. – Думай, как шкуру свою спасти. Например, вспомни, где вы держите пленных мнемотехников.

* * *

Аскет и Дарлинг, разделавшись с несколькими боевиками в центральном секторе базы, удивленно переглянулись. Они ожидали встретить более ожесточенное сопротивление.

Внезапно в поле зрения появилась сгорбленная тень.

Мгновенная идентификация поначалу заставила обоих усомниться в подлинности полученных данных.

– Упырь?!

Старик осторожно выглянул из-за укрытия.

– Аскет? – не поверил он, но тут же сообразил: нужно проявить инициативу, представить события в выгодном для себя свете: – Это я освободил Шершня! Я показал ему, где стоит вертолет! Я…

– Шершень? Не тот ли сталкер, что спас Корня и не дал тебе содрать экипировку с мертвых наемников?

– Тот, тот! Это я его освободил! – словно заведенный повторял Упырь. – Я его послал за помощью! Ай, молодцы… Выручили старика!..

– Заткнись, – посоветовала ему Дарлинг. – Знаешь, где содержат пленных мнемотехников? Сможешь показать?

– Конечно, конечно! – закивал Упырь. – Я тут все успел разнюхать!

– Дарлинг, займись. Меня Апостол вызывает. Что-то серьезное случилось. Корню передай, пусть держит «драконов» в боевой готовности!

Глава 7

За границей Барьера.

Район дислокации 117-го батальона…

Пепельная мгла застила мир от края до края.

Порывы ветра силились сбить с ног. Лапин и Шершнев двигались практически наугад, обходя груды металлического лома.

– Так ты говоришь, видел искажение?

Лапин споткнулся, выругался, с трудом удержав равновесие.

– Да. За пару мгновений до того как отключилась связь и зависли сканеры, – ответил он. – Нас только трое было. После последнего боевого выхода батальон вообще решили расформировывать. Петренко и Потопейко арестовали, Рыжов исчез, Доронин и Шевченко в Пустоши сгинули.

– Колонна была разбита?

– Ну да. Только никто ничего не знает. В ту же ночь бригада следователей нагрянула, всех допрашивали. Петренко вот недавно вернулся, выкрутился как-то, но все равно лаборатории ВКС свернуты, так что и нам оставалось несколько дней тут пробыть. – Лапин приуныл, недавние события не давали покоя. Байрун и Зорин погибли… Ему казалось, что в их смерти виноваты не наемники, обрушившиеся как снег на голову, не Пепельный туман, блокировавший связь и датчики, а его растерянность.

– Кажется, казармы в той стороне. – Шершнев указал направление.

Лапин присмотрелся, но ничего не увидел.

Они уже минут десять блуждали меж металлических холмов.

«Ладно. Еще одна попытка». – Капитан не стал спорить, угрюмо зашагал, сопротивляясь порывам ветра, обуреваемый мрачными мыслями о случившемся.

* * *

Первое здание они увидели минут через пять.

– Штаб! – Шершнев узнал постройку. – Давай к входу!

Лапин припустил за ним, невольно замечая перемены в облике невзрачной типовой постройки.

Окна первого этажа выбиты. Дверь нараспашку. В длинный сумеречный коридор намело серебристой пыли.

Шершнев остановился. Сканеры указывали, что скорги неактивны, да и возвращения боли Иван не ощущал. Не верил он, что произошел прорыв Барьера. Ну, в худшем случае – выброс Пепельного тумана, чем воспользовались наемники. Хотя оставалось совершенно непонятно, зачем они атаковали блокпост и куда скрылись.

– Пошли! – Шершнев, завершив сканирование, шагнул в сумеречный коридор.

Центр связи располагался на первом этаже рядом с кабинетом командира батальона.

Иван первым добрался до опечатанной металлической двери.

Заперто. Он вскинул ИПК, собираясь разнести замок, но его остановил внезапный предупреждающий вскрик Лапина:

– Сзади!

Шершнев отреагировал, мгновенно развернувшись, успел зафиксировать, что капитан присел, дал очередь поверх его головы, услышав в ответ отборную ругань.

– Прекратить огонь! Свои!

«Ну хоть кто-то живой…» – подумалось ему.

ИПК Шершнев не опустил.

– Назови себя!

– Лейтенант Саркоев! Со мной комбат, его зам – Сычев и капитан Измайлов из научной группы!

– Антон, ты бы тоже ствол опустил! – Лапин выпрямился.

– Лапа? – Саркоев узнал капитана. – А кто с тобой?

– Майор Шершнев. Что тут происходит?

– Сюда идите! Измайлов сказал: снаружи небезопасно.

– Ладно. Идем.

* * *

Через минуту они сидели за столом в кабинете комбата. Дополнительная дверь и бронированные жалюзи на окнах этого помещения обеспечивали неплохую защиту.

– Что происходит? – повторил Иван свой вопрос, хмуро глядя на Петренко.

– Прорыв техноса, – мрачно ответил Измайлов. Видимо, он уже изучил какие-то данные и пришел к вполне определенному выводу.

– Денис, ты уверен? – Иван обернулся к нему. От комбата, похоже, толку мало. Сидит бледный, слова не вытянешь.

Ветер снаружи продолжал неистовствовать.

Тоскливый звук прорывался внутрь помещения даже через опущенные бронежалюзи, давил на нервы, напоминая, что за стенами здания беснуется серебристая пурга.

Прорыв техноса.

Фраза не укладывалась в сознании. Ее смысл был столь страшен, что каждый втайне надеялся – Измайлов ошибся и ситуация еще образуется.

– Все приборы, компьютерные комплексы в лабораториях разом дали сбой. Что мне прикажешь предположить? – нарушив тягостную тишину, добавил Денис.

– А что со связью?

– Глухо. – Измайлов налил себе стакан воды, залпом выпил. Его кадык нервно дернулся. – Штаб сектора молчит, блокпосты не отвечают. Одни помехи!

– Да что ты несешь! – нервно отреагировал майор Сычев. – Кабельные линии невозможно нарушить, если их только специально не перерезали!

– Все возможно, если мы в границах энергополя! – мрачно отреагировал Измайлов. – Оно свободно проникает сквозь материальные преграды, в том числе и в глубь земли. Экранировка кабелей связи для аномальной энергии не препятствие!

– Сдурел? – Лапин покрутил пальцем у виска. – Какое энергополе за Барьером? Думай, что говоришь!

Молчавший до сих пор комбат внезапно вступил в разговор:

– Есть секретная директива на случай прорыва техноса, – дрогнувшим голосом произнес он. – Тотальная зачистка территории. Сначала массированный удар по зараженной местности, затем ввод войск.

– Чем станут «чистить»? – напрягся Саркоев.

– Плазменными ракетами.

– Вот ведь попали… – Лапин ударил кулаком по столу. – Не выбраться нам. Не успеем!

– Если идти к укреплениям блокпоста, сможем там укрыться, – предложил Саркоев. – Глубина эшелонирования позволяет.

– Вариант, – соглашаясь с ним, кивнул Сычев.

– Не успеем, – мрачно обронил комбат.

Иван молча обдумывал ситуацию. Измайлов ошибается. Я бы первым почувствовал воздействие энергополя. Но выброс микрочастиц Пепельного тумана действительно не объясняет глобального сбоя связи, полного отказа хорошо защищенных кибернетических комплексов лаборатории ВКС. Да и необычайная активность наемников не выглядит простым совпадением.

Зачем прорывались? Куда отступили?

– Степан Петрович, на два слова. – Шершнев указал комбату взглядом на дверь в комнату отдыха, смежную с кабинетом.

– Эй, что за секреты?! Мы тут, кажется, в одинаковом положении! – Майор Сычев резко встал, попытался преградить путь, но его остановил Измайлов.

– Сядь. Пусть поговорят.

– С какой стати я должен сидеть? – не унимался заместитель командира по боевой части. – Пусть тут говорят.

Комбат остановился.

– Он прав. Говори, Шершнев, чего хотел спросить?

– Не пожалеете?

– Уже все равно.

– Я подозреваю, что Рыжов и Потопейко приторговывали артефактами. – Иван в упор взглянул на командира батальона. – Они использовали боевые выходы для транспортировки «товара». Иначе мне сложно объяснить случившееся со мной. Кто-то всадил мне очередь в спину, а Рыжов спокойно увел колонну, бросив меня в «жестянке».

– К чему клонишь? – нахмурился комбат. – Выражайся яснее.

– Без ведома командования такие масштабы контрабанды скрыть невозможно.

– Ну, допустим, я был в курсе, – ответил Петренко. – Но сейчас не время для разборок! Да, тебя бросили в Пустоши, но я тут ни при чем! Это была инициатива Рыжова, поддержанная Зулусом!

– Не к тому разговор. Если вы, Степан Петрович, в курсе всех дел, у меня только один вопрос: Рыжов полностью отчитывался о характере грузов, доставленных из-за Барьера?

– Ну попробовал бы он от меня что-то скрыть! – Лицо Петренко побагровело.

– И что группа Рыжова доставила в последний раз? Где он сам?

– Слушай, Шершнев, у меня по поводу твоего исчезновения знаешь сколько неприятностей было?! Ты в курсе, что колонну разбили? Вернулась только машина Рыжова, сам он исчез, а весь груз конфисковали офицеры СБ! Я не понимаю, чего ты добиваешься?! К чему клонишь?!

– Мне непонятны сегодняшние события. То, что выброс Пепельного тумана произошел именно на нашем участке периметра и сюда же сунулись крупные силы наемников, до этого державшиеся в тени, не кажется мне совпадением. Не было ли в последних партиях груза чего-то необычного? Артефакта или устройства, способного спровоцировать прорыв?

– Да не было ничего такого! – Петренко взглянул на Ивана и тут же добавил: – Могу показать. Все здесь, в подвалах!

– Я бы взглянул, – спокойно кивнул Шершнев. – Да и Измайлову не помешает ознакомиться. Верно, Денис?

Сычев искоса посмотрел на командира батальона.

– Артефакты – значит? С каким-то прапором делился, а меня даже в курс дела не ввел?!

– Слушай, заткнись пока! – огрызнулся Петренко. – Живы будем, там сочтемся.

– Пошли. – Шершнев встал. – Сидеть тут и ждать ракетного удара – не вижу смысла. Нужно искать способ выбраться.

– А артефакты тебе на кой черт сдались? – зло поинтересовался Лапин.

– Я высказал предположение, – обернувшись к нему, ответил Иван. – Если среди артефактов нет ничего особенного, способного спровоцировать прорыв Барьера и привлечь сюда наемников, значит, я ошибаюсь по всем пунктам. Вопрос будет закрыт.

– А если есть?

– Тогда мы уничтожим это.

– Ладно, пошли. Теряем время! – Петренко встал. – Только нет там ничего особенного.

* * *

Спуск вниз, в подвал, по коридорам, освещенным тусклым красноватым аварийным светом, проходил в напряженном молчании. Каждый думал о своем. Положение сложилось столь незавидное, что любое действие немного разряжало обстановку, они хоть как-то пытались сопротивляться силе внезапных неодолимых обстоятельств, выдвигали версии, верили, что еще не все потеряно. Да и подвал здания штаба в сложившейся ситуации выглядел не худшим из укрытий.

– Сюда. – Комбат свернул к резервной рубке М-связи.

– Ничего не работает, я ее проверял! – напомнил Измайлов.

– Денис, заткнись. Я знаю, что связь блокирована. – Петренко первым вошел в помещение и сразу направился к дальней стене, мимо секретных комплексов, сияющих россыпями тревожной индикации, свидетельствующей о глобальном сбое системы, надежность которой до сих пор не подвергалась сомнению.

В дальней от входа стене за фальшь-панелью облицовки обнаружилась дверь. Учитывая, что в помещение комплекса М-связи могли

попасть лишь немногие офицеры, обладающие высшими полномочиями доступа, задумка комбата выглядела простой и надежной. Шершнев взглянул на Измайлова и по выражению его лица понял – тот ничего не знал о тайных коммуникациях.

Открыв дверь, Петренко коснулся расположенной на стене сенсорной панели. Где-то в глубинах подземных уровней здания заработал источник энергии, тускло осветились встроенные в потолок кристаллические блоки, в неярком свете стали видны очертания лестничных маршей, уводящих на глубину двух подземных этажей.

– Однако… – Сычев скривился, но развивать мысль не стал. Похоже, заместитель командира батальона на самом деле не имел понятия о тайных хранилищах.

Лестничные марши привели к еще одной, на этот раз массивной, бронированной, покрытой слоем активного пластика двери убежища.

– Старое укрытие? – высказал предположение Измайлов.

– Да, построено сразу после катастрофы, – ответил Петренко, открывая доступ.

Все системы убежища, расположенного на глубине десяти метров под поверхностью, были разработаны на случай внезапного прорыва техноса, они оборудовались собственными системами защиты, жизнеобеспечения, энергопитания. Именно об аналогичном бункере говорил Саркоев, предлагая идти к укреплениям блокпоста.

– Стоило сразу сказать, что тут тоже есть бункер, – проворчал Сычев.

Комбат ничего не ответил. Войдя внутрь, он разблокировал вторую дверь герметичного переходного тамбура.

– От плазмы укроет, но долго ли продержимся под слоем остекленевшей почвы? – осмотрев мощное перекрытие, спросил Лапин.

– Здесь должно быть запасов на штатный батальон, не меньше, – ответил ему Измайлов. – Из расчета месячного карантина.

– Особо не обольщайся, – осмотревшись, произнес Шершнев.

Действительно, за исключением механизмов и систем герметизации убежища, все остальное оборудование было демонтировано, припасы вывезены.

– И кто разграбил убежище? – злобно сверкнул глазами Сычев.

– Давай теперь все на меня свалим! – в тон ему огрызнулся Петренко. – Убежище демонтировали давно, когда новый периметр укреплений возводили. Вот, – он указал на пластиковые ящики, составленные в пустом помещении, – здесь весь «хабар» за последний месяц.

Измайлов молча направился к ящикам.
– Тут кодовые замки!
– Держи. – Комбат протянул ему чип-ключ.

* * *

Девять контейнеров содержали вполне безобидный, повторяющийся набор техноартефактов. В принципе все, что тут хранилось, можно было найти и в лабораториях Измайлова: ветви редких металлокустарников, пластиковые емкости, заполненные н-капсулами, фрагменты изделий техноса, в основном обладающие одной отличительной особенностью – они были устрашающими, легко узнаваемыми, как та кисть руки сталтеха, что поразила воображение Шершнева в день его прибытия.

– Ничего необычного. – Измайлов покачал головой. – Ни одного целого изделия. Такой «ассортимент» можно встретить в любой лавке перекупщика.

– И куда идет товар?

– Ну точно не в тайные лаборатории техносиндиката, – фыркнул Петренко. – Сейчас во всем мире ажиотажный спрос на скульптурные фрагменты изделий техноса. Мода такая пошла. Я своими глазами видел в витрине одного «сувенирного» магазина ветки металлорастений.

– И что, никто не реагирует? – неприязненно поразился Шершнев. – Я имею в виду власть?

Петренко лишь махнул рукой, дескать, наивный ты, майор.

– Расслабился народ. Постоянное чувство опасности притупилось. – Измайлов принялся закрывать контейнеры, но успел запереть лишь две крышки.

Внезапно под сводом бункера зародилась полоска холодного зеленоватого мерцания.

Все оцепенели от неожиданности.

Прошла секунда, а изумрудное свечение вдруг резко набрало яркость, оно переливалось, стремительно меняя форму, концентрируясь в шарообразный, напряженно сияющий сгусток, от которого тут же начали отделяться ветвистые разряды, похожие на жадно ищущие добычу энергетические щупальца.

– Назад! – заорал Саркоев.

Измайлов инстинктивно отпрянул, и вовремя – в ближайший от него контейнер внезапно ударил ветвистый разряд.

Вспышка холодного света на миг озарила помещение.

Внутри контейнера что-то зашевелилось, а через миг навстречу

медленно извивающимся энергетическим щупальцам вдруг потянулись лианоподобные металлизированные побеги, с треском взорвалось с десяток н-капсул, разбрызгивая по стенам и потолку помещения влажные, ртутно поблескивающие плевки.

Сычев и Петренко, застывшие в оцепенении, не успели отреагировать – ртутная субстанция забрызгала их с головы до ног, и вдруг, прямо на глазах отпрянувших к массивным дверям офицеров, лица комбата и его заместителя исказились: сотни извивающихся металлических нитей пронзили смертельно побледневшую кожу, жуткие предсмертные крики эхом отразились от стен бункера. Сычев и Петренко, содрогаясь в конвульсиях, рухнули на пол, а тонкие волокна стремительно разрастающихся колоний скоргов уже вспарывали их одежду, превращая ее в лохмотья…

Лапин зажал рот руками, в его глазах читался неодолимый ужас.

Саркоев машинально рванулся вперед, но его остановил Шершнев:

– Уходим! Им уже не поможешь! – Иван, невзирая на внезапную вспышку остервенелой боли, схватил оцепеневшего капитана и поволок к дверям, Саркоев и Измайлов выбежали следом.

– Наверх!

Они едва успели выскочить из замкнутого пространства бункера, вчетвером навалились на массивную дверь, плотно запечатывая убежище, как изнутри что-то с глухим, яростным натиском ударило в толстое бронепокрытие.

– Герметизируем! Штурвал крутите! В темпе!

Дверь выдержала, они успели вручную запереть гермозатвор, выскочили из тесного тамбура.

– Вторая! Быстрее!

Через минуту, когда и наружная дверь была герметично заперта, пришло запоздалое, шоковое осознание случившегося.

Измайлов, присев на ступень лестницы, несколько секунд с немым ужасом смотрел на плотно запечатанный шлюз убежища, а затем выдавил:

– Нелепая… жуткая смерть…

Саркоев вытер выступившие на лбу капельки пота.

– Уходить надо!

– Куда?! – у Лапина, похоже, начиналась истерика, он порывисто вскочил, развернулся, сжав кулаки, затем вдруг сник.

– Добраться бы до моей лаборатории, – произнес Денис.

– Смысл? – спросил Шершнев.

– Экспериментальные бронескафандры. Я их еще не упаковывал.

– Так чего сидим? – Иван подошел к Лапину. – Серега, возьми себя в руки, – тихо, чтобы не слышали другие, приказал он. – Никого уже не вернешь. А мы выживем.

Тот лишь нервно усмехнулся в ответ.

– Саркоев, оружие есть?

– Только «Страйк».

– Держи наготове. Денис, на улице ничего не видно. Как ориентироваться?

– На тебе же экипировка. И у Сереги тоже!

– Не работает БСК.

– Тогда не знаю… Держаться забетонированной дорожки.

– Идет. Так и сделаем. Все, пошли!

* * *

Пока поднимались по лестницам бункера, разговор невольно возвращался к последним событиям. Лапин, чтобы как-то справиться с потрясением, начал нервно расспрашивать Дениса:

– Откуда взялся этот энергетический шар? Нам говорили, что аномальная энергия не способна проникнуть через Барьер! Выходит, врали?! Врали, да?!

– Нет! – Измайлов сам был на взводе.

– Но ты же видел, что произошло! – не унимался Лапин. – Н-капсулы просто взорвались, когда появился этот сполох!

Иван ждал, что ответит Денис.

В голове звенело, но боль отступила так же внезапно, как и ударила. Поначалу он не хотел рассказывать о том, что произошло с ним на базе наемников, но, видно, придется, иначе Измайлову не докажешь, что нет тут постоянного энергополя, а без его компетентного мнения сложившуюся ситуацию не понять.

– Существует два типа источников аномальной энергии, – на ходу начал пояснять Денис. – Глобальный – это фоновое излучение Узла, оно исходит из зон «тамбуров», распространяется по сфере, питает Барьеры, постепенно угасая в их толще. Энергия пульсаций так же исходит из Узла, только она намного мощнее. Но существует и второй тип – это локальные источники, формирующие энергополя. Надеюсь, никому не надо пояснять, что такое скоргиум?

– Элемент внеземного происхождения, попавший к нам из Узла, вкрапленный первой пульсацией в толщу земной коры, – откликнулся Саркоев.

Измайлов кивнул, сворачивая к лестнице, ведущей из подвала на первый этаж здания штаба.

– Многолетние наблюдения за пульсациями проводились Орденом сталкеров. Адепты Ордена рисковали жизнями…

– Не уходи от темы, Денис!

– Раньше существовало заблуждение: считалось, что пульсации перемещают вкрапления скоргиума, уничтожают одни источники и вкрапляют другие.

– А на самом деле?

– На самом деле вкрапления скоргиума не перемещаются, не исчезают и не прирастают в числе. Потребовались многолетние наблюдения, систематизация и анализ накопленных данных, чтобы понять – скоргиум не излучает постоянно, как, например, известные нам радиоактивные элементы. У него существуют стадия накопления заряда и фаза излучения. От размеров вкрапления скоргиума напрямую зависит, насколько стабильно сформированное им энергополе. Чем крупнее образовавшиеся залежи элемента, тем дольше и стабильнее он излучает. Затем неизбежно наступает так называемая фаза покоя – энергополе на некоторое время исчезает, чтобы появиться вновь, в тех же границах, спустя некоторое время. Существует две теории: одни ученые полагают, что скоргиум сам формирует заряд в результате внутренней реакции, другие полагают, что залежи внеземного элемента являются своего рода накопителем, заряжающимся в момент пульсаций Узла, а затем медленно отдающим энергию…

Они выбрались из подвала. Шершнев остановился у окна, выбитого порывом ураганного ветра. Боль не возвращалась, частицы металлической пыли, скопившиеся в коридоре, не проявляли признаков активности.

– Денис, ты можешь объяснить по-человечески? Откуда в бункере появился сгусток энергии?!

– Сейчас. – Измайлов с опаской выглянул на улицу.

– Я видел в кабинете у Петренко импульсный автомат, – вспомнил Саркоев. – Знаю, где он его хранил.

– Давай бегом, – отозвался Шершнев.

Измайлов, отойдя от окна, присел у стены. Пользуясь вынужденной передышкой, он продолжил начатую мысль:

– Первые попытки получить образец скоргиума предпринимались еще несколько лет назад. Но безуспешно. Элемент сохраняет стабильность только при определенном давлении и температуре, к тому же добраться до него крайне сложно. В местах залегания скоргиума материя подвержена

постоянным искажениям, там все буквально кишит эволюционировавшими наномашинами. Но после составления точных карт энергополей стало ясно: до элемента легче всего добраться, когда наступает фаза накопления заряда. Энергополе на время исчезает, а вместе с ним пропадает источник питания для скоргов и созданных ими изделий. Я слышал, что разработаны специальные капсулы для транспортировки и хранения скоргиума, в них поддерживается нужное давление и температура.

– Хочешь сказать, что кто-то сумел добыть образец скоргиума и вынес его за пределы Барьера?

– Иначе появление сгустка энергии не объяснить.

– Скоргиум вынесли в фазе накопления заряда? – Шершнев обернулся. – А сейчас он начал излучать, что и вызвало прорыв Барьера?

Измайлов обреченно кивнул.

– Но посмотри, частицы Пепельного тумана неактивны! – Иван демонстративно наступил в серебристый «сугроб».

– Скоргиум начинает излучать нестабильно. Энергополе то появляется, то исчезает. Эффект назвали «мерцанием». Иногда фиксировались сфокусированные, направленные потоки излучения.

– Сколько длится это «мерцание»?

– Зависит от количества скоргиума. Большие скопления быстро формируют стабильное энергополе, незначительные могут «мерцать» несколько суток.

– Серега, когда произошел выброс Пепельного тумана? Точное время?

– Пять двадцать четыре.

– А сейчас уже почти девять утра. Почему мы до сих пор живы?

– Хороший вопрос… Барьер контролируется со спутников. Выброс Пепельного тумана наверняка зафиксирован.

– Тогда почему не накрыли проблемный участок? Чего ждут?

Измайлов задумался.

– Потеря связи и выброс микрочастиц – это еще не прорыв. Источник аномальной энергии обнаружить невозможно, не существует приборов, фиксирующих аномальную энергию. Но военные спутники снимают параметры всех сигнатур, обнаруженных в районе Барьера. Данные передаются для анализа в режиме реального времени, их обработка идет постоянно.

– И что? Не тяни!

– Каждый скорг обладает микроскопической сигнатурой. Со спутников могли зафиксировать активизацию колоний, в моменты кратковременного появления энергополя или лучевых выбросов, как

случилось в бункере.

– Тем более. Почему до сих пор не нанесли удар?

– Вероятно, между тамбуром Пустоши и источником скоргиума появилась энергетическая связь, – предположил Измайлов. – Кто знает, что произойдет при ее разрушении? Где гарантия, что не случится пульсации или новой катастрофы?

Теория Измайлова все объясняла. И фрагментарное, непродолжительное воздействие энергополя, и поведение Радича – видно, о контейнере со скоргиумом ему было известно и он ждал активации аномального элемента, чтобы реализовать какой-то известный лишь ему план, и непозволительное с точки зрения здравого смысла промедление военных.

Из сумрака коридора появился Саркоев. Давид отыскал в кабинете Петренко не только импульсный «Шторм», но и комплект легкой боевой брони.

– План такой. Сейчас выходим из здания. Бетонированная дорожка, что уходит вправо, ведет к корпусу лабораторий. Там экипируемся.

– Будем прорываться к своим? – спросил Лапин.

– По ситуации, – уклонился от прямого ответа Шершнев.

Он думал о гипотетическом контейнере со скоргиумом. Радич наверняка подбирается к нему. Опередить бы его…

Вслух он свои мысли не высказал.

– К выходу. Я впереди, Саркоев – замыкающий, Сергей, Денис – в центре.

* * *

На улице завывал ветер.

Металлическая поземка стлалась вдоль земли, часть микромашин оседала в виде наносов с наветренной стороны зданий.

Во мгле метались сполохи зеленоватого сияния, били ветвистые разряды молний, иногда сквозь завывание ветра и раскаты грома прорывались звуки беспорядочной стрельбы.

Наполовину разобранная боевая машина десанта, оставленная техниками на парковке у ближайшего к казармам ангара, почти скрылась под наносами металлических пылинок, когда один из сполохов зеленоватого сияния подсветил беснующуюся мглу у самой земли.

Волна искажения коснулась брони БМД, и вдруг металлический «сугроб» начал плавиться, претерпевая стремительную трансформацию.

Плотно спрессованные наночастицы превращались в ртутные

ручейки, они стекали по броне, попадали в пробоины, тягучими каплями срывались внутрь.

Прошла минута, и изнутри боевой машины десанта раздались вкрадчивые шелестящие звуки.

Взревел и тут же заглох двигатель. Тонко взвизгнули сервомоторы башенного орудия, стволы дернулись и замерли.

Внутри по компьютерным блокам боевых систем с вкрадчивым шелестом ползли удлиняющиеся с каждой секундой волокна металлизированных нитей. Во мраке отсеков зародились сгустки изумрудного сияния, они сформировали подобие шаровых молний, казалось, что в источаемом ими призрачном свете течет, плавится, перерождается сама материя. Миллиарды наночастиц стремительно образовывали колонию, они выходили из состояния стазиса, образуя сложные структуры. С треском отслаивался пластик, под ним тут же проступала змеящаяся искажениями структура: где-то металл застывал причудливыми узорами, в других местах принимал формы недостающих деталей, снятых техниками при разборке, от сгустков энергии к видоизменившимся приборным панелям тянулись язычки энергии, но они не били разрядами, а медленно перемещались, словно осязали созданное, в жутком, неторопливом и, как казалось, осмысленном движении.

Прошло минут десять, прежде чем из мглы показалась человеческая фигура.

На первый взгляд бредущий сквозь металлическую бурю боец выглядел совершенно обессилевшим, его движения, медлительные и неуверенные, говорили о полном отключении систем сервомускулатуры, тяжелый ИПК он просто тащил по земле, оружие цеплялось за погребенные под слоем серебристой пыли камни, издавая глухой стук.

Приблизившись к перерождающейся БМД, боец остановился, подтянул ремень импульсного пулемета, приподнял оружие, перехватил его за ствол.

В это время очередной ветвистый разряд молнии осветил окрестности, и в момент вспышки стали видны некоторые подробности: шлем бойца покрывали замысловатые серебристые узоры, тонкие нити пронзили дымчатое забрало, такие же прожилки виднелись на груди, ногах, даже на ремне ИПК и на самом оружии.

Новорожденный сталтех выглядел жутко, но его медлительные неуверенные движения не несли угрозы, вряд ли в таком состоянии он был способен действовать осмысленно.

Все изменилось в считаные секунды, стоило только приоткрыться

двери, ведущей в единственный подъезд штабного здания.

Сталтех преобразился. Сила, управляющая плененным рассудком, действовала по безотказной, многократно отработанной в отчужденных пространствах схеме: мозг человека, все еще контролирующий тело, находился в плену галлюцинаций, все, что грезилось несчастному, не существовало в действительности, но его реакция на фантомные ощущения выразилась в стремительном действии: он вскинул оружие и дал короткую очередь, превратив дверной проем в уродливую, дымящуюся дыру.

Еще секунда, и в ответ отчетливо ударила серия одиночных выстрелов.

Сталтеха отшвырнуло назад, во мглу, но тут неожиданно заработало башенное орудие боевой машины десанта: облитое серебром новообразование резко повернулось, и две снарядные трассы хлестнули по зданию, осветив мглу серией слепящих разрывов.

Из сумеречного ада вновь появился сталтех. Он заметно прихрамывал, из раны в груди сочилась кровь, смешивающаяся с серебристым расплавом, пробитое пулей забрало шлема покрывала паутина трещин, правая рука повисла плетью, но это не помешало ему вновь атаковать – удерживая в левой руке импульсный пулемет, он двигался к зданию, ведя непрерывный огонь. Цилиндрические пули навылет пробивали стены, выкрашивая бетон, испаряя арматуру, разбивая кладку в едкую пыль.

Ответного огня не последовало.

Сталтех остановился, затем, двигаясь словно сомнамбула, уронил ИПК, развернулся, сделал шаг, уцепился за покрытую серебристыми разводами броню БМД и полез внутрь, через открытый люк механика-водителя.

* * *

– Проклятье! – Иван вжался в простенок между окнами небольшого холла, расположенного при входе в здание штаба.

– Что там? – Лапин рывком добежал до соседнего простенка, выглянул в окно.

На улице ударила ветвистая молния, и в ее свете стала видна жуткая панорама окрестностей.

У ближайшего ангара стояла захваченная скоргами боевая машина десанта, подле нее вяло шевелилась человеческая фигура, чуть дальше сквозь серебристые сугробы пробивалась молодая поросль металлорастений, в районе вертолетных площадок наблюдалось смутное движение: Шершневу показалось, что он видит, как одна за другой

взлетают древние «вертушки».

– Этого только не хватало…

Еще одна молния ударила вдоль земли. От раскатов грома вздрогнули уцелевшие стекла, ветер на миг разорвал мутный полог непрекращающейся бури, и над покатыми крышами ангаров стал заметен вихрь стремительно вращающегося воздуха.

Все обмерли.

Явление жуткое и знакомое.

Неужели тут, за Барьером, прямо на глазах стремительно формировалась новая зона тамбура?

Иван ощутил, как по мышцам ударила непроизвольная нервная дрожь. Тут никакой самоконтроль не поможет, слишком явно, стремительно и непоправимо развивались события.

– Денис, ты видел?!

Мгла вновь сомкнулась. Измайлов обернулся. Черты его лица исказила гримаса неподдельного ужаса, губы мелко дрожали, он пытался что-то сказать, но так и не сумел выдавить ни звука.

– Денис, очнись!

Бесполезно. Измайлов пятился, неотрывно глядя в сторону окна, ничего не воспринимая вокруг, – жуткая картина, высвеченная ударом молнии, парализовала его рассудок.

Иван выглянул наружу.

На проекционном забрале БСК тонкими тлеющими контурами обозначились две сигнатуры, система распознавания целей обработала их за пару секунд и внезапно «зависла», но Шершнев уже не полагался на сканеры экипировки, он чувствовал, как меняется ткань пространства, кожу покалывало, разряды боли пронзали мышцы…

Еще секунда, и мир распахнулся навстречу обострившемуся восприятию, гаснущие контуры вспыхнули вновь, но теперь их проецировал внезапно включившийся расширитель сознания.

Сомнений быть не могло, где-то поблизости вновь активировался источник аномальной энергии!

Сигнатура, которую не сумела правильно обработать боевая подсистема, принадлежала сталтеху. Исчадие техноса вяло копошилось на фоне энергетической матрицы видоизмененной БМД, но что самое жуткое – человекоподобная тварь излучала отчетливый сигнал личного датчика!

– Всем назад! – заорал Шершнев, заметив, как Лапин в паре с Саркоевым начал спуск по лестнице, намереваясь расчистить пространство перед подъездом при помощи плазменных гранат.

Предупреждение запоздало. Сталтех, словно очнувшись от сумеречного состояния, резко выпрямился, вскидывая ИПК, и длинной очередью прошил дверь.

Иван ответил серией одиночных выстрелов, человекоподобную тварь отшвырнуло во мглу.

– Живы?

Из сумрака, прихрамывая, показался капитан Лапин. Саркоева он тащил по ступеням, забрало боевого шлема у лейтенанта треснуло.

«Плохо дело», – подумал Иван.

Башенное орудие БМД резко повернулось, хлестнув по стене здания штаба батальона двумя снарядными трассами.

Фасад не выдержал, начал оползать, внутрь ворвались клубы бетонной пыли.

Шершнев оставался единственным, кто не потерял способности ориентироваться в воцарившемся аду. Расширитель сознания цепко удерживал цели, сигнатуры противника жгли рассудок, они пылали, причиняя невыносимую боль.

Иван не смог сдержать рвущийся из горла хрип.

Вокруг рушились фрагменты стен, а он видел только два ярких контура; в этот жуткий миг Иваном руководил не опыт, не холодный расчет, только боль, которую он пытался погасить единственно доступным способом – рванулся вперед, оказавшись у края дымящегося пролома. Боевая машина начала разворачиваться, комья земли летели из-под облитых серебром гусениц. Сталтех вновь впал в апатичное состояние – опустив оружие, он озирался, пытаясь что-то рассмотреть в беснующейся наномашинной метели.

Выстрел из подствольного гранатомета прозвучал глухим невнятным хлопком, граната ударила о лобовой скат брони БМД, волдырь плазменного разрыва озарил окрестности, разорвав мглу, сжигая миллионы наночастиц в вихрящемся факеле мгновенно гаснущего протуберанца.

Обжигающим ударом взрывной волны Шершнева отшвырнуло в глубь здания, ударило о стену, присыпало обломками, перед глазами плавали багряные пятна, но боль отпустила, расширитель сознания прорисовывал лишь смутный контур зловещего вихря, вращающегося над покатыми крышами ангаров.

– Иван? Живой?

Ему помогли подняться. Зрение постепенно приходило в норму, он со стоном выпрямился, оперся о стену, унимая бешеное биение сердца.

– Измайлов… Денис…

– Тут я!
– У сталтеха сканировался личный датчик. Можешь объяснить?
Денис побледнел.
– Он не из-за Барьера?! Из наших, что ли?!
– Выходит, из наших.
– Невозможно! – Глаза Сереги Лапина расширились от ужаса. – Номер запомнил?
– Не успел… Первые цифры вроде «4» и «6».
Капитан смертельно побледнел. Личный кодон лейтенанта Зотова начинался с цифры «сорок шесть»…
От отчаяния, неприятия всей ситуации в целом хотелось выть.
– Вихрь кто-нибудь заметил? Или мне примерещилось? – Измайлов присел, обхватив голову руками. – Я ничего не понимаю… Формируется новая «зона тамбура»?! Но это невозможно!..
– Все видели вихрь. И разобранную БМД скорги захватили… – Голос Лапина звучал растерянно, надтреснуто, нервно. – Это факты…
– Нам крышка, если не прорвемся в лабораторию, – хрипло произнес Денис. – Без хранящихся там бронекостюмов выбраться из расположения нереально. Сейчас происходит реактивация миллиардов принесенных ураганом скоргов. Они начали формировать новые колонии и будут захватывать любые доступные носители.
– Сколько у нас времени?
– Не знаю… Если происходит «мерцание» – это замедлит захват носителей.

* * *

Дрожь.
Она ползла по телу, отзывалась гулким эхом шагов в пустых коридорах здания, следовала по пятам, пропитывая окружающее таинственными шорохами, скрипами, тенями.
Нервы на пределе.
Каждый из них бывал за Барьером, но сейчас все радикально изменилось. Мысль, что технос сумел вырваться оттуда, парализовала разум, вызвав крайнюю, неадекватную реакцию, впрочем, не прошло и нескольких минут, как самые жуткие подозрения начали приобретать черты реальности.
Шершнев двигался во главе группы. До комплекса лабораторий добрались быстро, без происшествий, но внутри здания все буквально пропиталось ощущением подстерегающей на каждом шагу опасности.

Внезапно он остановился, поднял руку.

Все замерли. В гулкой тишине коридора стал слышен отчетливый скребущийся звук, доносящийся из-за дверей лаборатории номер шестнадцать.

– Что там? – едва слышно спросил Иван, указывая Саркоеву и Лапину на позиции по обе стороны дверного проема.

– Может, не открывать? – попытался урезонить его Денис.

– Что там?! – чуть повысив голос, снова спросил Шершнев.

– Отдел сервомеханики, – сдавленно ответил Измайлов.

– Где хранятся костюмы?

– В соседнем помещении.

Иван взглянул на табличку с номером, прикинул степень потенциальной угрозы. Стены между лабораториями тонкие, не в пример дверям. Обычный армейский бардак. Приспособили типовое здание под нужды лабораторий, понаставили бронированных дверей, скорее для очистки совести, а о толщине межкомнатных перегородок никто и не подумал.

«Начнем экипироваться – станем уязвимы на какое-то время, – мысленно прикидывал варианты развития событий Шершнев. – Если за стеной активировались скорги, они могли захватить механические носители».

– Шестнадцатую «чистим». – Он принял единственно возможное решение. – Что бы там ни было.

– Скорги не могли проникнуть в здание, – продолжал протестовать Измайлов. Он отчаянно боялся встречи с неведомым и никак не мог унять бесконтрольную дрожь.

– Если их не пронесли сюда в виде артефактов, – жестко осадил его Шершнев. – Закончили базар. Работаем!

Саркоев молча сжал в руке гранату.

– Денис, открывай!

Измайлов обреченно шагнул к двери, несколько раз чиркнул спецпропуском по узкой щели считывающего устройства, но безрезультатно – индикационный сигнал тлел в сумраке кровавой искрой, дверь не сдвинулась ни на сантиметр, зато с внутренней стороны донеслось уже не царапанье, а глухие удары, от которых ощутимо содрогнулась стена.

Еще удар. Еще.

Брызнула осколками панель освещения. По декоративной облицовке побежала трещина.

– Не работает!

– Назад, Измайлов! Пригнись!

Фрагмент стены внезапно вылетел в коридор. Облако белесой пыли на миг заслонило видимость, а секундой позже жуткие контуры механической твари проступили во тьме.

Мгновенная идентификация.

Робот. Новейшая разработка, созданная на основе машины для разминирования. Сервоприводный механизм проектировался для работы в отчужденных пространствах, в просторечии – сборщик артефактов, по базам данных – изделие номер 34–72.

Исчадие техноса!.. Рассудок тут же подсказал свой вариант распознавания цели. Робот, и без того отлично защищенный, вооруженный автоматической импульсной турелью двенадцатого калибра, за пару часов, прошедших с появления языков Пепельного тумана на территории части, претерпел серьезные изменения. Его броня теперь отливала серебристыми наплывами, десяток дополнительных манипуляторов, оснащенных различными устройствами, располагались по периметру каплеобразного полутораметрового «туловища», над покатым выступом в лобовом скате брони шевелилось замысловатое плетение металлических нитей, между ними то и дело проскакивали дуговые разряды энергии.

Саркоев метнул гранату внутрь помещения через образовавшийся пролом в стене и тут же отпрянул, уходя от удара манипулятора, оснащенного устройством для резки металлорастений.

Лапин оказался прижат к стене, в первый миг все внимание твари сконцентрировалось на нем, и это позволило Шершневу действовать.

За проломом, в стенах шестнадцатой лаборатории, полыхнула ослепительная вспышка, столб ревущего пламени вырвался в коридор, техномонстр, сам того не желая, заслонил Серегу, оказавшись на пути огненного выброса, но на этом лимит везения оказался исчерпан: «САС»[14] попросту взбесился, его корма частично расплавилась, растекаясь по полу лужей металла, колония скоргов, управляющая захваченным носителем, мгновенно определила людей как истинный источник угрозы: импульсное орудие разрядилось длинной очередью, Саркоев едва успел заскочить за угол, как серия разрывов превратила часть этажа в дымящиеся руины.

С грохотом обваливались участки потолка, кабели, спрятанные за облицовкой стен, рассыпали искры – их изорвало осколками, изоляцию сожгло, тугие, обжигающие удары взрывных волн рванули вдоль изувеченных стен, с оглушительным лязгом рухнуло несколько лишившихся опоры бронированных дверей, и все вокруг внезапно

зашевелилось.

Еще рушились участки стен, голубоватые языки пламени жадно пожирали облицовочный пластик, кое-где срабатывали секции систем автоматического пожаротушения, выбрасывая струи углекислоты, а из лабораторий уже вырвались хранившиеся там образцы «изделий техноса».

Вся цепь непоправимых событий произошла за несколько мгновений. «САС», устроивший погром, только начал разворачиваться, когда из тьмы ударил разряд лазерного излучателя. Темно-вишневый шнур полоснул от стены до стены, срезав часть серебристого кружева, оставив на скате брони дымящийся шрам.

Лапин каким-то чудом успел уйти из-под удара, он рухнул плашмя и тут же отполз, Шершнев несколькими выстрелами из ИПК разнес выступ надстройки, под которой располагался захваченный скоргами кибернетический «мозг» сборщика артефактов, и тот, исторгая клубы дыма, расплескивая вязкие лужицы серебристого вещества, вдруг начал крутиться на одном месте, подвывая моторами.

Лапин, спасаясь от невидимой для Ивана угрозы, появился из сумрака, перепрыгнул через подбитого техномонстра, с трудом удержал равновесие, попав в лужу горящего расплавленного пластика.

– Прикрой!

Иван резко повел стволом импульсного пулемета. По стене вслед за лейтенантом стремительно неслась непонятная тень.

Очередь ИПК полоснула наискось, выбивая из стены фонтаны бетонной крошки. Тень резко дернулась, пытаясь увернуться, но тщетно – раздался отчетливый металлический лязг, и под ноги майору отлетел изуродованный, дымящийся предмет.

Кисть руки сталтеха. Та самая, которую он видел в лаборатории Измайлова.

Происходящее плохо укладывалось в голове, но размышлять было некогда. Теперь уже ситуация не поддавалась двоякой трактовке, все надежды рухнули – в расположении части сформировалось стабильное энергополе, напитавшее все артефакты энергией, возродившее омертвевшие колонии скоргов, подстегнувшее их к стремительному процессу размножения и захвата носителей, благо исходного материала вокруг хватало в избытке.

Здесь, на территории сто семнадцатого отдельно дислоцированного батальона, сейчас материализовался самый худший из кошмаров – технос осуществил прорыв, Пепельный туман, несущий миллиарды наномашин, оказавшись за периметром Барьера, не выпал серебристым осадком в зоне

электромагнитных ловушек, а получил подпитку аномальной энергией!..

Объятый пожаром коридор разделил бойцов группы.

– Прорываемся! К Саркоеву!

Лапин уже пришел в себя, экипировка на нем дымилась, в глазах читалось бешенство, смешанное с ужасом.

– Давид? Живой?

Коммуникатор ответил треском помех, затем донесся ответ Саркоева:

– Я на лестнице! Сдерживаю их!

В глубине здания действительно грохотали автоматные очереди.

– Измайлов, подтягивайся, не тормози! – Иван первым бросился вперед, на пути, сразу за подбитым «САСом», из дыма появились очертания немыслимых с точки зрения человеческой инженерной логики гибридов: шары, собранные из различных деталей сервомеханизмов, катились по коридору, издавая скрежет, роняя плохо закрепленные, не успевшие «срастись» компоненты.

Резко притормозив, Иван припал на колено, открывая огонь. Над плечом зачастил автомат Сереги Лапина, первые три шара разнесло вдребезги, но из глубины лишившихся стен лабораторий появились новые исчадия – еще три ажурных сфероида и несколько не поддающихся описанию гибридных механизмов вырвались в коридор.

На проекционном забрале БСК вспыхнул алый контур. Одна из механических тварей была вооружена СВЧ-генератором!

Ни Шершнев, ни Лапин отреагировать не успели, они вели непрерывный огонь по миниатюрным версиям перекати-зон, пространство изуродованного коридора кипело от слепящих всплесков попаданий, испаряющих металл, взрывающих бетон фонтанами едкой крошки, по стенам метались язычки пламени, пожирая остатки облицовки, на полу лужи расплавленного пластика смешивались с серебристой субстанцией, из многочисленных смежных помещений выталкивало дым.

– СВЧ! – заорал Лапин, пытаясь поразить носителя страшного оружия. Один-единственный разряд сверхвысокочастотного импульса превратит в плазму несколько дециметров вещества, разнесет здание, не оставит шанса ни людям, ни порождениям техноса…

Шквальный огонь смел передовой отряд «изделий»: перекати-зоны отбросило попаданиями в глубь коридора, двух гибридов разорвало, но наиболее опасная тварь осталась цела.

ИПК Шершнева щелкнул вхолостую.

Две сотни зарядов, израсходованные за пару минут, не сумели остановить всех вырвавшихся на волю исчадий, из глубин лабораторий

вновь появилась группа отливающих серебром механизмов. Лапин выругался, добивая остаток боекомплекта в гибрида, вооруженного СВЧ-генератором, но игольчатые пули «Шторма» лишь высекали искры из прочного корпуса твари, еще миг и…

Оглушительный одиночный выстрел разорвал мрак ослепительным снопом пламени.

Гибрид пошатнулся. Чудовищная фигура, не имеющая определенной формы, соединившая в себе сервомоторные узлы и детали десятков различных машин, несколько мгновений пыталась сохранить равновесие, а затем вдруг начала разваливаться на отдельные части, осыпаясь грудой бесформенного раскаленного металла.

Иван резко обернулся, не понимая: вмешательство провидения спасло их от неминуемой гибели или…

За его спиной неестественно выпрямившись стоял Измайлов. Он был бледен как лист бумаги, с трудом удерживая двумя руками редкое даже для отчужденных пространств оружие – импульсную картечницу «Мегера» кустарного производства.

– Денис! – Иван схватил его плечо. – Очнись!

Измайлов стоял не двигаясь. В расширенных от ужаса глазах язычками пламени отражался призрак увиденной им смерти.

– Денис! – Шершнев схватил «Мегеру» за ствол, с усилием потянул на себя, в то время как Лапин разжимал сведенные судорогой пальцы Измайлова. – Надо идти!

Измайлов сделал судорожный вдох, закашлялся, его пальцы наконец отпустили страшное, но эффективное лишь на небольших дистанциях оружие.

– Я… попал?..

Лапин похлопал его по плечу. Изуродованный, разгромленный коридор был пуст. Заряд «Мегеры» – две сотни стальных шариков – превратил с десяток механических тварей в искореженные обломки.

– Денис, ты всех спас! – Лапин говорил с капитаном, как с ребенком, понимая, что тот в шоке. – Реально спас! А теперь давай, надо двигаться, уходить отсюда! Ты обещал бронескафандры! Смотри. – Он указал на ртутную лужу, которая собралась вокруг нескольких изуродованных деталей и уже объединила их, обволакивая подобием тонкой металлической пленки. – Не уйдем сейчас – уже не вырвемся, слышишь?!

– Серж, тащи его! – Иван перезарядил ИПК. – Саркоев?

– Тут я. Двигаюсь к вам!

– Цел?

– Предупреждать надо! Картечью половину стены вынесло!

– В темпе давай!

* * *

Сумеречный, освещенный голубовато-зелеными язычками пламени коридор походил на декорацию к фантастическому фильму ужасов. Чадно дымила пластмасса, в стенах зияли уродливые дыры, обрывки кабелей свисали от потолка, сотни фрагментов различных механических устройств усеивали пол, серебристые лужицы, состоящие из миллионов наномашин, растекались тонким слоем, стремясь соприкоснуться с наибольшим количеством деталей, доступных для восстановления и дальнейшего использования.

Технос.

Он, как и представители биологических видов, стремился к самовоспроизводству, не упуская ни единого шанса на воссоздание носителей.

Жутко даже подумать, что пройдет несколько часов и из обломков восстанут новые механические формы. Сначала неуклюжие, малофункциональные, они начнут очередной этап естественного отбора, теряя лишнее, освобождаясь от малоэффективных узлов и деталей, приобретая новые, чтобы в конечном итоге воплотиться в нескольких механоформах, которые уже с уверенностью можно будет назвать исчадиями стихийной технической эволюции…

…Двери лаборатории номер семнадцать взрывом вбило внутрь помещения. Массивные бронеплиты сокрушили несколько компьютерных терминалов, но, к счастью, не достигли дальней стены, где располагались встроенные шкафы с экспериментальными образцами бронеэкипировки.

– Откуда у тебя «Мегера», Денис?

Измайлов уже немного пришел в себя, шел самостоятельно и ответил честно, не задумываясь:

– Не моя. Кто-то из смежных исследовательских групп, наверное, для себя припрятал. Я на полу ее подобрал.

– Так ты ни разу не стрелял до этого?

Денис отрицательно мотнул головой.

– Не приходилось.

– Ну даешь! Молодец!

– Хватит дифирамбов! Денис, показывай экипировку! Серега, Давид, держите под прицелом вход в лабораторию!

Измайлов, перешагивая через обломки мебели и аппаратуры,

направился к дальней стене помещения. Шершнев двигался следом – не лучшая позиция для стопроцентного контроля обстановки, но лаборатория, после того как в ней отбушевал процесс реактивации техноартефактов, выглядела безопасной. Все, что принадлежало сумме технологий скоргов, уже «ожило», выплеснулось в коридор и было уничтожено.

Денис с усилием отодвинул перевернутый стол, остановился подле сейфовых дверей. Индикация кодовых замков не работала, электропитание в здании отключилось, оставалось непонятным, почему «сдохли» автономные источники энергии.

– Иван. – Он обернулся и тут заметил неладное. Шершнев стоял, тяжело опираясь о перевернутый стол, правая рука повисла плетью, ИПК он выронил, лицо, различимое за забралом боевого шлема, побелело. – Эй, ты чего?!

– Больно… – побелевшими губами прошептал Иван.

– Да что с тобой?! Ранен?

– Нет… – Ноги Шершнева подкосились, он удержался, не упал, но был вынужден сесть на пол. – Скорги…

– Тебя инфицировало?! Наномашинами?! Почему сразу не сказал?! Где место проникновения? Я обработаю, есть специальный спрей!

– Денис, угомонись… – тихо, но связно ответил Иван. – Меня имплантировали, – признался он.

– В Пустоши?! – ужаснулся Измайлов.

Шершнев кивнул.

– Остальным не говори. Не опасно, но очень больно… Кажется, что голову разорвет…

– Так что же делать?

– Не знаю. Есть сильное болеутоляющее?

Денис на миг задумался, затем нервно спросил:

– Кто тебя имплантировал? Тип вживленных устройств? Иван, это важно. Здесь есть кодировщик, я, возможно, смогу…

– Не сможешь. – Шершневу удалось на какое-то время справиться с приступом боли. – Импланты экспериментальные. Сырая технология.

– У скоргов нет сырых технологий.

– Мне имплантировали устройства, разработанные западными корпорациями.

Денис опешил.

– На тебе провели эксперимент?!

Шершнев с усилием кивнул.

– Расширитель сознания и метаболический имплант, – выдавил он.

Скрывать правду в сложившейся ситуации было глупо. – Кодировщиком ты ничего не сделаешь.

– Но и болеутоляющее не поможет.

Иван мучительно посмотрел на Измайлова.

– Почему?

– Метаболический имплант нейтрализует воздействие всех препаратов. Думаешь, почему сталкеры водку не пьют? Их кровь постоянно фильтруется, очищается от токсинов.

– Вариантов нет?

– Ты сам должен справиться. Или обратиться к мнемотехнику, который возьмется перепрограммировать метаболический имплант, ввести в него список «разрешенных веществ» – тогда болеутоляющие препараты будут действовать.

– Помоги встать. – Шершнев понял – надежды нет. Придется жить с нестерпимыми, рвущими сознание ощущениями боли. «Вот только продержусь ли? Хотя бы час?..»

– Иван, тебе надо…

– Ничем не поможешь, я уже понял. Не бери в голову. Что с экипировкой? – Шершнев с трудом привстал, опираясь на перевернутый стол.

– Сейфовые шкафы не открыть. Стационарного питания нет, аварийные источники разряжены.

– В сторону отойди.

Измайлов попятился, заметив, что майор подобрал ИПК.

Перед глазами плавала красноватая муть. Радич постарался, скотина. Наверняка боль не являлась дефектом имплантов, скорее «дополнительной опцией», вечной пыткой, к которой наемник приговорил Шершнева.

Он с трудом прицелился, дал короткую очередь.

Бронированные створки ответили протяжным гулом, заряды крупнокалиберного импульсного пулемета испаряли металл, оставляя в местах попаданий дымящиеся, раскаленные по краям дыры размером с кулак.

Наконец одна из сейфовых дверей не выдержала, ее сорвало с механизмов бездействующего замка.

– Не суйся, я еще не закончил! – Окрик Шершнева вовремя остановил Дениса, иначе еще один увесистый фрагмент деформированного металла снес бы тому голову. – Пригнись!

Тот послушно нырнул под прикрытие массивного перевернутого шкафа, предназначенного для хранения исследуемых в лаборатории

образцов артефактных механизмов.

– Иван, что у вас? – раздался по связи вопрос Лапина.

– Держи вход! Мы вскрываем сейфы… – Иван говорил с трудом, срываясь на крик, скорги, активировавшиеся под черепной коробкой, каждую секунду причиняли нестерпимую боль.

– Понял. И нечего орать.

Шершнев ничего не ответил, только сжал зубы.

«Пройдет. Отпустит. Так уже случалось, и не раз. Справлюсь…»

Вновь отрывисто ударил ИПК, еще одна бронированная дверь сорвалась с креплений, расколовшись на несколько угловатых осколков.

– Все вроде… – выдавил Иван. – Денис, твоя очередь…

Измайлов выбрался из укрытия, метнулся к сейфам.

Он уже расстался с иллюзиями. Руки еще дрожали, но слом психики, наступивший в момент схватки с исчадиями техноса, дал неожиданный результат. По характеру Денис был мягким, интеллигентным человеком, даже к реальности армейских будней он приспосабливался с трудом, постепенно закупориваясь в панцире отчужденности, предпочитая с головой погружаться в исследования и не замечать происходящего вокруг, но неодолимый ужас, испытанный несколько минут назад, осознание своей никчемности и беспомощности внезапно, болезненно и необратимо воздействовали на Измайлова. Он никогда не верил, что человек может измениться вдруг, но случилось именно так. Денис едва помнил, как подобрал валяющуюся на полу «Мегеру», да и выстрел по надвигающимся футуристическим теням он произвел, действуя в горячечном бреду, содрогаясь от ужаса, но с той секунды что-то изменилось внутри. Сейчас, перебираясь через завалы разбитой мебели, Измайлов ощущал несвойственное ему лихорадочное возбуждение. Мышцы дрожали, но голова работала ясно – его рассудок сумел осмыслить происходящее, принять катастрофические изменения реальности, он уже не втягивал голову в плечи от периодически раздающихся за стенами здания взрывов.

Бронекостюмы, разработанные им лично, не пострадали. Да и что с ними могло случиться? Легкие, но чрезвычайно прочные, созданные на основе композитных материалов последнего поколения, они держали попадание из ИПК, были оснащены всеми видами антискорговой защиты, управлялись не централизованной кибернетической системой, а многочисленными устройствами обратной связи. Отличие от технологий, используемых в костюмах для виртуальной реальности, заключалось в важной новации – системы приводов реагировали не на напряжение определенных мышц, а считывали управляющие биоэлектрические

импульсы, распознавали их и выполняли предписанное действие.

Даже тяжелораненый боец, не способный напрячь ногу или руку, мог самостоятельно выйти из боя, главное, чтобы он оставался в сознании – контроллеры, управляющие сервомускулатурой брони, считывая нейронные импульсы, выполняли необходимый набор движений – в будущем Измайлов рассчитывал применить разработанную технологию для создания специальных устройств, которые дали бы возможность двигаться парализованным людям…

Промелькнувшая мысль заставила вздрогнуть, выйти из секундного замешательства, возвращаясь в реальность.

Мир стоял на пороге новой катастрофы – от подобных мыслей к горлу подступала тошнота.

– Ну? – Голос Ивана подстегнул его. – Что там?

– Все в порядке. Давай, я тебе помогу. Освоишься быстро. Источники питания костюмов в норме, заряда в них хватит на сутки автономной работы.

Иван, опираясь на ИПК, подошел ближе. Измайлов коснулся сенсора на одном из бронескафандров, и тот начал раскрываться, сдвигая бронепластины.

– Войдешь внутрь.

– Спиной?

– Ну да. Как только датчики произведут сканирование, тебе в область висков и затылка вонзятся электроды. Не пугайся, это штатная процедура…

Иван уже снял с себя обгоревшие элементы экипировки.

– Короче, пояснения дашь потом. Система адаптивная?

– Да.

– Значит, по ходу разберусь.

* * *

Бронескафандр действительно оказался легким, удобным и подвижным, что давало несомненное преимущество в бою. К удивлению Ивана, боль вдруг начала отпускать, словно скорги, угнездившиеся в его голове, по какой-то причине снизили активность.

Освоившись с экипировкой, он понял, почему отступила боль. Вывод был интуитивен, вероятно, микромашины получали меньшее количество необходимой им аномальной энергии. Один из экранирующих слоев бронескафандра задерживал неуловимое для приборов аномальное излучение.

Сознание прояснилось. Ненадолго, но все же он испытал облегчение.

Подобрав ИПК, Шершнев направился к выходу из лаборатории.

Нужно искать источник излучения. Выяснить, что происходит.

– Серега, давайте к Денису. Там еще два скафандра. Я теперь подежурю.

Лапин и Саркоев скрылись в глубине разгромленной лаборатории, Иван остался один. Пристроив ИПК, он наблюдал за участком коридора и лестничной площадкой второго этажа, но после произошедшей тут схватки с ожившими «изделиями» техноса новых поползновений со стороны механических форм не последовало. Этаж выглядел мертвым, ничего не двигалось, даже лужицы серебристого металла, враждебно поблескивающие в свете затухающего пожара, казалось, утратили активность, словно наномашинные комплексы просто обволокли поврежденные детали различных механизмов тончайшей пленкой и на этом успокоились.

«Вряд ли они отключились», – подумал Иван, напряженно всматриваясь в сумрак. Расширитель сознания он не задействовал, напротив, старался мысленным усилием «гасить» активность импланта, зная, что любое его использование вызовет новый приступ адской боли.

Очаги возгорания постепенно угасали. Копоть витала в воздухе, оседала толстым слоем на разбросанных предметах.

Неизбежно возникал вопрос: что делать дальше?

* * *

Семеро наемников двигались по зыбкой границе пепельного выброса.

Миллионы металлических микрочастиц, поднятые в воздух бесноватыми порывами ветра, постоянно сминающего, перемешивающего клубящиеся над самой землей облака, блокировали работу сканеров.

– Бесполезно… – Зигмунд остановился. – Маяк не зафиксировать.

Пятеро рядовых боевиков рассредоточились, прикрывая главарей.

Радич, взглянув на сплошную клубящуюся стену пепельной облачности, произнес:

– Кажется, я знаю, что нам делать.

Он соединился со спутниками корпорации «Блаккет». Полученное с орбиты изображение вызвало на его лице зловещую улыбку.

– Вот и решение. – Он транслировал полученные данные Зигмунду. – Видишь, пепельные облака закручиваются в подобие вихря?

– Ну?

– Там и находится наш контейнер. По прямой – километра два. Сейчас зафиксируем точное направление, введем координаты в системы

бронескафандров.

– Рискованно.

– Не понял?! – Радич резко обернулся.

– Ты не видишь, что происходит? Вихрь ничего не напоминает?

– «Зона тамбура» формируется. Будет любопытно.

– Скорги и вся механическая нечисть – тоже «любопытно»?

– Зигмунд, ты со мной не шути. Иначе, сам знаешь, разговор будет короткий. Мы пойдем туда и заберем груз, невзирая на количество тварей, созданных техносом. А военные пусть ломают голову, отчего произошел прорыв Барьера и почему процесс вдруг загадочно прекратился. В мои планы всемирный апокалипсис пока не входит. Я еще недостаточно подготовился.

– Ладно, тебе плевать на технос. Но военные? – Зигмунд не трусил, но здраво смотрел на ситуацию. – Они слепые? Или у них нет спутниковой группировки? Ты думаешь, что окрестности формирующегося вихря еще не блокированы спецназом ВКС?

– Там нет никого, кроме исчадий техноса, – уверенно ответил Радич. – Военные не понимают, что происходит. А я понимаю. Пока они спорят до хрипоты, решают, что делать, или пытаются прогнозировать последствия ракетного удара по новообразованному «тамбуру», мы спокойно заберем контейнер и исчезнем. Вместе с нами исчезнет и проблема. Но страх останется. И когда мне будет нужно, я напомню о сегодняшнем событии, пригрозив повторить его в центре любого из мегаполисов планеты. На самом деле мне не нужна Земля, захваченная техносом, – снисходительно пояснил Радич. – Мне нужна цивилизация, поставленная на колени, охваченная хаосом, трепещущая перед угрозой мгновенной гибели.

Зигмунд терпеливо выслушал его.

Нарываться на пулю он не собирался. С Радичем можно спорить только в определенных случаях, и то надо знать границы дозволенного.

– Я понял. – Он уже ввел все необходимые данные в навигационный компьютер бронескафандра.

– Тогда – вперед! – подстегнул его Радич.

Пустошь. База наемников синдиката…

– Формируется еще одна «зона тамбура»? – Титановая Лоза внимательно изучала данные со спутников корпорации «Блаккет».

– Иначе интерпретировать невозможно. – Аскет резко обернулся, вскинув ИПК. – Отвечай, что затеял твой босс?

Лис попятился, пока не уперся спиной в стену.

– Я не знаю!
– Думай. Это твой единственный шанс!
Мир в эти мгновения застыл на краю пропасти.
– Я не знаю! Когда поднялась тревога, слышал краем уха, как Зигмунд говорил о каком-то бесценном контейнере. Да, да, вспомнил! Наш караван с очень важным грузом две недели назад перебили военные! Но я не знаю, что может находиться в этом проклятом контейнере, клянусь!
Аскет медленно опустил ИПК.
– Поможешь ему освободить пленных мнемотехников без вреда для их здоровья – будешь жить. – Он кивнул, указывая на Корня. – Понял меня?
Лис сжался.
– Я сделаю!
– Смотри. «Драконы» останутся в воздухе над базой. Стоит моему человеку заподозрить тебя в саботаже – умирать будешь медленно. Из тебя живьем сталтеха сделают. Все, Корень, забирай его. Освободишь пленников – свяжешься с нами.
– А я? – Упырь выглянул из-за плеча Апостола.
– А ты будешь помогать Корню, если хочешь отсюда выбраться.
– Аскет, я ведь тебя когда-то спас!
– Заткнись. Ты меня вышвырнул, и если б не Приор Глеб, быть мне сталтехом. Забыл?
Упырь мгновенно утих.
– Саид, проводи их и возвращайся.

* * *

Оставшись втроем, сталкеры переглянулись.
Догадаться о содержимом контейнера для них, побывавших в одном из пространств Узла, труда не составило.
– Наши действия? – спросил Апостол.
Аскет взглянул на тугую, пульсирующую, свитую из миллиардов микросигнатур «пуповину», связывающую центр отчужденного пространства с необычайно мощным атмосферным течением, преодолевшим гравитацию Барьера, выбрасывающим во Внешний Мир миллиарды эволюционировавших наномашин.
– У всякого смелого эксперимента есть цена, которую придется заплатить.
– Радич – террорист, – произнесла Дарлинг.
– Террорист или экспериментатор, мне все равно. Если мы не вмешаемся, военные накроют формирующийся «тамбур» плазмой.

Последствия предсказать невозможно. Выход только один – использовать «драконов», они доставят нас к месту событий минут за десять. На месте сориентируемся, что именно происходит и как нам поступить. Корень тут справится.

– Согласна, – кивнула Дарлинг.

– Мы с Саидом тоже летим, – произнес Апостол.

За границей Барьера. Зона прорыва техноса…

Боль сводила с ума.

Шершнев добежал до укрытия, присел. Он выбился из сил, постоянная борьба с внутренним недугом вымотала его. «Радич, скотина», – в который раз подумал он.

– Иван, совсем плохо? – Измайлов тут же оказался подле него.

Шершнев удрученно кивнул.

Количество копошившейся вокруг техники не поддавалось осмыслению, внушало откровенный ужас. Сотни различных механизмов, захваченных скоргами, постепенно «оживали» средь металлических холмов. Еще несколько часов, и для зачистки потребуется ядерный удар как минимум.

– Вторая казарма, – пришел по связи доклад Лапина. – Живых не нашли. Видели пару сталтехов.

Иван, преодолевая боль, ответил:

– Понял тебя. Идем к следующей контрольной точке. Там встретимся.

Он чувствовал себя слабым звеном группы, хотя должен был стать ее стержнем. К горлу подступала ярость, но она плохое подспорье при принятии здравых решений.

– Иван, послушай, есть средство.

Шершнев обернулся. Он не понял, о чем речь, и переспросил:

– Знаешь, как справиться с ордой механизмов?

– Нет. Я о скоргах, что тебе имплантировали.

– Что-то придумал?

– Пару месяцев назад я работал в полевой лаборатории в Пустоши. Мы исследовали свойства металлорастений, вернее, процесс образования н-капсул…

– Говори короче и яснее. Давай по существу!

– Не злись. В двух словах не выйдет. Большинство автонов – это ресурсодобывающие колонии наномашин, разработанные для марсианских поселений. Нас интересовало, как из безобидных, добывающих металлы нанороботов образуются капсулы с дикими скоргами – агрессивными,

готовыми к захвату носителя и его стремительной модернизации. Проблему разделили на две. Сначала мы проследили процесс зарождения и роста новой колонии, а уже затем, вторым этапом попытались выяснить, почему новорожденная колония, атаковав механизм или живое существо, в точности знает, что именно нужно сделать, какие модернизации произвести…

– Короче, Денис!

– Да, извини. Я о скоргах. Н-капсула формируется из микрочастиц родительской колонии. Поначалу она часть металлорастения, и составляющие ее нанороботы – это ресурсодобывающие наниты. Сталкеры умеют различать плоды металлорастений, они делят их на «созревшие», то есть агрессивные, готовые раскрыться, и «статичные», мимо которых можно спокойно пройти, даже дотронуться до них рукой. Мы следили за процессом «созревания» н-капсул и сделали ряд уникальных открытий. В районе вздутия, где формируется н-капсула, мы обнаружили появление новых, неизвестных ранее микрочастиц. Отдаленно они напоминают скоргофагов, но несут иную функцию. Они не уничтожают «чужеродные» микромашины, а стирают программы, полученные от родительской колонии.

– Стерилизуют созревающую колонию?

– Да. Сборщики н-капсул по каким-то признакам умеют различать три стадии развития н-капсулы: «отпочковавшаяся», «стерилизованная» и «созревшая», то есть уже готовая атаковать потенциальный носитель.

– Измайлов!

– Извини… Увлекся… В общем, я к тому, что нам удалось выделить наномашины, стирающие «родительские программы». Мы назвали их «нейтрализаторами скоргов».

Шершнев с трудом следил за ходом мысли Дениса. Боль стала совершенно невыносимой.

– Те же скоргофаги… Не вижу разницы… – прохрипел он.

– Нет. Скоргофаги атакуют наномашинные комплексы, разрушая их взаимосвязи, превращая «чужую» колонию в статичное металлическое вкрапление. А эти лишь стирают программное обеспечение, сохраняя целостность новорожденной агломерации. Ну, простой пример, – можно уничтожить компьютер, положив его под пресс, смяв в брикет, годный разве что на переплавку. А можно уничтожить программы, но оставить невредимым сам комп. Понимаешь разницу?

– К чему ты устроил мне лекцию?

– Я же говорю, нам удалось выделить небольшое количество нанитов-

стерилизаторов. Мы получили образец, изолировали его в специальной колбе, затем вывезли за Барьер, но тут они утратили свои свойства, превратившись в слипшиеся между собой микрочастицы металла.

– Помоги встать. – Иван протянул руку. – Нам пора. Рассказ был интересным.

– Да ты не понял ничего! Они реактивировались! – Измайлов извлек из закрепленного на поясе контейнера прозрачную пластиковую пробирку. Внутри перекатывались капли серебристой жидкости. – Забрал из лаборатории, – пояснил он. – Видишь, субстанция стала жидкой! Есть шанс, что наниты снова в рабочем состоянии!

– И что?

– Если ввести их тебе в кровь, то микромашины распространятся по всему организму, достигнут имплантов и уничтожат все программы, понимаешь?

Иван, с трудом сохраняя равновесие, мучительно взглянул на Дениса:

– Ты уверен, что это меня не убьет?

– Нет.

– Разве боль причиняют программы?

– Ты сам говорил, что Радич – злой гений. Уверен, кроме полезных программ, придающих импланту функциональность, он внедрил и вредоносные, причиняющие страдания носителю при определенном условии. Например, при отсутствии определенного радиосигнала. Обыкновенный триггер, включающий боль.

– И если ты прав, мои импланты просто вырубит?

– Да. Они превратятся в нейтральную колонию скоргов.

– В дикую колонию, которая через некоторое время начнет захватывать мое тело в качестве носителя? – уточнил Шершнев.

– Риск есть. Но вторая часть упомянутого эксперимента дает возможность свести его к минимуму.

– Еще одна лекция? Я не выдержу. Вводи свою дрянь… С такой болью я все равно умру. Так что риск невелик…

– Иван, ты…

– Все, хватит! – Шершнев буквально сатанел от боли. – Делай уже!

Измайлов присел подле него, вскрыл небольшую манипуляционную панель, поместил колбу с серебристой субстанцией в гнездо, в точности подходящее под ее размеры.

– Все. Теперь ждем.

– Свяжись с Лапиным. Пусть они с Саркоевым идут сюда…

Окончание фразы заглушил нечеловеческий крик. Тело Ивана

конвульсивно дернулось и обмякло.

* * *

– Что ты ему ввел?! – Капитан Лапин был вне себя от ярости. – Ты же убил его!

– Боль сводила его с ума.

– Вколол бы обезболивающее!

– У него функционировал метаболический имплант! Он блокирует действие любых препаратов!

– А неизвестные микромашины в кровь – это нормальный выход?! Экспериментатор, блин!

– Немного времени… – Измайлов чувствовал себя виноватым и в то же время не терял надежды на благополучный исход. – Нанитам нужно немного времени, чтобы достичь имплантов и нейтрализовать их!

– Убедил. – Сергей хмуро посмотрел на Дениса. – Следи. Жди результата.

– А вы?

– Проверим еще одну казарму.

Измайлов вздрогнул, подумав: «А что я буду делать, если тут появятся «изделия», захваченные скоргами на технических парковках?»

– Не дрейфь. Мы будем недалеко. – Лапин как будто прочел его мысли. – Возникнут проблемы – вызывай по связи.

Через минуту Измайлов остался один подле неподвижного тела Шершнева. Его перенесли в укрытие между стопок приготовленных для строительства бетонных блоков. Иллюзия защищенности нисколько не успокаивала. Появись неподалеку захваченные скоргами механизмы, им не составит труда обнаружить людей…

«Нечего ныть. Действуй, как задумал», – подстегнул Дениса внутренний голос.

Он достал комплект полевого медицинского оборудования, подключился к манипуляционной панели, встроенной во внешнюю оболочку бронескафандра Шершнева.

Тускло осветился небольшой дисплей переносного диагностического комплекса, в трубке, соединенной с анализатором, появилась кровь – контрольный образец, только что взятый у Ивана.

Взглянув на данные биохимического анализа, Денис ввел Шершневу препарат, на который метаболический имплант отреагирует со стопроцентной гарантией.

Минут пять придется выждать. Тест, проводимый Измайловым, был

достаточно прост. Если в пробе крови, которую он собирался взять, обнаружится содержание введенного препарата, значит, инъекция стерилизующих наномашин подействовала и метаболический имплант отключился, ну а если химическое вещество исчезнет – тогда все впустую.

Тягостно тянулись минуты тревожного ожидания.

Денис, не в силах сидеть без дела, взял автомат и переместился к импровизированной амбразуре. Выглянув в зазор между бетонными плитами, он не увидел ничего, кроме беснующейся мглы да смутно проступающих сквозь разбушевавшуюся непогоду контуров близлежащих зданий.

Со стороны свалки техники раздавался скрежет, от которого морозом продирало по коже.

«Неужели я и впрямь такой трус?» – промелькнула досадливая, неприятная мысль.

Ему никак не удавалось унять нервную дрожь. Знакомая местность выглядела угрюмой, таинственной, пропитанной ощущением исходящей отовсюду опасности.

К завыванию ветра и скрежету внезапно добавился звук автоматных очередей. Судя по темпу огня, работали два импульсных пулемета, но не прицельно, а взахлеб.

– Серж?

Горошина имплантированного за ушную раковину коммуникатора отозвалась помехами.

Автоматический огонь стих, затем с небольшим интервалом ударило два гранатных разрыва, в окнах второго этажа ближайшей казармы вылетели рамы, сквозь проемы вырвалось пламя, на миг высветив две отступающие человеческие фигуры, облаченные в легко узнаваемые бронескафандры.

Со второго этажа здания по ним било несколько автоматов.

Денис на миг растерялся, затем к горлу вдруг подкатила злоба, дикая, граничащая с мгновенным помешательством. Он вскинул оружие, и компьютерная система связи тут же передала изображение с датчиков прицела на проекционное забрало. В открывшемся оперативном окне, рассеченном тонкой координатной сеткой, промелькнули закопченные оконные проемы – один, второй, третий… Стоп! Резко очерченный термальный всплеск затаился в простенке, по форме сигнатуры это был человек, но сканеры определяли слишком высокий для живого организма процент металла.

«Сталтех?!» – Мысль обожгла рассудок, а в следующий миг фигура

совершила резкое недвусмысленное движение – стремительно выглянув из-за укрытия, инфицированный скоргами боец повел стволом ИПК, целясь сверху вниз.

Палец Измайлова выжал спуск.

Он сам не понял, когда успел прицелиться, сделал все машинально, словно всю жизнь воевал, но очередь его «Шторма» лишь отвлекла человекоподобное исчадие: игольчатые пули впились в стену здания, щедро осыпали оконный проем, вспороли пластиковый подоконник.

Сталтех отреагировал мгновенно. Он слегка довернул ствол, и Денис вдруг ощутил ошеломляющий удар – ответная очередь навылет пробила бетонные блоки, наполнив пространство между складированными стройматериалами метелью угловатого раскаленного щебня.

Измайлова отшвырнуло от амбразуры, ударило спиной обо что-то твердое, сознание на миг помутилось, но тут же вновь обрело ясность, он с ужасом привстал, ощупывая себя, затем наклонил голову, взглянул на грудную бронепластину, изнывая от ужаса, предчувствуя увидеть в ней огромную дыру, понять, что это последние мысли, последние секунды жизни.

Ничего.

Белесая царапина на черном глянцевитом пластике. В грудь ударил обломок бетонной плиты, а не цилиндрическая пуля, выпущенная из ИПК.

В носу щипало. От внезапного облегчения, осознания, что жив и даже не ранен, резко закружилась голова.

– Денис, молодчина! – Голос лейтенанта Лапина прорвался сквозь монотонный треск помех. – Вовремя прикрыл!

Гулко ударили одиночные выстрелы. Фигура сталтеха, отпрянувшего от окна, все еще фиксировалась компьютерной системой наведения, и Измайлов отчетливо видел, как снайперские попадания разнесли голову исчадия техноса, выбив фонтан ртутно поблескивающей дряни.

Его чуть не вырвало.

Каша, уже наполовину состоящая из скоргов…

Рядом появился Лапин, дружески похлопал Дениса по плечу, возвращая в чувство.

– Что с Иваном? Пришел в себя?

Измайлов усилием воли стряхнул оцепенение.

– Я сейчас. Сейчас проверю.

Мобильный диагностический комплекс, предусмотрительно накрытый специальным чехлом, работал исправно. Пять минут, запрограммированные на таймере, уже прошли, и автомат взял кровь на

анализ.

– Ну? Получилось?

Денис потрясенно кивнул. Он, конечно, понимал, что делает, искренне верил в успех, но, увидев результат, едва не заплакал.

– Получилось! Его импланты нейтрализованы!

– Ну? Когда в себя придет?

– Сейчас, мужики, дайте еще пять минут. Теперь я его на ноги быстро поставлю.

– Уж постарайся. – Саркоев жестом указал Лапину на злополучное здание.

Сергей, взглянув на показания БСК, невнятно выругался.

– Денис, у тебя пять минут!

От здания, если верить сканирующему комплексу, только что отделилась группа из семи сталтехов.

* * *

Шершнев пришел в сознание под звуки ожесточенной перестрелки.

Несколько секунд он пытался вспомнить, что случилось, где он находится, затем, вздрогнув всем телом, очнулся окончательно.

Он лежал на земле, рядом Измайлов возился с аппаратурой полевого медицинского комплекса.

Чего-то не хватает…

Боли не было. За последнее время он настолько привык к ее постоянному изматывающему прессингу, что начал воспринимать как должное.

Теперь ее не было. Она ушла. Исчезла.

– Денис!.. – пытаясь встать, сипло позвал он.

Измайлов обернулся.

– Лежи. Я ввел тебе боевые стимуляторы! Еще хотя бы минуту не двигайся!

– Сработало?

– Боли нет?

– Ушла…

Денис вымученно улыбнулся. Проблема осталась, он-то понимал это прекрасно.

– Иван, запомни: ты при первой же возможности должен отыскать толкового мнемотехника. Импланты отключились, но скорги никуда не делись. Они по-прежнему соединены с твоей плотью. Я не успел рассказать тебе о второй части исследований, но…

– Я понял. Расскажешь, когда выберемся…

* * *

Ввязавшись в бой с семью сталтехами, Лапин и Саркоев внезапно для себя оказались в западне.

Исчадия техноса вели себя как элитные, профессиональные бойцы. Четверо из них поддерживали плотный огонь, не давая высунуться, трое исчезли из поля зрения датчиков, совершая обходной маневр.

– Дело дрянь… – прохрипел Саркоев, меняя магазин.

– Отобьемся!.. – Лапин перекатом сменил позицию. – Сейчас Иван оклемается, станет легче!

Сзади возникли три смутные тени.

Саркоев уловил движение за спиной, резко обернулся, перекатываясь на спину, но вместо сталтеха внезапно увидел человеческую фигуру в черной как смоль броне.

Секундное замешательство стоило ему жизни. Очередь, выпущенная в упор, пробила бронескафандр.

Лапин услышал выстрелы, оглянулся.

Из сумрака выступили три фигуры. Все в черной броне, без каких-либо намеков на металлизированные разводы.

– Навоевался? – раздался по связи насмешливый голос. – Говори, сколько вас еще тут шатается?

«Проклятье…» – Лапина окатило холодом. Они не сталтехи! Лейтенант различил прикрепленные к бронескафандрам генераторы, создающие ложную сигнатуру. Они лишь имитировали исчадий техноса!..

Лишние мысли путались в голове.

– Что вам надо?

– А вот это не твое дело. Не хочешь отвечать, твои проблемы. – Короткая очередь ударила в забрало бронескафандра. – Ненавижу вояк… – просипел Радич. – Вечно под ногами путаются. Все, идем дальше. К вихрю!

Он обернулся, собираясь шагнуть во мглу, но в этот миг одиночный снайперский выстрел ИПК пробил его грудь.

Нелепо взмахнув руками, Радич мешковато осел на землю.

Зигмунд резко пригнулся, и следующий выстрел лишь раздробил бетон там, где только что находилась его голова.

Проклятье… Он не успел засечь снайпера.

Радич был еще жив. Он извивался, загребая руками пыльную сухую землю, но рана в груди не оставляла ему шансов.

«Сдохнет. И меня за собой утянет». Зигмунд моментально оценил ситуацию.

«Захватить контейнер и сваливать отсюда. Теперь я главный».

– Отходим! – отдал он короткий приказ.

* * *

Иван с Денисом выбежали на позицию, опоздав всего на несколько секунд. Измайлов кинулся к Лапину и Саркоеву, рухнул на колени, пытаясь что-то сделать, но тщетно. Оба были мертвы. Вот так, в одну секунду… Нелепо… Жестоко… Ему хотелось взвыть, но из горла рвался лишь хрип…

– Они… мертвы!.. – в возгласе Измайлова звучали страдание, горечь.

Иван понимал его. Он не в первый раз терял боевых товарищей. Самому хотелось взвыть, но майор давно научился держать свои чувства внутри, не показывая, каково ему в такие минуты.

Тело наемника выгибалось. Он был еще жив.

– Шершнев… тварь… ты… убил… меня… – жуткий клекот вырвался из горла Радича. – Второй раз… убил…

Иван вздрогнул, узнав голос.

– Ты… подписал… приговор… всем… Вы… все теперь… сдохнете…

Он наступил ногой на грудь извивающегося в агонии наемника, внимательно взглянул сквозь полупрозрачное забрало шлема.

Радич.

– Второй раз я не совершу ошибки. – Иван в горестном оцепенении взглянул на мертвые тела Лапина и Саркоева, затем произвел контрольный выстрел. Радич конвульсивно выгнулся и затих. Теперь уже без вариантов. Навсегда.

Подойдя к Измайлову, он осторожно коснулся его плеча.

– Денис, мы им уже не поможем. Надо идти.

– Куда? – Измайлов обернулся, ожег Ивана пустым, полным безысходного отчаяния взглядом.

– К основанию вихря. Там контейнер со скоргиумом. Он поддерживает брешь в Барьере.

– Теперь не все равно?

Иван знал, в эти секунды для Измайлова существует только горе безвозвратной потери. Ему кажется, что собственная жизнь закончилась. Но есть еще жизни миллиардов других людей, которые, наверное, еще можно спасти.

– Денис, соберись. Мы должны опередить наемников. Иначе – катастрофа.

Измайлов с трудом поднялся на ноги, подобрал ИПК Саркоева.

Он не понимал этой беспощадной логики.

Внешний мир…

Генерал Новиков звезд с небес не хватал.

Служил по совести, начинал лейтенантом в батальоне немедленного реагирования. Прежде чем подняться вверх по служебной лестнице, побывал во многих горячих точках земного шара, повидал достаточно, чтобы стать хорошим аналитиком, знающим не понаслышке о большинстве современных проблем цивилизации.

Все изменила роковая осень пятьдесят первого.

«Ударная волна» Катастрофы едва не смела существующий миропорядок, настолько велик оказался шок, растерянность перед лицом немыслимого явления, пометившего лик Евразии пятью зонами отчуждения.

По долгу службы Новиков одним из первых тесно соприкоснулся с проблемой отчужденных пространств. Нет, он не ходил за Барьер, не руководил какими-то из спецопераций – он отслеживал последствия катастрофы, собирал данные, анализировал их, став руководителем группы мониторинга. В задачу Новикова и его подчиненных входил анализ общей мировой ситуации и составление прогнозов на ближайшую краткосрочную перспективу.

Он владел многими не очевидными для других либо строго засекреченными данными, знание которых исключало иллюзии. В первые месяцы после образования отчужденных пространств он видел, как старейшие мировые политические системы балансируют на грани саморазрушения, как волна паники захлестывает земной шар, как замораживаются самые перспективные экономические проекты, мельчают финансовые потоки, словно тень величайшей депрессии накрывает человечество саваном неопределенности, неуверенности в завтрашнем дне.

Действительно, никто не знал, как станут развиваться события. Каждый спрашивал себя, а не повторится ли катастрофическое явление, но только теперь уже в планетарном масштабе?

Мир медленно сходил с ума от неопределенности, страха, ужасающих слухов. Каждая порция информации, приходящая из-за Барьеров, непосредственно влияла на мировую экономику, вносила панику, неразбериху, приводила к краху промышленных империй, порождала необоснованный ажиотажный спрос на различные, порой никак не связанные с действительными потребностями группы товаров, создавая их

искусственный дефицит.

Истерия продолжалась почти полгода.

Мир неузнаваемо изменился, а вместе с ним необратимо изменилось мышление тех, кто на своих плечах вынес все тяготы мирового «кризиса неопределенности».

Беда не сплотила, а разобщила государства и нации. Большинство политиков оказались не готовы нести груз каждодневного прессинга, отношения между странами стали жестче, прагматичнее – каждое государство начало собственную программу подготовки к часу икс.

Никто не верил ученым, когда те говорили о стабилизации Барьеров. Новиков на собственной шкуре испытал этот въедливый, отвратительный страх перед техносферой, еще вчера казавшейся естественной и комфортной средой обитания человека.

«Мы стали слишком зависимы от технических достижений цивилизации, – думал он. – Наша жизнь насквозь пронизана кибернетическими технологиями, без участия которых уже не работает ни один самый простейший бытовой прибор».

Он навсегда запомнил тот хаос, что царил в первые месяцы после катастрофы, когда оказалась нарушена единая система энергоснабжения огромной страны, а два крупнейших мегаполиса превратились в мрачные склепы для миллионов выживших. Лишенные электричества, питьевой воды, средств мобильной связи, люди сходили с ума, их мир рухнул, как казалось – безвозвратно, в отдельных регионах исчезло само понятие «цивилизация» – мрачные кварталы сверхвысотных зданий, озаренные трепещущим светом допотопных свечей, стали ареной жесточайшей, кровавой борьбы за выживание, а весь остальной мир, ощутивший лишь информационные последствия катастрофы, с ужасом наблюдал, как люди, лишенные привычных удобств, теряют человеческий облик.

Мир в одночасье стал другим.

Потребовалось полтора года, чтобы понять: Барьеры действительно стабилизировались, технос не способен вырваться из границ гравитационных аномалий. Конец света не состоялся, но, видимо, был отложен на неопределенный срок, может, на год, а может, на день.

Страх не ушел, он проник в глубины сознания и затаился там.

Павел Денисович не избежал общей участи. Он тоже изменился. Теперь для него жизнь отдельно взятого человека уже не являлась неоспоримой ценностью.

Он видел, как гибнут миллионы, и знал, если потребуется кем-то пожертвовать, во избежание повторения трагедии он сделает это не

колеблясь.

…Внезапный доклад разбудил генерала посреди ночи.

Ответив на вызов мобильного коммуникатора спецсвязи, он сел, стараясь стряхнуть сонную одурь.

– Ну? – несколько раз моргнув, спросил он.

– Господин генерал, вы велели докладывать обо всех чрезвычайных ситуациях в пространстве Пустоши.

– Да говори уже, не тяни! – прикрикнул Новиков на дежурного офицера.

– Только что пришла информация о формировании в зоне Барьера мощнейшего атмосферного течения!

– Возможен прорыв?

– Ураган невиданной силы возник за считаные минуты. В данный момент потеряна связь с двумя секторами периметра. Спутниковый мониторинг подтверждает наличие многокилометрового выброса Пепельного тумана!

– Понял. – Новиков по привычке зафиксировал время. – Буду в управлении через двадцать минут. Постоянно держите меня в курсе! – Он уже одевался, одновременно вызывая по второй линии ведущего специалиста в вопросах аномальных явлений Пустоши.

– Андрей Эдуардович, спишь?

– Уже нет.

– Ты в курсе?

– Минуту назад получил информацию о внезапном выбросе облака наномашин.

– Что думаешь? Только коротко и доходчиво! – Новиков огляделся. Вроде ничего не забыл. Машина у подъезда, улицы пусты, доберусь без проблем.

– Давай, давай, у нас времени в обрез! – подстегнул он собеседника, захлопнув дверь квартиры и направляясь к лифту.

– В двух словах не выйдет.

– Да говори уже! – Генерал выбежал из подъезда. Дверь машины услужливо распахнулась, сработала система распознавания хозяина. – В управление! – отдал он лаконичное распоряжение автопилоту. – Да не тебе, Андрей Эдуардович. Ты не проснулся? Я жду пояснений!

– Выбросы Пепельного тумана не такая уж и редкость.

– Знаю. Но этот необычен, верно?

Машина неслась по полупустым улицам. Четыре часа утра. За тонированными стеклами мелькали редкие огни спящего мегаполиса.

– Обычно атмосферные течения, способные преодолеть толщу Барьера, образуются под воздействием энергии пульсаций. Но в нашем случае, как я вижу, ничего подобного не происходило. Последнее возмущение Узла зафиксировано две недели назад.

– Ты мне что-то толковое скажи! – Новиков начал терять терпение.

– Как правило, воздушные потоки, несущие микрочастицы, затухают в толще Барьера. Им не хватает энергии, чтобы преодолеть пиковое значение гравитации. Пылевые облака, состоящие из скоргов, обладают огромным суммарным весом. Их просто прибивает к земле.

– Ты картинку со спутников видишь?

– Да. Облако наночастиц очень странно вытянуто. При ударе пульсации таких картин никогда не наблюдалось. Подожди, Павел Денисович. Тут, при большом разрешении, еще видны нитевидные энергоматрицы!..

– О чем они говорят?!

– Да это попросту невозможно!

– Ты глазам своим веришь?! Так объясняй то, что видишь!

– Но… Подобные нитевидные энергоматрицы указывают на активные колонии скоргов!.. Схожее явление часто наблюдается при миграции Пепельного тумана между соседствующими энергополями. Скорги движутся по силовым линиям, именно наблюдения за нитевидными сигнатурами, широко распространенными в Пустоши, позволили нам изучить структуру энергополей!..

Новиков почувствовал легкий озноб.

Активные энергоматрицы… Неужели прорыв?!

– Единственное предположение, что идет на ум… нет, такое невозможно!..

– Да что же из тебя все клещами тянуть приходится! – вспылил Новиков. – Говори, как думаешь, а «возможно» или «невозможно», я уж как-нибудь разберусь!

– За Барьером, примерно в двух километрах от внешнего периметра, в данный момент находится скоргиум! Иначе объяснить наличие нитевидных энергоматриц я не могу. Они активны, что-то подпитывает скоргов за границей Барьера, и они стремятся к источнику энергии!

Новиков дослушал его, переключил канал:

– Дежурный! Боевую машину к вылету!

Коснувшись сенсора, Павел Денисович активировал третий защищенный канал:

– Антоненко, слушаю!

– Новиков на связи. Что думаешь?

– Ничего хорошего! – резко ответил командующий изоляционными силами. – Прорыв!

– Отмени регламент зачистки!

– Рехнулся?! Мне нужны прямые указания президентов России и Украины.

– Будут. Только не шарахни плазменными ракетами, прошу.

– Ты мне не указывай!

– Я только прошу – повремени.

– У тебя пять минут. Не получу прямого приказа…

– Получишь. – Новиков коснулся отдельного сенсора, открывая прямой канал с президентом.

* * *

Скоргиум.

Термин, обозначающий аномальный элемент, появился недавно, но прижился на удивление быстро.

Каждый уважающий себя политик теперь знал это слово, но мало кто понимал его истинное значение.

Скоргиум.

Неиссякаемый источник энергии.

Обладание им означает абсолютную власть над миром, где безрассудство и алчность распространили безопасные с виду, омертвевшие за Барьерами колонии скоргов по всем континентам в виде многочисленных техноартефактов, различных дорогостоящих безделушек, стремительно входящих в моду, миллионов вывезенных за пределы отчужденных пространств образцов «изделий техноса», неравномерно распределенных по легальным и нелегальным исследовательским центрам.

Постоянное чувство опасности вырабатывает пренебрежение к ней – так вроде бы говорили древние.

Новиков знал нужные слова, чтобы убедить глав двух государств отменить утвержденный регламент зачистки.

Один грамм скоргиума, помещенный в специальную капсулу, способен питать энергией целый город, оснащенный специально разработанными машинами.

Один грамм скоргиума, ввезенный на территорию современного мегаполиса, способен спровоцировать катастрофу невиданных масштабов – пробудив «безопасные» безделушки, нелегально вывезенные из отчужденных пространств, аномальный элемент даст возможность скоргам

мгновенно атаковать техносферу города.

Если прав профессор Иноземцев, то ракетный удар по точке прорыва приведет к непредсказуемым последствиям. Кто и в каком количестве вывез скоргиум за границу Барьера, еще предстояло выяснить, сейчас главное – захватить контейнер с элементом (Новиков прекрасно знал, что вне специальной камеры аномальное вещество теряет свои свойства, превращаясь в кристаллический порошок) и вывезти его в безопасное место. Скорее всего – в космос, на лунную орбиту.

Президентам не нужно объяснять, какое преимущество над остальным миром получают государства, обладающие активным запасом скоргиума.

Он ни на секунду не сомневался – ему не откажут в попытке обнаружить и захватить контейнер.

Зона прорыва техноса…

Вертолеты снижались, прорываясь сквозь мглу, зачищая пространство захваченного техносом военного городка непрерывным огнем бортовых орудийных комплексов.

Вихрь, вращающийся среди ангаров, уже снес часть металлических конструкций, он рос, набирая силу, в нем ощущалась зарождающаяся мощь грядущего с минуты на минуту катастрофического события.

Иван, услышав знакомый звук двигателей, понял: помощь близка. Сейчас главное – предотвратить новую катастрофу.

– Денис, прикрой! – Он привстал, воспользовавшись моментом. Появление «вертушек» отвлекло внимание наемников, давая шанс прорваться к контейнеру.

Металлопластиковые стеллажи змеились искажениями. Их материал в буквальном смысле «тек», принимая замысловатые пространственные формы. Сполохи зеленоватого сияния плотно окружали невзрачный с виду контейнер, откуда генерировалось мощное поле аномальной энергии.

Возможно, сейчас истекали последние секунды, пока еще возможно предотвратить стихийно начавшийся процесс формирования нового «тамбура».

Фиолетовые молнии непрерывно рвали небеса.

К разрядам добавились вспышки орудийного огня, ослепительными факелами в клубящуюся мглу вонзились ракетные запуски – это выжившие в перестрелке наемники били по вертолетам из ручных реактивных комплексов.

Иван бежал, прячась за укрытиями, вокруг бесновались искажения,

автоматные и пулеметные очереди прошивали стены ангара, вздымали султаны бетонной крошки, гнались по пятам, но искажения, окружившие контейнер, сбивали траектории прицельного огня.

Шершнев запретил себе думать о возможных последствиях безумного рывка.

Страх тонул в адреналине. Он до последнего оставался верен себе.

Очередная полоса призрачного сияния на миг полыхнула, пересекая грудь. Липкий пот выступил по всему телу, внутренности обожгло болью, но Иван по инерции проскочил через искажение, оказавшись подле злополучного контейнера.

На сенсорной панели управления злобно тлел ряд индикаторов с непонятными пиктограммами, расположенными чуть ниже.

Иван рухнул на пол. Как он успел заметить, большая часть искажений скользила примерно в метре от поверхности земли.

Он слышал выстрелы, воспринимал рокот орудий и вибрации от частых разрывов, периферийным зрением фиксировал, как вращение вихря рвет металл крыши ангара, разваливает стены, скручивая листы гофрированного металлопластика в абстрактные фигуры, тут же исчезающие в круговом токе уплотненного воздуха.

Теперь я как на ладони…

Интересно, как же он управляется? Что, если касание сенсора освободит еще больше энергии скоргиума?

Шершнев не рискнул спровоцировать катастрофу. Внезапно ему в голову пришла мысль: что, если переместить контейнер?

Между аномальным пространством и оказавшимся вне Барьера скоргиумом образовалась устойчивая энергетическая связь, но сохранится ли она при перемещении аномального элемента?

Неподалеку ударил ИПК.

Измайлов. Живой…

Иван схватил контейнер за ручки.

– Денис, прикрывай меня! – выдохнул он, не зная, услышит ли его Измайлов, но тот внезапно показался неподалеку, оглянулся, отчаянно жестикулируя.

– Иван, остановись! – прорвался сквозь помехи голос Дениса. – Перемещение не поможет!

– Экранировка! Нужно включить экранировку контейнера!

– Излучение скоргиума невозможно экранировать! – Денис, часто оглядываясь, отступал в глубь полуразрушенного ангара.

– Что делать?! Говори!

– Его нужно вскрыть!
– Не выйдет. Тут нет ни замков, ни отпирающего механизма!
– Взорви! Иначе ничего не получится!
Иван несколько раз с силой ударил контейнер о бетонный выступ фундамента, но тот даже не оцарапало.
– Шершнев, прекрати! – внезапно раздался на частоте связи властный голос.
Новиков?! Он тут?!
– Иван, быстрее! Наемники!
Шершнев оглянулся. Неподалеку полыхало три сбитых военно-транспортных вертолета. С одной стороны к развороченному ангару подбиралась цепь солдат, с другой наступали боевики синдиката.
Нехорошее предчувствие зародилось у Шершнева. Что-то внутри подсказывало: живым его отсюда не выпустят. Ни свои, ни чужие.
Выхватив последнюю плазменную гранату, он освободил край липкой ленты, предназначенной для установки ловушек, несколькими точными движениями прикрепил взрывное устройство к контейнеру.
Вокруг вспыхнула ожесточенная перестрелка. Часть боевиков залегла, некоторые упали, корчась в агонии.
С утробным воем над самой головой пронесся штурмовой вертолет, вспарывая позиции наемников непрерывным огнем скорострельных автоматических орудий.
Нет выхода.
Нет своих и чужих.
– Иван, не дури! Оставь в покое контейнер и отойди в сторону.
– И что дальше? – Шершнев сделал еще один виток липкой ленты, приторочив контейнер себе за спину.
– Мы подготовили временный саркофаг! Опустим его с «вертушки». Накроем контейнер.
Шершнев припал на одно колено, прячась за бетонным выступом. Измайлов занял позицию в полуметре от него.
– Иван, он лжет! Скоргиум невозможно экранировать! Излучение свободно проходит сквозь все известные материалы!
– Почему же он не работал?
– Скоргиум не излучает постоянно! Элемент добыли в период «покоя».
– Его не погасить?!
– Только если разрушить контейнер!
– И что произойдет?!

– Скоргиум кристаллизуется, утратит все свои свойства!
– Что произойдет в момент взрыва?
– Понятия не имею!
Иван понял, что оказался в тупиковой ситуации.
Взорвать контейнер – значит резко оборвать образовавшийся энергетический поток. Как отреагирует аномальное пространство? Где гарантия, что не произойдет нового пробоя метрики пространства, что земной шар не разорвет на части?
Не взрывать?
Тогда прорыв техноса завершится формированием новой «зоны тамбура» за периметром Барьера.
Нет. Выход только один – вернуть контейнер в границы Пустоши.
Вопрос, дадут ли ему осуществить задуманное?
– Павел Денисович! Вы не сможете экранировать скоргиум!
– Шершнев, не твоего ума дело! Отсоедини гранату и выходи из укрытия!
Внезапно на частоте связи возник еще один голос.
– Шершнев, слышишь меня? Это Зигмунд! Тебя предали! Не отдавай им скоргиум! Технос сам все сделает! Продержись пару минут, и все будет кончено!
– Денис… – Шершнев обернулся. – Нужно захватить вертолет.
Измайлов молча кивнул. Он понял замысел Ивана и был полностью с ним согласен.
– Решай, Шершнев, только не тормози! – вновь раздался голос наемника. – Тебя убьют.
– Да заткните эту падаль! – выкрикнул Новиков. – Иван, я иду к тебе. Не дури!
Шершнев взглянул на данные сканирования.
Ближайшая «вертушка» в сотне метров от ангара. До нее сейчас как до луны…
Ситуация складывалась безвыходная, а контейнер светился все интенсивнее.

* * *

В полукилометре от места событий четверо сталкеров быстро, сноровисто карабкались на склон господствующей высоты.
– Первый, на позиции! Наблюдаю цели, могу работать! – Доклад Титановой Лозы прозвучал сухо, без эмоций.
– Жди, – ответил Аскет.

– Поняла. Держу генерала.

– Третий на позиции!

– Выдели пеленг мью-фонов наемников!

– Четвертый вышел в точку. Готов работать!

Аскет откинул сошки крупнокалиберного ИПК, перевел оружие в режим снайперского огня.

– Апостол, координаты пеленга!

– Передаю!

– Замерли! Без моей команды не стрелять!

Аскет сканировал частоты связи.

Диалог генерала Новикова и майора Шершнева, в который попытался вклиниться Зигмунд, расставил все на свои места.

А ты не изменился, Иван…

– Саид, Апостол, работаете по наемникам. Дарлинг, предупредительный для генерала. Погнали!

* * *

Новиков, облаченный в бронескафандр, действительно направился к основанию вихря.

Внезапно с гребня господствующей высоты ударили снайперские выстрелы.

Неподалеку раздались вскрики гибнущих наемников синдиката.

«Своевременная поддержка», – подумал генерал и тут же запнулся – пуля вырвала кусок бетонного покрытия у его ног.

– Следующая в голову, – предупредил невидимый снайпер.

Новиков замер.

– Вы там что, охренели?! – выкрикнул он.

– Не дергайся. Владеть скоргиумом хотят многие. Но ты лично готов умереть за него?

* * *

Шершнев приготовился к худшему, когда Новикова остановил предупредительный выстрел.

В следующий момент в коммуникаторе раздался спокойный голос:

– Иван, ты должен меня вспомнить. На связи капитан Баграмов, спецназ ВКС. Пересекались с тобой в Африке.

– Ты – Аскет?

– Да. Среди сталкеров я – Аскет.

Новиков, который слышал начало их диалога, взревел:

– Зачистить! Всех!

Три боевых вертолета вырвались из мглы, но приказ генерала так и остался неисполненным – пилоты невольно ушли в вираж, когда прямо по курсу вдруг бесшумно появились две модернизированные техносом «Пустельги».

– Не время для новой катастрофы. – Аскет говорил совершенно спокойно. – Скоргиум нужно вернуть в Пустошь. У нас есть воля и средства для этого.

Новиков в порыве неконтролируемого гнева попытался рвануться вперед, но его остановил снайперский выстрел. Пуля пробила ногу, генерал заорал, упав на землю.

– Иван, решай быстро!

– Я согласен! – хрипло выкрикнул Шершнев.

Через пару секунд к основанию вихря спикировала модернизированная техносом «Пустельга». Диафрагменный люк в борту открылся.

– Денис! Ты первый!

Измайлов рванулся к исчадию техноса. Он уже не дрожал, на страх или сомнения не осталось сил.

Иван поднялся с земли, вскинув ИПК, не поворачиваясь спиной к цепи солдат, уже добравшихся до генерала Новикова, начал медленно отходить.

Измайлов протянул руки, помог ему вскарабкаться в люк, и прирученный «дракон» тут же взмыл в воздух.

Исполинский смерч исказился, потянулся вслед уходящей к Барьеру машине, выпустив десяток переливающихся изумрудным сиянием энергетических сгустков.

С господствующей высоты поднялся еще один «дракон».

Обе «Пустельги» прибавили скорость, двигаясь прямо в центр яркого пятна, где атмосферное течение пробило толщу Барьера.

Энергетические сгустки не отставали.

– Иван, они нас нагоняют.

– Что с вихрем?

– Он распадается. Мы в зоне пиковой гравитации.

– Я это чувствую. Лучше скажи, что делать, Баграмов?

– Через минуту откроется люк. Сбрось контейнер.

– Последствия? Ты хорошо подумал?

– Мы уже будем в границе отчужденного пространства. Ничего страшного не произойдет.

– Денис, помоги.

Измайлов оторвал липкую ленту. Иван перехватил тяжелый контейнер, а в следующий миг люк в броне исчадия техноса действительно распахнулся.

Шершнев увидел внизу заросли металлорастений и быстро настигающие машину сгустки зеленоватого сияния.

Он вытолкнул контейнер наружу.

Плазмоиды устремились за ним, настигли, полыхнула зеленоватая вспышка и…

Яркое пятно в толще Барьера вдруг начало гаснуть.

Люк захлопнулся.

* * *

В двух километрах от Барьера генерала Новикова грузили на носилки.

Внезапно клубящаяся пепельная мгла, закручивающаяся в вихрь, остановила движение, и на глазах бойцов произошло необычное явление: серые облака начали стремительно таять, обрушив на землю метель мельчайших металлических пылинок.

Через минуту над бывшим военным городком сто семнадцатого батальона как ни в чем не бывало сияло солнце.

Новиков приподнял голову, взглянул вокруг, хотел что-то сказать, но лишь безнадежно махнул рукой, откинувшись назад на носилки.

Эпилог

В металлических лесах нет торных дорог.

Здесь все меняется ежечасно. То набирает силу жестяной подлесок, то крупный механоид проломит просеку, то пульсация вздыбит ландшафт там, где вчера находилась поляна.

Одни энергополя угасают, другие набирают мощь, кочующие колонии диких скоргов создают ловушки, а крупные исчадия техноса их «разряжают».

Но есть в Пустоши особые, потаенные места, где изменения происходят крайне редко.

Например, разветвленная сеть тоннелей техноса, протянувшихся на сотни километров, ведущих к самым гиблым, загадочным участкам отчужденного пространства.

Сталкер, в старой, потертой, покрытой выщерблинами от пуль и осколков, но все еще прочной экипировке военного спецназа, пробирался одним из таких тоннелей.

Пол под ногами похрустывал, толстые подошвы ботинок давили мелких скоргов.

Тоннель постепенно приобрел положительный уклон, и вскоре впереди стало заметно размытое пятно тусклого дневного света.

Засека, созданная скоргами, обветшала от времени. Новая поросль металлокустарников захватила постепенно разрушающийся форпост, где когда-то несли неусыпную вахту механоиды.

Теперь модифицированные металлические деревья погибли, они ржавели под открытым небом, постепенно разрушаясь.

Среди окислов ветшающей засеки выделялись группы молодых, выращенных недавно автонов редких видов. Они росли упорядоченно, словно кто-то специально засеял расчищенную делянку н-капсулами.

Неподалеку от окультуренных посадок возвышалось строение – приземистый сборный ангар из композитных материалов. Подле него росли два металлических дерева, под ними на расчищенных площадках высились только формирующиеся конструкции. От крон древовидных автонов к ним тянулись длинные гибкие ветви, что заставило сталкера невольно поежиться.

Он замер, затем подал условный сигнал.

Кусты «адского шиповника», окружающие затерянный в

металлических дебрях лагерь, пришли в движение, в них образовался проход, явно созданный мнемотехническим воздействием.

Сталкер выждал, пока смертоносная «путанка» не стабилизируется, затем, пригнувшись, пролез сквозь дыру в изгороди.

– Здорово, Шершень!

– Привет, Корень!

Они дружески похлопали друг друга по плечу.

– Проходи.

На пороге ангара появился еще один сталкер. Выглядел он неважно, худой, изможденный, бледный, но болезненный облик не отражал его действительного состояния, глаза смотрели на окружающий мир с плохо скрытым восторгом исследователя, получившего наконец полную свободу действий.

– Денис!

Измайлов обернулся, узнал Шершнева, шагнул навстречу, протягивая руку.

– Рад тебя видеть.

– Как сам?

– После имплантации? Да Корень говорит, что неплохо все прошло. Привыкаю.

– Вижу, как ты привыкаешь. – Шершнев указал взглядом на сформированные у основания металлических деревьев корпуса загадочных машин. – Тренируешься по полной?

– Уже работаю, – не без гордости ответил Денис. – Ты к нам по делу или просто так зашел?

– На тебя посмотреть, – усмехнулся Иван.

– Ты присаживайся. – Корень указал на неказистый стол с пластиковой столешницей.

– Еды вам принес. – Шершень скинул с плеч объемистый рюкзак.

– Вот это кстати. А то я сам собирался на Обочину, – довольно ответил Корень. – Сейчас обед быстро соображу, было бы из чего готовить, – подмигнул он Шершневу.

– Ну как? – Иван сел на грубую скамью, облокотился о стол. – Я смотрю, ты подхватил идею? – Он вновь покосился на обтекаемые корпуса машин.

– Это просто потрясающе, – ответил Денис. – Жаль, что такой человек, как Радич, оказался… – Он запнулся, подбирая слово, – злым гением, что ли?

– Он был обыкновенным убийцей, – хмуро ответил Шершнев. – И все,

что ты изучил в лагере наемников, никогда не принадлежало Радичу, хоть он воображал, что движет прогресс. Это наработки пленных мнемотехников.

– Твоя правда, – смутился Измайлов. – Жаль, что они разбрелись кто куда. Командой мы бы горы своротили!

– Ну а что это? – Иван с любопытством поглядывал на обтекаемые формы выращиваемых механизмов.

– Да мы с Корнем большой эксперимент затеяли. Хотим вырастить зонды-разведчики, чтобы отправить их в Узел. Ну а потом, если все получится, – попробуем создать настоящий космический корабль.

Иван удивленно взглянул на него.

– Ты собираешься рискнуть? Создать машину и на ней проникнуть в гипертоннели?

– Ну, до этого еще далеко. Нужен скоргиум для двигателя и генераторов защиты. Но концепция уже проработана, – в глазах Измайлова зажегся огонек страстного исследователя.

«Сталкеры не люди» – вспомнилась Ивану презрительная фраза генерала Новикова.

А кто? Если Денис Измайлов не человек, Корень, Аскет, Титановая Лоза, Мангуст, Макс, Леший – у каждого свой путь, свои мечты, свои невзгоды и радости. Если мы не люди, то кто тогда может с уверенностью назвать себя человеком?

– Эх, жаль, что тот контейнер со скоргиумом разрушился.

В дверях ангара показался Корень.

– Я слышу, ты уже Шершня на авантюры подбиваешь?

– Да я еще ничего ему предложить не успел! Но, Иван, мы ведь теперь в точности знаем, как добывать аномальный элемент! В периоды, когда его излучение ослабевает, можно практически беспрепятственно проникнуть к вкраплению, набрать сколько нужно! Особенно здесь, где все изрыто тоннелями техноса!

– Вот, опять понесло тебя, Денис! – укоризненно покачал головой мнемотехник. – Кстати, – он обернулся к Ивану, – свежую прессу читал?

– Нет. Некогда было.

– Тут забавную статью в М-сети выложили.

– Ну покажи.

Корень активировал нанокомп, протянул его Шершневу.

«Генерал Российской армии спас планету от повторения катастрофы», – прочел он броский заголовок.

Ниже красовалась фотография Новикова.

Иван лишь покачал головой, отключил нанокомп, вернул его Корню, а затем, обернувшись к Денису, вполне серьезно, без тени усмешки, сказал:

– Знаешь, а я бы хотел взглянуть на звезду из скоргиума.

Адрес автора в Интернете: www.Livadnyy.com

notes

Примечания

1

«Сердце зверя» – артефактный накопитель энергии, основной источник питания для различных вживленных в организм сталкера устройств.

2

Барьер – гравитационная аномалия, расположенная по периметру отчужденного пространства.

3

Скорги – сленговое название эволюционировавших наномашин.

4

БСК – боевой сканирующий комплекс. Обычно монтируется в шлеме бронескафандра.

5

На самом деле гравитационные аномалии, именуемые «Барьерами», имеют сферическую форму, распространяясь в глубь земной коры, но при визуализации карт обычно воспроизводится их видимая над поверхностью рельефа часть, в виде полусфер тридцатикилометрового диаметра.

6

Сленговые обозначения неимплантированных охотников за техноартефактами.

7

События романа «Точка разлома».

8

«Зона тамбура» – геометрический центр отчужденного пространства. Точка доступа к сети гипертоннелей.

9

СБ – служба собственной безопасности.

10

ЭРЗ – эволюционировавший робот зоны.

11

Обочина – знаменитый сталкерский рынок в местечке Выгребная Слобода на окраине Пустоши.

12

Н-капсулами, собранными с одного из редких металлорастений, подходящими по размеру и прочностным характеристикам оболочек, некоторые сталкеры снаряжают магазины «карташей».

13

События романа «Точка разлома».

14

«САС» – сборщик артефактов сервоприводный.